

Псковское региональное отделение Союза краеведов России
Псковский государственный университет
Администрация Бежаницкого района Псковской области
Бежаницкий Историко-культурный центр Философовых
Государственный заповедник «Полистовский»

ДЕВЯТЫЕ ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том II

*Материалы научно-практической конференции,
пос. Бежаницы Псковской области,
11–13 октября 2019 года*

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2019

УДК 908
ББК 28.89
Д789

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Редактор-составитель — Т. В. Вересова

Редакционная коллегия:

Т. В. Вересова, председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России (ПРО СКР), член Совета СКР, член Союза писателей и Союза журналистов России, гл. редактор альманаха «Псковский летописец» (ответственный редактор);

Л. Я. Костючук, д-р филол. наук, профессор ПсковГУ (научный редактор);

Н. В. Бугеро, и. о. декана Естественно-географического факультета ПсковГУ, д-р биол. наук;

Н. К. Теренина, канд. геогр. наук, доцент Кафедры географии Естественно-географического факультета ПсковГУ;

А. В. Филимонов, канд. истор. наук, проф. Кафедры отечественной истории Исторического факультета ПсковГУ.

Д789

Девятые (IX) Псковские региональные краеведческие чтения. Материалы научно-практической конференции (пос. Бежаницы, 11–13 октября 2019 г.). Том II / Под редакцией Т. В. Вересовой. — Псков : Псковский государственный университет, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-91116-872-8 (Том II)

ISBN 978-5-91116-870-4 (общий)

Во второй том сборника вошли статьи, основанные на докладах, прочитанных на секциях «Имя в истории края, России» и «Малоизвестные страницы истории Псковской земли», вновь открывающие события и имена людей, некогда сыгравших заметную роль в судьбе нашего малого и великого Отечества.

Статьи сохраняют авторский стиль.

УДК 908
ББК 28.89

ISBN 978-5-91116-872-8 (Том II)
ISBN 978-5-91116-870-4 (общий)

© Псковское региональное отделение
Союза краеведов России, 2019
© Псковский государственный университет, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

УДК 908

Л. Я. Костючук

Псковский государственный университет,

E-mail: anh57@yandex.ru

Второй том Девярых Псковских краеведческих чтений знакомит прежде всего с теми, кто своими знаниями и деяниями объективно сохранил своё имя в истории Псковского края и России. В первой секции это **И. И. Василёв** (очень многие ценные сведения о Пскове XIX в.); **Л. А. Творогов** (хранитель старины в Псковском музее); **А. И. Белинский** (многоаспектные записи об Опочецком уезде 20-х годов XX в.); **Я. Горожанский** (педагог-филолог, выпускник Псковской Духовной семинарии). Узнали слушатели о тех псковичах, кто в XX в. способствовал развитию и сохранению истинной науки в трудные годы репрессий (выдающийся биолог **Е. Синская**); о династии православных церковнослужителей **Бежаницких** на страже православия в Прибалтике; о полковом священнике **М. Блажевиче**. Помнят роль псковичей и в далёких от Пскова местах: богослов **В. Сахаров** как ректор Орловской Духовной семинарии; пскович **А. Карманов** как ректор ряда крупных педагогических вузов России, включая и Челябинск.

Доклады с кратким названием «*О генерале Чагине*», «*Барон Модест Фредерикс*» открыли присутствующим неожиданные судьбы достойных людей.

Краеведы выяснили и показали достойные жизни и деятельность представителей дворянских фамилий — Неклюдовых, владельцев сельца Ступино Теребенской губы; некоторых поколений рода Затеплинских, владевших сельцом Савкино Опочецкого уезда.

Судьбе псковских дворян Бибиковых, связанных и с историей Вильнюсского литературного музея А. С. Пушкина, связанного с памятью о великом русском поэте и его потомках, посвящён был доклад увлечённого исследователя.

Псковичам интересны сведения о многих поколениях Философовых, поэтому привлекли выступления начинающего краеведа по поводу некоторых строк и событий из воспоминаний В. Д. Философова (представителя псковской ветви) о времени обучения в Императорском училище правоведения; опытного исследователя из Повол-

жья, обнаружившего неизвестную переписку XIX века Философовых Кинешемской ветви.

Каждый доклад свидетельствовал о необходимости помнить и знать свою историю, поэтому и был поставлен вопрос об увековечивании памяти и юного партизана Л. Голикова, и учёного Е. Синской.

В секции «*Малоизвестные страницы истории Псковской земли*» были затронуты разные периоды края с XIX в.: сообщение об участии дворянства в общественной жизни Псковской губернии первой половины века с акцентом на пользу окружающим. Современные краеведы имеют возможность выяснить и осветить судьбы населения Псковского края в переломные и сложные периоды новой России XIX в.: например, события, связанные с крестьянством в 1919 году (мятежи в Новоржевском уезде); период коллективизации по воспоминаниям очевидца; а также о тяготах для тех, кто был лишён избирательных прав в одной из волостей 30-х годов.

Неисчерпаема память народа о героическом сопротивлении народа в период Отечественной войны 40-х годов XX века (в частности, об одной из операций партизанской бригады 1943 г.). Полезно знать и о том, что сообщала, например, французская пресса об освобождении Пскова и Острова летом 1944 года.

В последние десятилетия, начиная с рубежа XX–XXI вв., актуальна для Псковской земли тематика «*пограничья*», «*зарубежья*», «*контактов*» и с учётом многих аспектов научного изучения, взаимоотношений с соседними народами в прошлом и настоящем, что частично было представлено в докладах о хозяйственно-торговых делах в Абренском уезде 1921–1940 гг.; о латышских поселениях на псковской Стругоокрасненской земле. Интерес к подобным темам вызван и значимостью контактов псковских говоров с близкородственными балтийскими языками (в данном случае, латышским).

Информации же об использовании псковских топонимов с разными функциями за пределами Псковского края (*Псковская улица* в Санкт-Петербурге; «*Снятная гора*» как название Детского дома на Заволжской земле) сообщают неизвестные исторические сведения.

Просьба к читателям всего сборника Девярых Псковских краеведческих чтений познакомиться с находками в области *родиноведения* / *краеведения* и быть готовыми принять участие в следующих встречах краеведов.

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ

УДК 908

Л. Я. Костючук

Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия. E-mail: anh57@yandex.ru

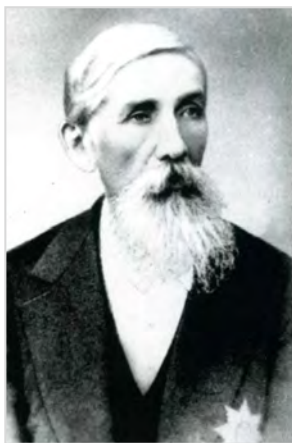
К ПАМЯТИ О ТЕХ, КТО БЫЛ ПРЕДАН ПСКОВСКОМУ «РОДИНОВЕДЕНИЮ»

*Статья посвящена некоторым страницам псковского **родиноведения** / **краеведения**. Первый синоним принадлежит выдающемуся псковичу XIX века **И. И. Василёву**, фактически одному из первых зачинателей этого движения в России XIX века. Традиции, заложенные им, его отношение к родному краю и память о нём важны и действенны и в современных условиях для тех, кто занимается краеведением. Знакомство и доверительные отношения **И. И. Василёва**, ставшего первым **Почётным гражданином города Пскова**, и будущего академика **С. Ф. Платонова** позволили затронуть и трагические события, связанные с судьбой краеведения в нашей стране XX века как напоминание о необходимости беречь память о тех, кто посвящал свою деятельность своей стране.*

Ключевые слова: краеведение, родиноведение; изучение прошлого и современного; «малая родина»; история народа; народный язык; словарь как хранитель народной памяти.

В названии моей работы есть слово «**родиноведение**» — синоним XIX века современному «**краеведение**».

Принадлежит оно человеку, сделавшему в XIX веке так много для Пскова: успешная работа в Статистическом комитете (обобщение достигнутого, например, в «**Опыте статистическо-географическо-го словаря Псковского уезда Псковской губернии**» 1882 г. [10]); создание Археологического комитета (отражение некоторых наблюдений в работе «**Археологический указатель города Пскова и его окрестностей**» 1898 г. [2]), музея, публичной библиотеки; устройство первого театра; Ботанического и Сергиевского садов, организация пароходства по Великой-реке вверх по течению; создание воскресной школы для обучения детей; подготовка и проведение переписи населения; организация Псковского кредитного общества... И это

Иван Иванович
Василёв

всё при постоянной, серьёзной научно-исследовательской и литературной деятельности, результаты которой многоаспектны и теоретико-практически значимы до сих пор (Назовём ещё только некоторые: «*Дела Псковской провинциальной канцелярии*» 1884 г. [5]; «*Библиографический указатель статей, относящихся к Псковской губернии. 1517–1587 годы. С двумя алфавитными перечнями — личным и предметным*» 1891 г. [3]; в соавторстве с Н. В. Кирпичниковым — «*Псковская судная грамота (1397–1467 гг. Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста)*» 1896 г. [12]). Но, оказывается, и для С.-Петербурга, для Лифляндской

губернии, Пензы, даже для заграницы, вплоть до Филадельфии с выставкой, привезённой для показа далёким иностранцам, уникальности псковского льна (см. и специальное исследование «*Лён и Псковская губерния: С таблицей движения цен на лён и картою льняной промышленности Псковской губернии*» 1872 г. [9]), — везде присутствие и соответствующая деятельность И. И. Василёва были своевременны. Так, в Петербурге, исполняя свои служебные обязанности (работа в Контрольной палате), во имя которых и был послан Иван Иванович на небольшой срок, он успевал ещё и обучать служащих работе с древними памятниками письменности, научив и читать рукописи, а также учил и устройству научных архивов. Это тот скромный и уважаемый человек, который буквально за год до своей кончины в 1901 году справедливо был назван первым *Почётным гражданином Пскова*, — **Иван Иванович Василёв** (1836–1901 гг.).

Он достойно прошёл путь познания разных сфер исполнения того, что было необходимо для его родного Пскова, — сначала под руководством других, а потом сам руководил коллегами (именно коллегами, а не просто подчинёнными!), оставаясь скромным, умеющим организовать других, показывая образец собственного поведения в работе.

Каждый раз «встреча» с рассказом о деятельности И. И. Василёва ошеломляет числом свершённых им деяний и долговечностью их результатов.

Кроме того, опубликованные его научные и прикладные труды (не менее 50, из которых 35 именно о Пскове и для Пскова, который он любил и которому был предан всю свою жизнь). Среди его трудов — и пособие для учителей гимназий *«Псковская губерния. Историко-географические очерки Псковской губернии как пособие народным учителям по предмету родиноведения с картами губернии»* 1896 г. [11], чтобы по новым научным сведениям просвещать молодое поколение по *родиноведению*. В этом произведении используется термин, который был назван в самом начале нашей статьи.

Из двух указанных синонимов (*родиноведение* и *краеведение*) для представителей старшего поколения нашей страны, которые знают или узнают бытовавший в XIX веке термин *родиноведение*, созданный И. И. Василёвым, и лингвистически (с учётом смысла, заключённого в первой части — *родин-а*), и прагматически (действующий на слушателей и произносимый эмоционально положительно) будет «ближе», спокойнее, чем *краеведение*; не вызовет невольной ассоциации с «сумрачными» периодами нашего государства XX века. Что же это было?

Оказывается, *краеведение* в круге занятий, исследований прошлого и настоящего *«малой родины»*, привлечения заинтересованных людей разных возрастов и профессий к этому делу было крайне опасно для жизни. Почему и в каких условиях это могло проявиться?

Подчеркнём: XIX век в истории науки — в частности, гуманитарной — был ознаменован возникновением-созданием науки *языкознание* (лингвистика), разработкой сравнительно-исторического метода изучения языковых единиц, а затем и других сфер научной и культурной жизни. Сначала касалось это прежде всего языка, который объединяет и обслуживает все сферы жизни человека. В первую очередь близкие направления науки: история и филология с языкознанием и литературоведением.

Приоткроем некоторые стороны нашей истории, связанные и с близким нам, псковским, материалом.

В XIX веке научные проблемы, стремление к глубокому познанию отечественной истории, культура гуманитарного образования объединили в 80–90-е годы на каком-то этапе интересов у старшего по возрасту — псковича Ивана Ивановича Василёва и более молодого петербургского талантливого историка, углублённо изучающего период русской смуты, интересующегося филологией — **Сергея Фёдоровича Платонова** (1860–1933 гг.), будущего известного академика нашей страны.

Неутомимый И. И. Василёв к этому времени уже создал и издал много ценных, не потерявших своей актуальности до сих пор,

трудов о Пскове и о Псковской земле. Например, ещё не называнные нами *«Историко-статистический очерк города Пскова»* 1873 г. [6], *«Историко-статистический указатель города Пскова и его окрестностей»* 1889 г. [7], *«Краткий очерк Псковского (Талабского) озера»* 1882 г. [8], *«Географическо-статистический словарь Великолукского уезда Псковской губернии»* 1884 г. [4] и многое другое. Особенно отмечу уже называвшийся в статье труд И. И. Василёва *«Дела Псковской областной канцелярии. Материалы для истории Псковской страны»* 1884 г. [5], который примерами, сохранившимися в речи местных писцов со слов допрашиваемых древние особенности псковского диалекта XVIII века (1715–1777 гг.), украшает историческую часть уникального, новаторского в мировой лексикографии *«Псковского областного словаря с историческими данными»* [13]. Даже в заглавии этого собрания И. И. Василёв употребил слово *«страна»* с особым переносным значением (по принципу: название части по названию целого) из местной речи прошлого. Произведения И. И. Василёва, посвящённые Пскову и Псковской *стране* XIX века, дают примеры современных псковизмов (напомним, что понятие современного русского языка предполагает начало этого периода именно с XIX века). И «василёвское» слово *«страна»* в будущем выпуске словаря войдёт в современную часть, так как слова из письменных псковских памятников XIX века, отражающих местные особенности, составляют материал для современной части диалектного лексикографического труда. Словарь же создаётся по идее *«самого образованного филолога XX века»* (слова Д. С. Лихачёва) — **Бориса Александровича Ларина**.

И вот в самом конце XIX века И. И. Василёв создал, оказалось, последний свой очень важный и для него самого труд — *«Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей (с рисунками и планами)»* [2]. Подготавливая его к изданию, 7 апреля 1897 года в письме к **С. Ф. Платонову** автор написал: *«Что о нём [о его труде. — Л. К.] скажут — дело будущего, но свою задачу — обратить внимание на значение псковских древностей и облегчить занятия по изучению их — я считаю законченным»*.

Эти слова хорошо оттеняют ответственность автора и исследователя за всё, что он делал. 1898 год — год выхода этого произведения, отразившего занятия *родиноведением*. А публикации в 1899 году *«Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии»* и *«Святой Благоверный князь Добмонт-Тимофей Псковский»* прекрасно показали широту знаний и интересов этого человека, учёного-исследователя и литератора.

Александр Иванович
Белинский

Вернёмся к напоминанию о нелёгкой судьбе людей, которые искренне познавали и отражали сведения о своей большой стране и о «малой родине» в разных пространственных и временных измерениях.

Случилось непоправимое. Вдруг в самом конце 20-х и в 30-е годы XX века трагично возникло в стране так называемое «дело Академии наук», чаще звучавшее как «академическое дело». Началось оно с изменения судеб именно академиков, но пострадали и те, кто хоть в какой-то мере был знаком, общался с соответствующими учёными, академиками, которые уже стали в этот период обвиняемыми или подозреваемыми. Одним из главных «врагов» стал **С. Ф. Платонов**.

Пострадали и бывшие студенты, которые когда-то учились у него в университете, даже много лет назад, когда нынешний обвиняемый ещё не был академиком. Такова судьба была и у замечательного учителя русской словесности и истории в Опочке — **Александра Ивановича Белинского**, который к тому же и занимался историей, фольклором, народным языком своего края, пушкиноведением и привлекал к этому своих учеников, которые на всю жизнь сохранили благодарность своему учителю (мне приходится заниматься жизнью и творчеством А. И. Белинского в связи с его замечательными произведениями и записями опочечкой народной речи 20–30-х годов [1], которые пополняют материал для «*Псковского областного словаря*» [13]). Причиной обвинения, ареста и нескольких лет Гулага явилось то, что учился он в Петербургском университете у С. Ф. Платонова ещё в предреволюционное время и по окончании университета профессор приглашал его работать на свою кафедру, но Александр Иванович вынужден был отказаться по семейным обстоятельствам... Но всё равно...

С. Ф. Платонов был снят со всех должностей, «*отчислен из академиков*» и репрессирован.

А ещё молодые в те годы филологи **Д. С. Лихачёв** (будущий академик); легенда Пскова — **Л. А. Творогов**, преданный Пскову основатель структуры, воссоздатель после войны (он выстоял!) книжных собраний древних письменных рукописных и печатных памятников (то есть *Древлехранилища*); известный учёный-гебраист **И. Д. Аму-**

Творогов Л. А. Фото Е. Морозкиной. Публикуется впервые

син из Ленинграда, но близкий по ряду обстоятельств Пскову, и многие-многие другие в те же годы, будучи ещё начинающими учёными-филологами, тоже прошли через Гулаг, но, к счастью, выстояли. Они были филологами и знатоками истории своего края, языка, культуры — *малой и большой родины...* Кто-то погиб, кто-то перенёс страшные годы репрессий и смог продолжить свои занятия...

«Тот, кто не знает и не хочет знать своих учёных и свою историю, рискует однажды проснуться и не узнать свою страну», — слова Е. Широковой, автора очерка *«Сергей Фёдорович Платонов»*, помещённого в электронном ресурсе [14].

К счастью, минули годы «сумерек» для *родиноведения / краеведения*. И большая армия новых энтузиастов продолжает то, что было начато достойными энтузиастами XIX века, возродив лучшие традиции познания своего края и сохраняя память о тех, кто честно и плодотворно служил истории и культуре своего народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Белинский А. И.* Рукописный архив (Воспоминания, рассказы, записи народной опочечкой речи, многоаспектное освещение жизни Опочечкого края 20-х годов XX века) // Хранится в фондах Опочечкого музея.

2. *Василёв И. И.* Археологический указатель города Пскова и его окрестностей (с рисунками и планами). СПб.: Типогр. И. И. Скороходова, 1898.
3. *Василёв И. И.* Библиографический указатель статей, относящихся к Псковской губернии. 1517–1587 годы. С двумя алфавитными перечнями — личным и предметным. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1891.
4. *Василёв И. И.* Географическо-статистический словарь Великолукского уезда Псковской губернии. Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1884.
5. *Василёв И. И.* Дела Псковской провинциальной канцелярии. Материалы для истории Псковской страны. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1884.
6. *Василёв И. И.* Историко-статистический очерк города Пскова. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1873.
7. *Василёв И. И.* Историко-статистический указатель города Пскова и его окрестностей. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1889.
8. *Василёв И. И.* Краткий очерк Псковского (Талабского) озера. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1882.
9. *Василёв И. И.* Лён и Псковская губерния: С таблицею движения цен на лён и картою льняной промышленности Псковской губернии. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1872.
10. *Василёв И. И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1882.
11. *Василёв И. И.* Псковская губерния. Историко-географические очерки Псковской губернии как пособие народным учителям по предмету родиноведения с картами губернии. Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1896.
12. *Василёв И. И., Кирпичников Н. В.* Псковская судная грамота (1397–1467 гг. Подлинная и в переводе на современный язык с примечаниями по установлению переводного текста). Псков: Типогр. Псковск. губерnsk. правления, 1896.
13. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–27. Л. / СПб: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2017.
14. *Широкова Е.* Сергей Фёдорович Платонов // [Электронный ресурс]

ДВОРЯНЕ НЕКЛЮДОВЫ, ВЛАДЕЛЬЦЫ СЕЛЬЦА СТУПИНО ТЕРЕБЕНСКОЙ ГУБЫ

Представлена информация о владельцах сельца Ступино Терebenского прихода — дворянах Неклюдовых, псковских служилых людях XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Ступино, Терebени, Неклюдовы, Псковская губерния.

Сельцо Ступино Терebenского прихода известно, в основном, как сельцо отца фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова — Иллариона Матвеевича. Оно упоминается уже в первых сохранившихся писцовых книгах 1585–1587 гг. Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дровнина, как бывшее сельцо в Терebenской губе Воронежского уезда: «*За Васильем за Алексеевым сыном Неклюдова пус., что было сельцо Ступино, всего 13 пустошей, сошного писма въ пусте полчети сохи и 2 чети съ полуосминою перелогу*» [16].

Василий Алексеевич принадлежал к роду тверских дворян Неклюдовых, целая семья из которых была «испомещена» на Псковской земле. В книге В. А. Аракчеева «Псков и Ганза в эпоху средневековья» приводится письмо псковского дворянина Василия Неклюдова к братьям, Михаилу и Шибану, которое он пишет, попав в плен из Колывани. Согласно письму, Василий Алексеевич Неклюдов в 1572 году был участником похода Ивана Грозного в Эстляндию. В ходе осады замка Пайде погиб Малюта Скуратов, после чего Иван Грозный покинул войска и отбыл в Москву. 11 января 1573 года, московскими войсками была взята и разрушена Коза-Мыза (сейчас посёлок Козе-Ууэмыйза в волости Козе Эстонии). В этом сражении и попал в плен Василий Неклюдов: «*А взяли меня немецкия люди у Козы Мызы, как мы были с Васильем с Розладиным*» [3]. Письмо, вероятно, не дошло до адресатов, но судьба Василия Алексеевича сложилась удачно.

В 1584 г. Шибан и Василий Алексеевичи по грамоте царя Фёдора Ивановича получили в кормление псковский пригород Изборск на 4 года [4], что подтверждается и «Разрядной книгой 1475–1598 годов» [10].

В 1594–1595 годах Шибан Неклюдов является осадным головой в псковском пригороде Красном [10].

По дозорным книгам поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли 1613/14 г. поместьем Василия Алексеевича Неклюдова в Терebenской губе, как они описаны в писцовых книгах Дровнина-Морозова в 1580-х гг., владеет Мирон Борисов сын Неклюдов. *«Воронач. Губа Терebenская. За Мироном Борисовым сыном Неклюдова старое отца его Борисово поместье... Пус. Ступино... И те пустоши, и что были деревни пусты у дворы пожжены, не паханы, перелогом и лесом поросли»* [6]. Согласно «Родословного сборника русских дворянских фамилий» В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, Мирон Борисович являлся внуком Василия Алексеевича Неклюдова.

Мирон Борисов, сын Неклюдов, упоминается как участник и боёв под Псковом, Порховом, Гдовом в годы Смутного времени [13]. В апреле (м. б., конце марта) 1614 г. на верстании во Пскове было установлено, что он служит с отцовских 730 четвертей, а поместьем и деньгами не верстан [18]. В 1634 г. Мирон Неклюдов — один из свидетелей местнического спора князя Большого-Ромодановского и Сумина-Курдюкова, межевых судей на пограничных переговорах. Л. Г. Сумин, второй судья, жаловался, что принявшие сторону первого судьи Ромодановского псковские, пусторжевские и опочецкие дворяне во главе с И. Козодавлевым, С. Елашиным, И. Нащокиным, Мироном Неклюдовым, Д. Терпигоревым, И. и Ф. Бухвостовыми, И. Чихачёвым, В. Сумороковым «промеж себя приговаривают» донести, что он, Сумин, их собирает посылать *«к Литовским судьям для съезду»*, *«тем их хочет в отечестве мять»*, *«и за то де его Лариона те дворяня лаивали и позорили и бить хотели»*. Все обвинённые вместе с кн. Ромодановским это отрицали [21].

Подпись Мирона Неклюдова значится под *«челобитной псковичей всем городомъ, архимандритовъ, игуменовъ, игумений, церковныхъ приказчиковъ и посадскихъ людей псковскихъ пригородов на злоупотребления гдовского, опочецкого, островского и изборского воевод»* в августе 1638 года [17].

Наиболее заметным представителем этой ветви Неклюдовых был Богдан Миронович Неклюдов, который занимал различные крупные должности среди псковского дворянства и отличился в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., где служил под руководством другого известного уроженца Опочецкого уезда — Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина.

К концу 1655 Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин назначен воеводой в Друе — городке, расположенном на реке Западной Двине и позволявшем контролировать водный путь между Полоцком и Ревелем. В июне 1656 царь и великий князь Алексей Михайлович, лично возглавивший поход на Ревель, в Друе принял послов из повелений и воеводств Великого княжества Литовского. После ухода армии Алексея Михайловича, в конце 1656 г., А. Л. Ордин-Нащокин назначен воеводой в Царевиче-Дмитриево городе (Кукейносе) — в крепости, ближайшей к границам Курляндии и к Риге. Также он получил именование наместника Шацкого и Лифляндской земли.

Друа оставалась в подчинении того же Ордина-Нащокина, а непосредственно руководство принял в ней Богдан Неклюдов. Об этом мы можем судить по *«отписке Царевича-Дмитриево города воеводы А. Нащокина в Розрядъ о поручении крестьянам рубить лес для постройки города и острога»* (1657 г.) [2].

В июле 1657 г. в Друе разместились войска московского воеводы Ивана Пронского, и Богдан Неклюдов принимает участие в организации постов против надвигавшегося от Европы к России морового поветрия: *«... Да сего же числа (26 августа 1657) писал ко мне из Энзля Богдан Неклюдов: прислал де стольник и воевода, князь Иван Андреевич Хованский, проезжую станицу в Энзль, из под Алыста, для проводывания волостей»* (1657 г. Отписка воеводы Афонасья Нащокина о моровом поветрии в Царевиче-Дмитриево городе) [2].

Оставив Друю в 1667 году по Андрусовскому договору, опочечки стрельцы, как и из Себежа в 1634-м, увезли с собой икону. Эта чтимая икона Божией Матери «Троеручица» находилась в построенной в 1815 Троицкой церкви города Опочки. На ризе иконы была надпись: *«... 75 года февраля в 4-й день построен сей образ по обещанию опочечких стрельцов десяти человек Григория Колосова с товарищами, которые были в Польше, и сей образ взяли в городе Друе»*. Празднование этой иконы совершалось 12 (25) июля [12].

В 1662 г. Богдан Неклюдов выполняет роль посредника в переговорах между господарем молдавским Георгием Стефаном, пребывавшем в Печорах, и московским двором. Бывший молдавский господарь Георгий Стефан хотел получить помощь в борьбе против турок и просил о возможности прибыть для переговоров в Москву *«понеже есть некоторой из Пскова, величества вашего двора подданою дворянин Богдан Миронович Неклюдов, которой мне о милосердном величества вашего ко мне, вашему рабу, призрении известно сказал»* [7].

К 1663 г. война с Польшей приобрела больше характер набегов мелкими отрядами на земли противника и разорение их. В Псковских землях действовали отряды литовского полковника С. Чернавского. В октябре 1663 г. войско стольника И. А. Бутурлина (сына псковского воеводы), а по указу от 12 ноября 1663 г. — стольника кн. Н. Г. Гагарина, должно было атаковать литовских волонтеров. 19 декабря 1663 г. оно выступило в поход на Опочку, а оттуда 6 января 1664 г. — к Себежу «с обозом и нарядом наспех». Волонтеры бежали. В преследование отправлен сводный отряд Богдана Неклюдова, а с ним, *«выбрав лутчих... из дворян, из гусар, из рейтар пятьдесят человек»* (под Себежем 30 декабря 1663 г. — 6 января 1664 г.). Необходимость формирования сводного отряда была вызвана тем, что большая часть прибывших войск была пешей из-за нехватки лошадей [8].

Об успешной операции Никита Гагарин доносил царю Алексею Михайловичу: *«Никитка Гагарин челом бьет. В нынешнем во 172 г., генваря в 6 д., с Опочки ходил я с твоими ратными с конными и пешими людьми в Себежские места и под Себеж и подошед под Себеж за 5 верст посылал посылку, псковитина Богдана Неклюдова с дворяны, под город и он, Богдан языков побрал и ко мне прислал, и я по роспросам тех языков пошел под город с обозом, и как под город, подошел и из города из дву ворот были вылазки на озере и милостию, Божией и твоим счастьем, литовских людей под городом побили и языков поимали...»* [1].

В том же году Богдан Неклюдов упоминается среди попавших в плен к литовцам: *«1664 г. июня 13. — Распросные речи поручика З. Зубатого, посланного в полк Чернавского для размена пленных. ... Да сказывали де ему, Зеновью, дворяне, которые в вязнях, Богдан Неклюдов и Богдан Бешенцов, что де польские и литовские люди хотят идти в печерския... борския места войною...»* [1]. Вероятно, переговоры «гусарского строя поручика» Зеновия Зубатого прошли успешно, так как уже в следующем году Богдан Неклюдов являлся воеводой города Борисоглебова (Даугавпилса).

К началу 1665 г. в сложившихся условиях особое значение приобрела Борисоглебская крепость — самый дальний форпост русской армии, перекрывавший противнику важнейший путь снабжения по Двине. Польско-литовские отряды держали крепость практически в постоянной блокаде. Во второй половине января 1665 из блокированной польско-литовскими отрядами Борисоглебской крепости пробрался челобитчик сержант Родион Евдокимов и 14 февраля

1665 г. в Москве в Разряде подал отписку борисоглебского воеводы Фёдора Бекетова и челобитную солдат *«борисоглебских осадных сидельцев»*. В челобитье стрельцы и солдаты писали, что служат *«многие годы без отпуску и без перемены»*, а ныне сидят в осаде *«в дальном осадном городе Борисоглебове долгое время, терпя всякую нужду, и голод, и наготу»*. Новым воеводой в Борисоглебск был отправлен Богдан Неклюдов [15].

В апреле 1665 г. новый борисоглебский воевода Богдан Неклюдов (с 7 мая 1665 по 31 июля 1665 г.) сообщает во Псков А. Л. Ордину-Нащокину, что назначенные к нему в полк дворяне и дети боярские *«тверичи и новоторжцы и посленные олонечкие и сомерские солдаты на службу на бывали»*. Кроме этого, он сообщает об отсутствии средств на выдачу жалованья, нехватке людей и т. д.

По настоятельным просьбам Неклюдова, в июле-августе 1665 г. князь Хованские с Новгородским полком совершили специальный поход для снабжения русского гарнизона в Борисоглебске. О нужде, которую испытывали там, можно судить по тому, что из города, пройти в который можно было лишь с сильным войском, не выдержав трудностей блокады, самовольством ушли донские казаки. Взяв своё знамя и оружие, они расположились у городских ворот, где сидели до тех пор, пока воевода, убоявшись открытого конфликта, в ночи не выпустил их из крепости. А в Москву, испугавшись ответственности, отписал, что казаки *«пошли из города, разбив караулы, сильно»*.

В марте 1666 г. князь Хованский совершил второй поход с Новгородским полком в Борисоглебск, с целью доставки обоза. Для борисоглебского гарнизона на солдат и стрельцов в Москве сшили государево служилое платье. Изготовление платья для гарнизона из провинциальных служилых людей представляется более исключительным событием, чем даже доставка в крепость обоза силами армии Новгородского разряда. Это ярко иллюстрирует стратегическое значение этой небольшой крепости в идущих дипломатических переговорах [11].

В 1674 г. Богдан Неклюдов упоминается как переписчик псковский: *«И по справке, какову подал сказку Крыпецкого монастыря игумент Тарасей с братьею переписчику Богдану Неклюдову...»* [20].

Начиная с 1677 г. Богдан Миронов, сын Неклюдов, в годовых сметах Пскова числится среди отставленных от полковой службы за старостью и за увечьем дворян и детей боярских [17].

В 1682 году он принимает участие в организации вывода войск из отданной Польше Себежской крепости и является состави-

телем выводной книги. При этом в Спасо-Преображенский собор г. Опочки вывозится вся утварь церкви г. Себежа, что вызвало возмущения части себежских стрельцов, выведенных в Смоленск. Известна «Царская грамота Псковскому воеводе князю Михайлу Голицыну, о челобитью Смоленских стрельцов, о доставлении из города Опочки в Смоленск принадлежащих им образов и церковной утвари» от 22 ноября 1682 г. [5].

Имеется упоминание о том, что в Теребенской церкви находилась почитаемая икона Покрова Пресвятой Богородицы с надписью: *«7192 (1683) г. августа в 28 день написан сей образ Покрова Пресвятой Богородицы Вороницкого уезда на Теребенской погост в церковь Воскресения Христова по обещанию раба Божия Богданова человека Мироновича Неклюдова Василия Минина сына Серкова на поклонение православным христианам и на поминовение души его»* [9].

А с опочанами у Богдана Неклюдова и его сыновей дела не сложились. В книге Л. И. Софийского освещается конфликт при строительстве порохового погреба в Опочке в 1684 г. Опочечские крестьяне и помещики отказываются выполнять свои городовые повинности, пока их не начнут исполнять *«Богдановы крестьяне Миронова сына Неклюдова»*. *«И по тех ослушников посланы из Опочки многие высылчики помногожды и они в том чинят ослушны и в Опочку для того не идут, а посылчиком отказывают. Как де будут на той работе в Опочке с лесными и каменными припасы Богдановы крестьяне Миронова сына Неклюдова и они де своих повытков с лесными и каменными припасы и с платежом с иво, Богдановым, крестьяном будут в Опочке скоро»*.

К челобитной приложена роспись крестьян, которые отказались выполнять свои повинности. При этом самым крупным землевладельцем указываются Ордины-Нащокины, а за ними идет Богдан Неклюдов. Но если за Ординами-Нащокиными числилась недоимка, то Неклюдов отказался выполнять повинности полностью. *«Богдана Миронова сына Неклюдова з детьми Опочецкого и Воронецкого уездов с 32 дворов лесных припасов и камня дичня не клали и под известь подвод не ставили и по роскладам денег вышеписанных 3-х роскладов ничего не платили»* [19].

В РГАДА в фонде 843 (Оп. 1, д. 1–2. Опочечская приказная палата) имеются «Сказки опочечских жителей по делу о захвате Богданом Неклюдовым (вероятно, бывшим воеводой — А. Н.) земли и о других его злоупотреблениях в 1681–1682 гг)». «Сказки» датируются 1684 годом [14]. Вероятно, с земельным спором и связан конфликт между опочанами и Неклюдовыми.

Дело было, видимо, очень серьёзным, что опочане даже были вынуждены обратиться к царю с ходатайством о решении конфликта: *«Въ нынешнемъ во 191-мъ году въ ноябре месяце подали они опочецкую городовую и Опочецкого уезду заручную челобитную въ Розряде на ябедниковъ и мирскихъ досадителей на псковичъ на Богдана Миронова сына и на детей ево на Ивана и на Григорья Неклюдовыхъ во многихъ ихъ обидахъ и утесненияхъ. И, умысля, онъ, Богданъ Неклюдовъ, зъ детьми своими ябедническимъ составнымъ вымысломъ ложно, сынъ ево Богдановъ подавъ спорную челобитную, а въ челобитье своемъ, ... написалъ на городъ Опочку и на Опочецкий уездъ неудобное оболгательное оклеветание, будто опочецкие жители написали тое заручную челобитную, приставаючи к нынешней мимошешей штатности и будто хотя ихъ изъ домовъ напрасно изогнать, а у нихъ де, опочанъ, у градскихъ всякихъ чиновъ жителей и въ Опочецкомъ уезде никакой штатности ни у кого не бывало, и въ прошлыхъ де годахъ въ московской осаде и во псковское смутное время они, опоченя всякихъ чиновъ люди, и отцы ихъ, и деды, и прадеды ни хъ какимъ мятежамъ и къ штатности не приставали...»* [17].

Скончался Богдан Миронович в 1698 году. По извлечению из годовой сметы 1699 г.: *«Да тое ж полковые службы и отставные дворяне псковичи ... на государственной службѣ и в домах своих померли в 206-м году, а кто именно порознь, и то писано ниже сего: Богдан Миронов сын Неклюдов...»* [17].

У Богдана Мироновича Неклюдова было два сына. О сыне Иване он упоминал в годы своего воеводства в Борисоглебске. По полученным из Курляндии вестям о походе полков Чернавского и Соломановича на Друю Неклюдов послал из Борисоглебска на них своего сына Ивана «с начальными людьми и солдатами и волжскими казаками». Иван Неклюдов с отрядом успешно атаковал лагерь Чернавского в 5 верстах от Борисоглабеска, «многих поляков и литовцев посекали» да привели 15 чел. пленных.

Григорий Богданович по смете 1699 года упоминается как записанный в есаулы в 1673 г. *«По разбору 181-го году написаны были в есаулах ... 650 чети, денег 32 рубли — Григорий Богданов сын Неклюдов»* [17].

По «Списку городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам», составленным А. Барсуковым от 1902 г., Григорий Неклюдов 30 апреля 1677 г. назначен приказным по пригороду Красному Опочецкого уезда.

Согласно переписи 1710/1711 гг., он уже скончался. *«Пригород Вороноч. Заклинская губа. За вдовой Григорьевской женой Богданова сына Неклюдова за Марьей Ермолаевой 61 лет вотчинное усадище Волосово Оксеново тож...»*

А новыми владельцами сельца Ступино указываются Козодавлевы: *«За Васильем Васильевым сыном Козодавлевым сельцо Ступино в том сельце живут сами он Василей в полону жена ево Татьяна Григорьева 31 лет у него детей сын Богдан 7 лет дочь Фекла 10 лет ... в том же сельце Ступине старинные дворовые люди ... да что было Григорьевского поместья и вотчин Богданова сына Неклюдова ... по переписной книге 186-го году крестьянских и бобыльских дворов а ис того числа досталось емуж Василью по розделу с Иваном Васильевым сыном Бочкиным 6 дворов которые были написаны по прежней переписной книге 186-го году ... деревня Подельно 1 двор ... деревня Отаиха ... деревня Васково ... деревня Подъельно ... деревня Окунево ...».*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Акты Московского государства. Том 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664., СПб., 1894.
2. Акты Московского государства. Том 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. 1894.
3. Аракчеев В. А. Псков и Ганза в эпоху средневековья. Псков, 2012.
4. Богуславский В. В. Славянская энциклопедия: XVII век: в 2-х томах.
5. Дополнения к актам историческим, собранные Археографическою комиссией. Том 10. СПб., С. 201.
6. Ермолаев С. С. Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей / Академия наук СССР, Институт истории СССР; отв. ред. Буганов В. И. М., 1985. С. 137–163.
7. Исторические связи народов СССР и Румынии. Т. II. 1633–1673. М., 1968. С. 328.
8. Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII века. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х — 1660-х гг. Диссертация. М., 2002.
9. Лагунин И. И. Загадки сельского храма. К истории церкви Воскресения в погосте Терebene // Опочечские краеведческие чтения.

10. *Левин Н. Ф.* Дворяне Неклюдовы и их усадьбы // Дворянские усадьбы Псковской губернии (материалы II областной науч.-практ. конф.). Псков, 2008. С. 71–82.
11. *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 491–493.
12. Псковский паломник. Храмы и монастыри Опочецкого уезда Псковской губернии. Выпуск 5.
13. *Рабинович Я. Н.* Кормленые книги об участии служилых людей в боевых действиях под Псковом в Смутное время // Псков, № 36, 2012.
14. РГАДА. Ф. 843. Оп 1. [Электронный ресурс]: URL: http://rgada.info/poisk/index2.php?str=853-opis_1
15. Русская историческая библиотека Т. 11. Записная книга Московского стола 1664–1665 г., СПб., 1889. С. 158.
16. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5, СПб., 1913.
17. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6, СПб., 1914.
18. *Селин А. А.* Просопографическая база данных «Новгородские и псковские служилые люди начала XVII века». [Электронный ресурс]: URL: <https://spb.hse.ru/humart/chr/socialhistory>
19. *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (141–1914). Псков, 2004. С. 71–72.
20. Труды Псковского Археологического общества 1911–1912 гг. Вып. 8, 1912. С. 308–309. [Электронный ресурс]: URL: <https://vivaldi.pskovbook.ru/pao%208.pdf/view>
21. *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв., 2009. С. 371.

ПСКОВСКИЕ ДВОРЯНЕ БИБИКОВЫ — ВЛАДЕЛЬЦЫ УСАДЬБЫ МОЛОКОВО

Данное исследование объединило в себе анализ ранее собранных материалов по представителям рода Бибиковых на Псковской земле — владельцам ныне утраченной усадьбы в сельце Молоково Новоржевского уезда; иконографические материалы из семейного архива Григория и Варвары Пушкиных, а также историю портретов из коллекции рода Бибиковых.

Ключевые слова: Бибиковы, Молоково, Маркутье, Пушкины.

Поводом к исследованию темы псковских дворян Бибиковых послужила фотография, которая хранится в фондах Литературного музея им. А. Пушкина в Вильнюсе. По нижнему краю паспарту сделана надпись «Дом и парк. 20 августа 1900 г. Молоково». На снимке запечатлен господский одноэтажный, каменный, с оцинкованной крышей, выстроенный в стиле классицизма, дом. С колонным портиком тосканского ордера, просторным мезонином и балконом. Здание выкрашено в светлые тона. По обе стороны парадного входа видны кресла. Перед домом раскинулся парк с высокими деревьями, кустарниками, лужайками и дорожками. Фотография определена как «Имение Александра Александровича Бибикова — племянника Варвары Алексеевны Пушкиной»¹. Поскольку музей не располагал какой-либо информацией о судьбе А. Бибикова, было принято решение обратиться за помощью к коллегам из Санкт-Петербурга, в Институт Русской Литературы (ИРЛИ — Пушкинский Дом), где с 1946 года в Отделе рукописей находится архив «Маркутье», а также в музей Пушкинского Дома, в фондах которого хранятся фотоматериалы «Архив Пушкина Г. А. и Пушкиной В. А.». Среди запрошенных изображений были обнаружены ещё пять снимков имения Молоково. Две фотографии с приусадебными постройками и породистыми лошадьми отмечены той же датой, что и снимок из вильнюсского музея. На трёх других фотографиях запечатлена шестилетняя внучка В. А. Пушкиной Вар-

¹ Фотография из LPM-F067.

Молоково. Дом и парк. LPM-F067

вара Дмитриевна Волкова в окружении родных и прислуги. На одном из снимков, на фоне господского дома, изображены мама Вареньки — Варвара Васильевна Мошкова-Бибикова с дочерью, в запряжённой парой белых лошадей пролётке с кучером и Александр Александрович Бибиков на тёмном коне в белой черкессе². Также была обнаружена фотографическая карточка с двойным портретом — Вареньки и А. А. Бибикова. Именно Александр Александрович Бибиков был последним хозяином родового имения Молоково в Псковской губернии.

Автору статьи доподлинно не известно, в каком году и при каких обстоятельствах была основана эта усадьба, но анализируя материал, собранный и представленный в издании «Родословная Бибиковых» [8], важно отметить, что интересующее нас имение Молоково Новоржевского уезда Псковской губернии упоминается там трижды.

С 1802 года помещиком Новоржевского уезда сельца Молоково, Мокрое и других — в документах указан статский советник Илья Иванович Бибиков. Вероятно, именно он и был родоначальником поместья [9].

В 1834 году имение с. Молоково в 150 д. перешло по наследству его сыну — Александру Ильичу Бибикову, примерные годы жизни 1798–1840. После расформирования Семёновского полка служил капитаном в Морском полку. В 1825 году Александр по состоянию здоровья оставил военную службу и с 1829 года исполнял обязанности заседателя, а затем (с 1831 г.) судьи Новоржевского уездного суда. Уволен от службы в 1840 году в чине тайного советника. Был женат на дочери управляющего Коллегией иностранных дел И. А. Вейдемейера Надежде Ивановне, в браке с которой появились на свет пятеро детей [10].

² Фотография из ИРЛИ «Архив Григория и Варвары Пушкиных», Ф. 476.

Варенька с мамой и А. А. Бибиковым. ИРЛИ. Ф. 478

Третьим хозяином родового владения стал средний сын Бибиковых — Александр Александрович (1832–21.10.1896) [11]. На страницах книги «50 лет боевой и мирной жизни 154-го пехотного Дербентского полка. 1863–1913 гг.» [5] есть упоминания о полковнике А. А. Бибикове: «Впредь до высочайшего распоряжения командиром полка, был назначен Кавказского линейного № 36 батальона — полковник Александр Александрович Бибигов, который в декабре 1863 года прибыл к месту своего нового назначения станицу Ханскую. По прибытии командира полка стали стекаться нижние чины и офицеров. Всех вновь прибывших тотчас же назначили в роты, батальоны и на должности. <...> Трудная задача выпала на долю командира полка, полковника Бибикова; нужно было собрать людей, одеть, обуть, обучить и отправить на театр военных действий; при этом люди прибывали разновременно и небольшими партиями, а кадры учителей еще были разбросаны по станциям. <...> Высочайшим приказом 28 октября 1866 года полковник Бибигов произведен в генерал-майоры по армейской пехоте с зачислением в запасные войска». На 14 странице издания размещён портрет полковника А. А. Бибикова. Позже Александр Александрович стал кавалером ордена Св. Георгия 4 степени за 25 лет верной службы Отечеству [6].

Генерал-майор
А. А. Бибилов (отец). LPM-F048

Александр Бибилов
с племянницей Варварой
Волковой. ИРЛИ. Ф. 488

В 1875 году генерал-майор Александр Бибилов взял в жёны младшую сестру В. А. Пушкиной — восемнадцатилетнюю Марию Алексеевну, дочь инженер-генерала А. П. Мельникова. В браке у Бибиловых родились сын Александр (1876 г.) и дочь Варвара (1881 г.). Информации о дочери Бибиловых очень мало. Из писем матери известно, что девушка вышла замуж за Николая (фамилия не установлена) и уехала в Москву. В фондах Литературного музея А. Пушкина в Вильнюсе хранится фотография А. А. Бибилова³, которая при жизни Варвары Алексеевны Пушкиной висела над её письменным столом, среди портретов близких родственников. Через год после смерти Александра Александровича, в 1897 году, поместье в Молокове, величиной 680 га, перешло во владение к его единственному сыну, последнему хозяину усадьбы Молоково, и последнему представителю этой ветви Бибиловых по мужской линии. Двадцатиднолетнему Александру также была передана в наследство коллекция семейных портретов рода Бибиловых.

Александр Александрович Бибилов родился в Ницце в 1876 г. 20 ноября. В возрасте девяти лет Александр поступил в Санкт-Петербургскую школу Карла Мая. Годы учёбы — 1885–1892. В

³ Фотография из LPM F 48.

1895 году, по данным «Родословной Бибиковых», окончил Пажеский корпус [8]. После смерти отца, с 1897 года, помимо сельца Молоково, владел недвижимостью по адресам: Мойка, 9–10; ул. Галерная, № 14; Конногвардейский бульвар, № 11 в Санкт-Петербурге [2].

На рубеже веков Бибиков делает предложение своей кузине Варваре Васильевне Мошковой-Волковой. Брак не одобрен церковью и категорически не приемлем В. А. Пушкиной, но Варвара Васильевна идёт на этот шаг, и вместе с дочерью, от первого замужества, Варечкой Волковой, в 1900 г. уезжает к Александру Бибикову⁴. Некоторое время они живут в имении Молоково, затем переезжают в Санкт-Петербург. Но в дальнейшем семейная жизнь не сложилась, и в 1907 г. Варвара Васильевна с дочерью покидают Россию навсегда. Как выяснил историк и журналист А. Л. Островский, брак А. А. Бибикова со вдовой Потомственного почётного гражданина Варварой Васильевной Мошковой-Волковой был признан незаконным и недействительным.

В справочниках и Адрес-календарях Санкт-Петербурга на 1906 г. указывается, что Александр Бибиков — Личный дворянин, проживает на Галерной, № 14. На 1909 г. — Титулярный советник, служит в Департаменте железнодорожных отчётов. С 1915 года указан в чине надворного советника [1]. Проживает в квартирах дома по улице Миллионная, д. 10, которые достались ему по наследству от бабушки — Лохтиной-Мельниковой Варвары Николаевны. Второй раз Бибиков женился на Александровой Людмиле Козьминичне, но и этот брак оказался недолгим. По желанию Людмилы, в сентябре 1918 года супруги развелись. Ни в первом, ни во втором браках детей у Бибикова не было. А год спустя, во время эпидемии дизентерии, скоропостижно скончался Александр Александрович умирает в коммунальной квартире по улице Малая Конюшенная, дом № 4, квартира 17. Так, в октябре 1919 года, в Петрограде [4], остановилось сердце последнего владельца родового имения Бибиковых в Молокове Псковской губернии. Вскоре оказалось стерто с лица земли и само господское поместье сельца Молоково Новоржевского уезда.

В марте 1920 года в бывшей квартире А. А. Бибикова по Миллионной улице, 10 была найдена коллекция мужских и женских портретов XVIII–XX веков. В настоящее время полотна находятся в Собрании Государственного Эрмитажа, их изображения опубликованы в третьем выпуске материалов по иконографии «Русские портреты XVIII–XX вв.» в приложении к статье Ю. Ю. Гудыменко [3]. Три полотна из этой коллекции определены как портреты представителей

⁴ Фотография из ИРЛИ «Архив Григория и Варвары Пушкиных», Ф. 488.

рода Бибиковых, а именно: Александр Ильич Бибиков, после 1771 г.⁵; Илья Иванович Бибиков, вторая половина XVIII в.; Александр Ильич Бибиков, около 1847 г.⁶ [7]. Полагаю, что изображённые на портретах Бибиковы — Илья Иванович и Александр Ильич (XIX в.) — и были основателями родового поместья в селе Молоково.

Поскольку имение Бибиковых в первой половине XX века оказалось полностью утраченным, сохранённые в архивах Григория и Варвары Пушкиных изображения господского дома и приусадебного хозяйства в Молокове можно считать уникальным иконографическим материалом, который, в сочетании с упомянутыми в данной статье изображениями представителей четырёх поколений псковских дворян Бибиковых, поможет восстановить исчезнувшие страницы истории Псковской земли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адрес-календарь / Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1915. Ч. I. С. 1257.
2. Весь Санкт-Петербург // Адресная книга. СПб.: 1897. С. 37.
3. Гудыменко Ю. Ю. Определение имени изображенной на «Портрете девочки» работы Константина Маковского // Русские портреты XVIII — начала XX вв.: материалы по иконографии. М.: Аватар, 2014. С. 187–195.
4. Информация предоставлена историком и журналистом А. Л. Островским.
5. Карганов Н. А. 50 лет боевой и мирной жизни 154-го пехотного Дербентского полка. 1863–1913 гг. А.: 1913. 194 с.
6. Там же. С. 13–16, 37, 145.
7. Кибовский А. В. Портрет военного с красным лацканом / дополнение к статье Ю. Ю. Гудыменко // Русские портреты XVIII — начала XX вв.: материалы по иконографии. М.: Аватар, 2014. С. 196.
8. Ровенский, Г., Бибиков, Н. Родословная Бибиковых // к 700-летию дворянского рода Бибиковых. Ф.: 1996. [Электронный ресурс] URL: <http://textarchive.ru/c-1812566-pall.html>
9. Там же. Потомственные дворяне 6, 17-е колено, № 18110.
10. Там же. Потомственные дворяне 34, 18-е колено, № 275.
11. Там же. Потомственные дворяне 46, 19-е колено, № 364.
12. Там же. Потомственные дворяне 46, 20-е колено, № 443.

⁵ Определение имени: И. Г. Котельникова.

⁶ Определение имени: А. В. Кибовский.

**КИНЕШЕМСКИЕ ФИЛОСОФОВЫ
И АЛЕКСЕЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ ФИЛОСОВОВ
(неизвестная переписка XIX в.)**

Интересным и малоизученным является вопрос о взаимоотношениях дворян Философовых, которые имели земельные владения в разных губерниях (Ярославской, Костромской, Псковской). Если о представителях этого рода, проживавших в Псковской губернии, опубликовано достаточно много информации, в первую очередь в сборниках «Философовские чтения», то о Философовых из Кинешемского уезда Костромской губернии известно очень мало. Тем более интересным является вопрос о взаимоотношениях представителей этого рода из Кинешмы с родственниками, проживавшими в XIX веке в Петербурге.

В фонде Алексея Илларионовича Философова (РГИА Ф. 1075) удалось найти его переписку с кинешемскими дворянами Философовыми. Известно, что А. И. Философов (1799–1874), генерал-адъютант, генерал от артиллерии, происходил из новолadoжской генеалогической ветви Философовых. Выпускник Пажеского корпуса, он с 1818 года стал служить в артиллерии, прошёл путь от прапорщика до полного генерала. Принимал участие в войнах России с Персией и Турцией, в качестве французского легионера воевал в Алжире, в 1831 году принимал участие в подавлении польского восстания. В 1835 году произведён в генералы. В годы Крымской войны он заведовал Кронштадтской артиллерией и крепостью.

В 1838 году он был назначен воспитателем великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Широкая образованность, энциклопедические знания, блестящее владение иностранными языками — всё это позволило ему занять место воспитателя сыновей Николая I. Его знали как честного, справедливого и отзывчивого человека, к нему часто обращались с различными просьбами, надеясь на положительный исход¹.

В августе 1850 году А. И. Философов посещал Кинешму во время путешествия великих князей в Нижний Новгород. Он сопро-

Философов Алексей
Илларионович

вождал их как воспитатель и руководитель. 8 августа путешествующие прибыли в Кострому, а 9 августа отправились по кинешемскому тракту через Кинешму и Юрьевец в Нижний Новгород.

В Кинешме посетили Успенский собор, из собора после краткого молебствия отправились в дом купца Поленова, «где изволили кушать»². Затем гости посетили историческую часовню на площади при Крестовоздвиженской церкви, устроенную над телами погибших от рук Лисовского в Смутное время.

9 августа в 6 часов вечера августейшие путешественники отправились по тракту в Юрьевец.

Готовясь к путешествию в Нижний Новгород, А. И. Философов, очевидно, уже знал, что в Кинешме есть дворяне Филосовы, его родственники. В это время в Кинешме жили Василий Львович Филосов с женой Анной Степановной. У них были сыновья Николай, Аркадий, Арсений, дочь Александра, бывшая замужем за Андреем Любониковым.

В письме А. И. Филосову (июнь 1851 г.) Анна Степановна писала, что предводитель дворянства передал «в проезд ваш через Кинешму милостивое Ваше внимание и позволение относиться к Вам, почему я осмелилась просить Вашего милостивого покровительства»³. Дочь Анны Степановны Александра в письме Алексею Илларионовичу (4 марта 1851 г.) дополнительно отмечала: «В проезде Вас с их Высочествами Великими Князьями Вы были так милостивы, что позволили относиться к Вам и просить покровительства родителям моим; почему и я осмеливаюсь, так как я дочь Василия Львовича Филосова и сестра Арсения Васильевича Филосова, который имел честь быть у Вас в Петербурге и о котором Вы изволили спрашивать в проезде Вас через Кинешму»⁴.

Очевидно, Арсений был знаком с А. И. Филосовым ранее и был принят им в Петербурге. В своём письме к А. И. Филосову Арсений отмечал, что «при посещении их высочеств Великих Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича Костромской губернии Ваше Превосходительство были так милостивы, обратили внимание на моих родителей Филосовых и вместе с тем были так

благосклонны, изъявили желание видеть меня, но находясь в то время на службе исправляющим должность лесничего в той же губернии 2 лесного округа Буйского лесничества, где состою в настоящее время, не имел счастья воспользоваться в такое короткое время пребывания Вашего лично представиться Вашему Превосходительству»⁵. Александра Васильевна в другом письме (от 12 января 1857 года) обращалась к А. И. Философову: «Будьте милостивы, не откажите выслушать мое покорнейшее прошение. По обещанию Вашему благодетельствовать тем, кто из рода Философовых»⁶.

Неизвестно, были ли представлены лично Алексею Илларионовичу Философовы в Кинешме, но, узнав о них, он после посещения уездного города обещал им всяческое покровительство. После этого путешествия между ним и кинешемскими Философовыми завязалась переписка.

В архиве сохранились письма кинешемских Философовых Алексею Илларионовичу, на некоторых из них остались его пометки, что позволяет сказать, что их ходатайства о помощи почти всегда разрешались положительно. В документах кинешемские дворяне затрагивали вопросы родства, устройства детей и внуков в учебные заведения. В свою очередь благодарность Алексею Илларионовичу за его благодеяния выражалась в их скромных подарках «от собственного хозяйства», которые отправляли Философовы из Кинешмы в Петербург.

В письмах к Алексею Илларионовичу Анна Степановна Философова рассказывала о своей жизни в Кинешме, о родственниках, о роде Философовых, отмечала, что кинешемские и ярославские Философовы происходили от одного предка.

В письме от июня 1851 года она сообщала, что муж её Василий Львович Философов лишен зрения⁷. О роде Философовых в другом письме она писала: «Как вам известно, что род Философовых перенесен в 6 книгу и двоюродные братья мужа моего, Василия Львовича, Николай, Александр и Дмитрий Богдановичи с потомством своим внесены по Ярославлю, а как мой муж и брат его покойный Павел Львович получали грамоты тоже из Ярославского Дворянского собрания потом переведены в Костромское Дворянское собрание (...) доказательства же о роде нашем одни и вместе были с ярославскими родными нашими, она от Богдана Михайловича и мой муж и брат его покойный Павел Львович от Льва Михайловича родного брата Богдана Михайловича. Имение разделено между ними даже и то, которое жаловано царем Михаилом Федоровичем пополам же, на которое у нас хранится и жалованная грамота»⁸.

Вид Кинешмы в 1920-е годы. Фотография В. Ф. Баранова

В другом письме (от 19 февраля 1853 г.) Анна Степановна отмечала: «я, бывши 52 год в благословенной фамилии Философовых счастлива (...) и бывши счастлива не только в семействе, но и в родных, когда меня представили в семействе дядюшки Богдана, а в монашестве Феодосия Михайловича, он любил нас и называл меня милой своей племянницею. И мы его почитали как отца и уважали как старшего родного, а потом идут его Василия Львовича двоюродные братья Николай, Александр и Дмитрий Богдановичи. Во всех их имели добрых и ближайших родных»⁹. В том же письме Анна Степановна обращалась к Алексею Илларионовичу с просьбой «представить себя заочно», она писала: «Мы имеем родословную, которую батюшка Василия Львовича и мой Лев Михайлович выписал из герольдии, но как это давно и многих теперь в ней не написано, то вот потому и желаем знать»¹⁰.

А. И. Филосовов, получив письмо Анны Степановны в декабре 1852 года, сделал пометку, что 3 февраля 1853 года «послал посылку портрет мой, графин со стаканом и кружку»¹¹. В следующем письме она с радостью сообщала: «Получили драгоценные для нас Ваши подарки, особливо портрет Ваш, за которые не умеем вообще с Василием Львовичем объяснить чувств нашей благодарности за Ваши мило-

сти. Подходя несколько раз в день к портрету Вашему, воображаем, что будто мы так счастливы и представляемся Вам лично, а Василий Львович, не имевши утешения видеть его, расспрашивает меня о изображении онаго, какие имеете черты. Говорим о Ваших заслугах и добродетелях Ваших и несколько раз пролили пред ним радостные слезы»¹². Далее она писала: «Не только мы чувствуем Ваши милости, но и будем стараться посеять в сердца детей наших, а особенно внучатам, так как они еще малолетние, что я помнила о заслугах Ваших Царь и о милостях Ваших к нам, вот для того полученные от Вас драгоценные для нас подарки. Обновя их по Вашему приказанию, теперь поставили их хранить как дорогие для нас венцы с назначенным после жизни нашей.

Старший сын наш Николай тоже по несчастью семь лет лишен зрения и имеет двух сыновей Сергея 13 и Михаила 12 годов и дочь Варвару 15, кружку Вашу назначили Сергеем, а графин и стакан Михаилу, чтоб были памятником в роде их, а средний наш сын Аркадий имеет тоже сына Василия 9 лет, Анну 14 лет, который был воспитанником нашим и как сына нашего Аркадия Васильевича наградил имением, называемым Мысы Кинешемской округи, жалованное царем Михаилом Федоровичем предку Философовых, на которое имеем и грамоту, дошедшее по наследству родства до мужа моего — пополам с Александром Богдановичем и ныне половина у сына нашего. Надеюсь на милость Божию если и внук наш Василий будет жив тоже будет приемник этого имения, то и драгоценный Ваш портрет ему чтоб хранился в заслуженном имении предками вашими тоже и ваша заслуга будет памятником, а третий наш сын Арсений не женат»¹³.

В 1854 году скончался брат Алексея Илларионовича Филоsofova Николай. Получив это известие, Анна Степановна писала (21 августа 1854 г.): «Душевно жалею о кончине незабвенного в добродетелях и достойно уважаемого братца вашего, как только получили ваше письмо на другой день о упокоении души его служили обедню в Кинешме в храме Преображения Господня, при котором покоятся предки рода Философовых почти двести лет с тех пор, как пожаловано подле Кинешмы имение предку Философову Царем Михаилом Федоровичем. Он, поселившись в этом имении, избрал это место упокоения и теперь 13 памятников, а несколько уже разрушенных из которых видно по надписям, что некоторые служили при дворе, а некоторые были схимонахами и монахами, тут прежде был монастырь, у нас тут идет вечное поминовение, в котором записали о упокоении и братца вашего»¹⁴.

Троицкий собор в Кинешме. Фотография В. Ф. Баранова

Внимание А. И. Filosofova к кинешемским Filosofovym и позволение обращаться к нему с ходатайствами и просьбами определило основное содержание писем дворян из Кинешмы. Состояние их было маленьким и главной заботой семьи оставалось устройство детей и внуков. Анна Степановна отмечала: «По нашим преклонным летам собственно для себя ничего уже не желаем»¹⁵. В первом письме к А. И. Filosofovу она писала, что её дочь «осмелилась просить Вашей милости и ходатайства о сыне ее для принятия в Костромской пансион. Малое состояние вынудило ее беспокоить Вас, и мы об этом просим Вашего милосердия и ходатайства устроить счастье внука нашего и не лишать его образования»¹⁶.

Дочь Filosofovых Александра Васильевна сообщала Алексею Илларионовичу о своём положении: «Муж мой артиллерии капитан Любонников, находясь на службе 1812 года 1813 и 1814 за ранами уволен в отставку и находится под покровительством Комитета раненых, имеем 6 человек детей, при малом состоянии едва можем содержать себя, а не только сыновьям дать приличное образование, и потому ныне, пользуясь правом раненых, подал в Комитет прошение об определении младшего сына нашего в Костромской благородный пансион, на счет Комитета, чтобы оной вносил туда за него деньги в год по 500 ассигнаций, в котором учится и старший наш сын, за которого муж мой платит из получаемого им пансиона. В военно-

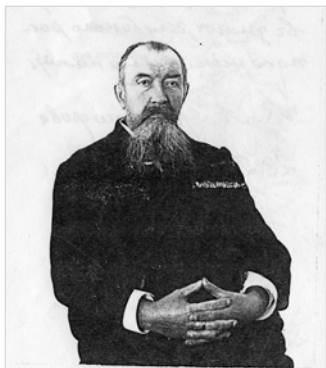
учебное же заведение он по болезни не способен, что доказывает и приложенное при просьбе свидетельство. О состоянии нашем может засвидетельствовать Вам представитель сего брат мой двоюродный Александр Павлович Философов и потому, желая воспользоваться Вашим покровительством, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство не оставить Вашим ходатайством об определении нашего сына. Чем заставить по жизнь нашу быть Вам обязанным и вечно молить Всевышнего об Вашем здоровье»¹⁷. Сын Александры был принят в Костромской пансион.

В следующем письме Анна Степановна отмечала: «Примите мужа моего и мою глубочайшую благодарность за милостивое ваше ходатайство о внуке нашем. Господь нам послал в преклонных наших летах вас покровителем, молим его создателя о здоровье и благоденствии вашем, будьте милостивы простите по нашей старости, что еще осмеливаемся беспокоить Ваше Высокопревосходительство»¹⁸.

В этом же письме слова благодарности посылал и зять Анны Степановны Андрей Любовников: «При сем и мне также позвольте иметь честь хотя заочно вам представить себя как старого воина; душевно сожалею, что в проезде вас чрез Кинешму лишен был счастья лично явиться быв в отлучке, теперь же за долг поставляю принести искреннюю мою благодарность за сына моего, который чрез ваши благодеяния принят в пансион, имевши большое семейство и детей еще от первого брака, быв прежде при должности воспитывал оных как мог; но теперь имея слабое здоровье и раны, полученные в двух компаниях, при маленьком состоянии, большое имею затруднение, не только образовать, но и содержать; но в вас нашли благодетеля через которого и последний сын наш пристроен, вечно буду вам обязан моею благодарностью да вознаградит вас бог здоровьем, счастьем и милостями царя»¹⁹.

Одной из главных забот Анны Степановны было определение любимого внука Васеньки (в тексте писем его имя пишется без мягкого знака — *С. К.*), нужно было дать ему образование. По словам дочери Александры, Анна Степановна воспитывала внука «уже почти со дня рождения» и «имела большую к нему привязанность»²⁰.

А. С. Философова писала: «Родители не имеют возможности воспитать и пристроить, отец его больной и состояние не позволяет (...), приготовление наук ему сделано дома Закон Божий со священной историей, грамматику, географию, арифметику и читает по-немецки и будут начинать учить по-французски»²¹.

Философов Василий
Аркадьевич

В письме от 7 декабря 1853 года Анна Степановна обращалась к Алексею Илларионовичу: «Сделайте милость, будьте покровитель, устройте счастье, ни мы, ни отец его не имеем возможности пристроить его на свой счет (...), отдаем на волю вашу, куда посоветуете и как вам угодно, только не откажите сделать милость, устроить его счастье (...) чтоб не упустить время еще умоляю чтоб мы могли покойно закрыть глаза и при жизни видеть его пристроенным»²².

В феврале 1854 года Анна Степановна вновь писала Алексею Илларионовичу: «Как вы по милости своей советуете отдать его в какой-либо военный корпус, то совет Вашего Высокопревосходительства мы законом себе поставляем и решаемся, если господь поможет, отдать в Москве (...). Просим вашего милостивого покровительства и ходатайства в последствии времени об зачислении в казеннокоштные воспитанники»²³.

На письме сохранились пометки, сделанные рукой А. И. Философова. Он писал: «Получено 1 марта 1854 года. Отвечал того же числа и послал письмо к Директору 1 Московского корпуса Владимиру Петровичу Желтухину — о принятии малютки»²⁴. Сохранился ответ В. П. Желтухина от 29 марта 1854 года, в котором он сообщал: «... хотя в настоящее время вакансии для своекоштных пансионеров во вверенном мне корпусе все замещены, но в уважение Вашего Превосходительства, я счел приятным для себя принять в корпус родственника Вашего Василия Философова, тем более, что отзыв Вашего Превосходительства о первоначальном воспитании его, подает надежду увидеть в нем со временем не только хорошего воспитанника, но и надежного офицера»²⁵.

Анна Степановна благодарила А. И. Философова за устройство внука в учебное заведение и отмечала: «Теперь доложу вам, как только внук наш Васенька представлен был с вашим письмом к директору первого корпуса — 27 марта, он так его принял милостиво и ласково и тот же день зачислил его пансионером в 1 корпус с платою в год 200 рублей серебром. (...) Помогите милостивым ходатайством в казеннокоштные»²⁶.

В другом письме она отмечала: «Что касается до платежа денег за него (Васю — С. К.) в корпус, будьте уверены, что при маленьком нашем состоянии готовы во всем себе отказать, но не допустим, чтоб вас довести до беспокойства за ваши милости (...), в надежде на ваше милостивое ходатайство в продолжение времени о принятии его казенным кадетом, ежели будет достоин, мы всегда об этом к нему пишем, чтобы старался учиться и вел себя кротко и имел к старшим уважение и помнил, кто его благодетель, чтобы не зачернил себя и был достоин всяких милостей и ручательства»²⁷.

8 июля 1857 года Алексею Илларионовичу написала письмо мать Василия Авдотья Алексеевна, она тоже ходатайствовала о переводе сына на казенный счёт. В письме она сообщала о семейных горестях: «Видя из ваших почтеннейших писем к матушке моей свекрови Анне Степановне Философовой, (сын — С. К.) пользуется вашим вниманием к нему. Благодаря также старанию его бабушки о своем внуке и нашем сыне, но видя ее преклонные уже лета и слабое здоровье, осмеливаюсь сама при сем беспокоить вас моею покорною просьбою, если милость ваша будет и возможность по обещанию вашему со временем постараться перевести его на казенное содержание. Я бы никак не осмелилась просить вас, Ваше Высокопревосходительство, но вынуждена тем, что муж мой Аркадий Васильевич Философов, служивши в ополчении, был там отчаянно болен тифозной лихорадкой, и возвратившись больным до сих пор не может поправиться в своем здоровье, а лечение расстраивает небольшое наше состояние»²⁸.

На письме стоит пометка Алексея Илларионовича: «Ростовцеву 18 августа 1857 г. Ростовцев 14 сентября с № 1565 отвечал, что худо учиться и худо ведет себя 5 баллов, а потому до исправления перечислен быть не может. 18 сентября писано Анне Степановне Философовой и посланы бумаги в оригинале». Я.И. Ростовцев в это время являлся начальником штаба по военно-учебным заведениям.

В письме от 20 октября 1858 года Анна Степановна сообщала: «Сколько возможно было делать ему (внуку — С. К.) строгих наставлений, чтобы поправился в поведении и старался учиться лучше и писали, как он смел забыть ваши милости и наставления, слышанные от вас лично и не старался быть достойным. За ваши все милости и ходатайство буду чаще повторять ему все эти наставления, мне стыдно против вас, я мучусь совестью, что он так худо заслуживает ваше благодеяние»²⁹.

Через полгода она уже сообщала об улучшении поведения и учебы внука: «Экзамены в корпусе начались, из Закона Божия Васенка имеет 12 баллов, из географии — 11 баллов, (...) теперь исправляется

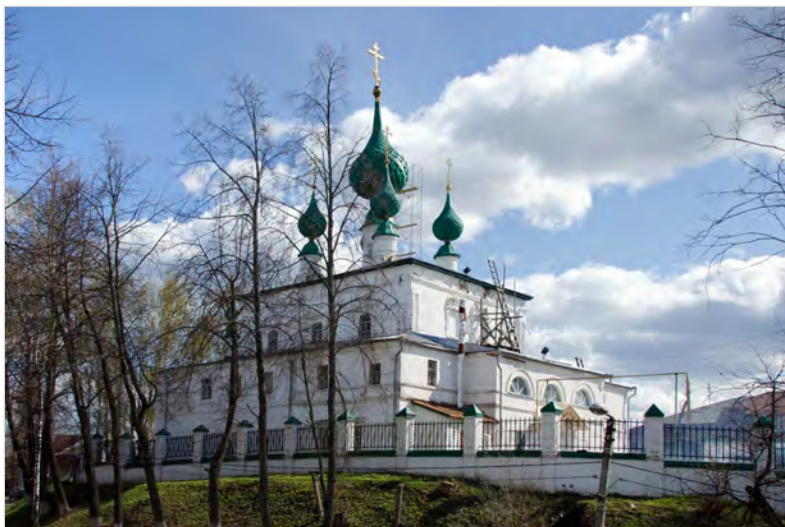
поведение и учиться и сам пишет, что чувствует ваши милости (...) , надеется оправдать себя за ваши милости и по выпуске из корпуса явиться (...), не откажите нынче, попросите о переводе его казенным воспитанником»³⁰. В следующем письме она вновь обращалась с просьбой: «устроить казенным кадетом (...), Васеньку во время летних респусков видела, он был у нас и не узнала его (...) сколько сил моих доставало делать ему наставления вести себя хорошо учиться (...) уверяет, что непременно будет стараться выйти артиллеристом»³¹.

Неоднократно Анна Степановна посылала подарки в Петербург. В письме от 22 ноября 1852 года она отмечала: «Осчастливьте и удостоьте принять от усердия нашего собственных наших трудов хозяйства банку варенья поляники и в уксусе рыжиков»³². В декабре 1853 г.: «Примите труды нашего хозяйства, не откажите в этом утешении во всю нашу жизнь, препровождаем вам банку поляники, ведро рыжиков, бурачок белых грибов в уксусе и сухих белых грибов, и другую банку поляники подносит вам внук наш и воспитанник Васенька Философов, сделайте его счастливым, удостоьте принять как наши равно и его ничтожные труды (...) Еще Ваше Высокопревосходительство удостоьте принять, тоже нашего хозяйства две индейки»³³. В письме от ноября 1855 года она, кроме варенья поляники, в качестве подарка отправила «наших кинешемских изделий белья, небольшой столовый прибор и чайный прибор»³⁴. В декабре 1857 она послала «две банки поляники варенья, а 3-ю баночку удостоьте принять, осчастливьте внука моего Васенку, устроенного по вашей милости. Он, бывши летом у нас просил сварить от него и выбирал самые лучшие ягоды в свою баночку и прощаясь уже с нами просил, чтобы я не забыла ее представить, еще препровождаю бутылку поляникового сиропа и ведро отварных в уксусе грибов, желала бы лучше приготовить рыжиков в уксусе, но нынче совсем не было»³⁵.

Таким образом, Алексей Илларионович Философов, занимавший высокий пост воспитателя великих князей, знал своих дальних родственников дворян Философовых из Кинешмы, интересовался родственными связями и оказывал им помощь. Он состоял в переписке с Анной Степановной Философовой, её дочерью Александрой и снохой Авдотьей Алексеевной. Благодаря А. И. Филосову двое внуков Анны Степановны были устроены в учебные заведения в Костроме и Москве. Василий Философов успешно окончил 1 Московский кадетский корпус. Кинешемские дворяне Филосовы имели малое состояние, не имели больших связей, поэтому ценили и уважали такого покровителя, как Алексей Илларионович, неоднократно посылали ему в Петербург скромные подарки от

ИСТОЧНИКИ:

1. *Игнатенко В. Ф.* Алексей Илларионович Философов как филантроп и просветитель // Философовские чтения. Сборник материалов вторых Философовских чтений. Пос. Бежаницы. 2006. С. 5–17.
2. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях. Свящ. Е. П. Вознесенского. Кострома. Типография Андроникова. 1859. С. 114.
3. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 846. Письма Философовой Анны, жены Философова Василия Львовича Философову Алексею Илларионовичу. 1851–1859 гг. Л. 1
4. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 518. Письма Любовниковой (урожденной Философовой) Александры Васильевны Философову А. И. Л. 1.
5. РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 824. Письма Философова Арсения Васильевича Философову Алексею Илларионовичу. Л. 1–1 об.
6. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 518. Л. 7
7. Там же.
8. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Ед. хр. 847. Письмо Философовой Анны Степановны Философову А. И. 1851 г. Л. 1–1 об.
9. РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Письма Философовой Анны, жены Философова Василия Львовича Философову Алексею Илларионовичу. 1851–1859 гг. Л. 3.
10. Там же. Л. 3 об.–4.
11. Там же. Л. 2.
12. Там же. Л. 3.
13. Там же. Л. 3 об.–4.
14. Там же. Л. 10.
15. Там же. Л. 1.
16. Там же.
17. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 518. Л. 1 об.–2 об. Письмо от 4 марта 1851 г.
18. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Ед. хр. 847. Л. 1. Письмо от 24 июня 1851 г.
19. Там же. Л. 2–2 об.
20. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 518. Л. 4.
21. РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 846. Л. 5–5 об.
22. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 846. Л. 6 об. Письмо от 7 декабря 1853 г.
23. Там же. Л. 8 об. Письмо от 23 февраля 1854 г.
24. Там же. Л. 8.

Спасо-Преображенская церковь в Кинешме

25. *Игнатенко В. Ф.* Алексей Илларионович Философов как филантроп и просветитель // Философовские чтения. Сборник материалов вторых Философовских чтений. Пос. Бежаницы. 2006. С. 8.
26. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 846. Л. 9 об. Письмо от 1 мая 1854 г.
27. Там же. Л. 10 об. Письмо от 21 августа 1854 г.
28. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 840. Л. 1–2. Письма Философовой Авдотьи Алексеевны Философову Алексею Илларионовичу 1857–1862 гг. Письмо от 8 июля 1857 г.
29. РГИА Ф. 1075, Оп. 1, Д. 846. Письмо от 20 октября 1857 г. Л. 17.
30. Там же. Л. 20–20 об. Письмо от 14 мая 1858 г. Л. 20–20 об.
31. Там же. Л. 21. Письмо от 25 октября 1858 г.
32. Там же. Л. 2. Письмо от 22 ноября 1852.
33. Там же. Л. 6. Письмо от 7 декабря 1853 г.
34. Там же. Л. 15. Письмо от 27 ноября 1855 г.
35. Там же. Л. 19. Письмо от 11 декабря 1857 г.

А. А. Шелаева

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: a.shelaeva@spbu.ru

А. В. Цуканова

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: st064970@student.spbu.ru

**«МОЁ ЛЮБЕЗНО-СКУЧНОЕ УЧИЛИЩЕ»:
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ФИЛОСОФОВ
О ГОДАХ ОБУЧЕНИЯ В ИМПЕРАТОРСКОМ УЧИЛИЩЕ
ПРАВОВЕДЕНИЯ**

В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников рассматривается период ученичества и становления личности Владимира Дмитриевича Философова (1820–1894), видного представителя известного псковского дворянского рода, первого Главного военного прокурора Российской империи.

Ключевые слова: Училище правоведения, В. Д. Философов, юридическое образование, В. В. Стасов, К. К. Арсеньев, П. Г. Ольденбургский.

Владимир Дмитриевич Философов — один из деятелей эпохи Великих реформ Александра II, сыгравший большую роль в реорганизации военного судопроизводства. Юность В. Д. Философова прошла в стенах Императорского училища правоведения. Этот период своей жизни он описал в дневнике, ныне хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) [8]. Фигура В. Д. Философова уже не раз попадала в поле зрения исследователей: на первых Философовских чтениях была представлена работа Е. В. Яковлевой [9], где приводятся выдержки из «Сборника памяти Анны Павловны Философовой», жены Владимира Дмитриевича; в сборнике материалов вторых Философовских чтений была опубликована статья А. Н. Савенкова [6], рассматривающая деятельность В. Д. Философова и его вклад в военно-судебную реформу; на четвёртых Философовских чтениях прозвучал доклад Р. Н. Антиповой «О дневнике Владимира Дмитриевича Философова» [2], который добавил несколько важных штрихов к портрету В. Д. Философова.

Владимир Дмитриевич
Философов

Однако обращение к дневнику до сих пор актуально, так как это позволяет погрузиться во внутренний мир юного правоведа; понять, как формировался характер будущего Главного военного прокурора, а также рассмотреть его ближайшее окружение и воссоздать обстановку в училище, проанализировать отношения с преподавателями и соучениками. Дневник также отражает мнение В. Д. Философова о постановке обучения в Училище.

Поденные дневниковые записи дают представление о распорядке занятий, предметах, изучаемых в Императорском училище правоведения, внеклассных занятиях и круге чтения В. Д. Философова. Ученики обязаны были посещать занятия, которые проходили с понедельника по пятницу. Суббота также была учебным днём, но вечером воспитанники шли в церковь на Всенощную. Воскресенье являлось днём, свободным от занятий. Вот как В. Д. Философов описывает один из воскресных дней: «Воскресенье 20-го Марта. Утром читал «Сына Отечества». После обедни поехал домой с Маман и Тетенькой Палагеей Николаевной» [8, л. 7 об]¹. В этот день недели учащимся разрешалось покинуть территорию Училища и навестить родных. Правоведы старались максимально полно использовать время отдыха: «Погода немного, — читаем в Дневнике, — отправились Nicolas, я и cousin Рокотов обедать к Кругликовскому. Обед был довольно скверный. Мы там распили бутылку вина и выкурили по трубке» [8, л. 76 об]. Конечно, в стенах Училища воспитанникам не разрешалось ни пить, ни курить, поэтому, оказавшись «на свободе», будущие правоведа пользовались ею безгранично. Однако и в Училище правоведы также находили способы повеселиться, о чём свидетельствует запись из дневника К. П. Победоносцева (годы обучения 1841–1846): «Нашли табак, сигары, карты, трубки, бутылки, рюмку и пр.» [5]. Видимо, таким образом юноши боролись со скукой продолжительных и сложных учебных занятий, а

¹ Здесь и далее рукопись дневника цитируется под номером 8 в списке источников и литературы по фонду РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Ед. хр. 5., с указанием листа; оборотная сторона листа обозначается сокращённо — «об».

возможно, что и выражали так свой протест против слишком суровых, на их взгляд, правил.

Разнообразить училищный быт воспитанники пытались всеми возможными средствами. Популярным увлечением в Училище была музыка. Существовал даже музыкальный кружок, сложившийся вокруг А. Н. Серова, впоследствии ставшего известным композитором [4]. В. Д. Философов к этому кружку не принадлежал, однако, как и прочие воспитанники, любил посещать концерты, которые организовывались принцем П. Г. Ольденбургским. На этих музыкальных вечерах выступали как лучшие музыканты из числа правоведов, так и профессионалы [4]. Тут уже и Владимир Философов не оставался в стороне — в дневнике можно найти отметки о том, где и как проходили концерты, — например, в записи от 18 июня 1838 г. [8, л. 41 об]. В целом, можно утверждать, что музыка была неотъемлемой частью училищной жизни. Музыкой интересовались как начальство во главе с попечителем, который был рад принимать активное участие в развитии эстетического вкуса и музыкальных интересов юных правоведов, так и воспитанники, которые, вероятно, рассматривали музыку как возможность отдохнуть от учебных занятий.

Другим вариантом культурного досуга было посещение театра. В. Д. Философов отмечает каждый поход в театр и высказывает своё мнение об увиденных постановках. Он отправлялся в театр по воскресеньям. Поскольку воспитанники должны были возвращаться в Училище к определённому времени (к девяти вечера), то Владимир Философов перед спектаклем специально ездил в Училище отпрашиваться, зная, что тот закончится поздно [8, л. 63]. Также В. Д. Философов описывает случай посещения театра в субботу: «Приезжали братья и сказали, чтобы я отпраился ехать в Субботу в театр. Сказал Андрееву [воспитателю], тот велел писать записку к Директору» [8, л. 39 об]. Директор отлучиться из Училища разрешил, но только после Всенощной, поэтому Владимир Дмитриевич опоздал в театр и пропустил одну пьесу. Как мы видим, училищное начальство не препятствовало посещению театра, и В. Д. Философов пользовался этим, чтобы вырваться из Училища в мир фантазии и свободы.

Много времени уделялось чтению литературы. В. Д. Философов почти ежедневно заносил в дневник сведения о прочитанном за день. Многие он читал по-французски, судя по записанным им на французском языке названиям таких произведений, как «Сцены из жизни испанцев» Лауры д'Абрантес [8, л. 11 об], «Влюбленный дьявол» Жака Казота [8, л. 11 об], «Исповедь» Жан-Жака Руссо [8, л. 16 об], «Рыцари лебедя или двор Карла Великого» графини

де Жанлис [8, л. 44]. На русском языке он читал отечественную литературу: Фонвизина [8, л. 11 об], Пушкина [8, л. 80 об], «Ивана Выжигина» Фаддея Булгарина [8, л. 69 об.], «Ледяной дом» Ивана Лажечникова [5, л. 68 об.] и др. Из периодических изданий в Дневнике встречаются упоминания журналов «Библиотека для чтения» [8, л. 30], «Сын отечества» [8, л. 37 об], «Телескоп» [5, л. 85], «Отечественные записки» [8, л. 88 об], «Современник» [8, л. 84 об] и др. В круг чтения Философова таким образом входили самые актуальные публицистические произведения и на шумевшие критические статьи. Как заметил В. В. Стасов, который поступил в Училище через год после В. Д. Философова, «время было такое, когда нельзя было не читать» [7, №5. Том 31. С. 274].

Как складывались отношения между Владимиром Дмитриевичем и другими юными правоведами? Судя по записям в дневнике В. Д. Философова, наиболее близкие дружеские отношения у него сложились с Алексеем Жемчужниковым, которого он называл своим товарищем [8, л. 18] и которого навещал, когда тот попал в лазарет [8, л. 19 об]. По материалам дневника трудно понять, что объединяло его соучеников и что разъединяло. Дневник пестрит записями о ссорах: «Сегодня я поссорился с Бюлером за насмешки его на счет мой во французском классе и вероятно надолго» [8, л. 23 об]. Также В. Д. Философов упоминает о том, что за ссору с одноклассником Иваном Мессингом он был посажен в карцер [8, л. 4]. Описывает Философов и ещё одну конфликтную ситуацию. Она возникла как результат стремления Философова получать высшие баллы по всем предметам и первенствовать в учёбе. Среди соучеников нашлись такие, кто стремился противодействовать его цели. Один из них — Николай Погуляев, как предположил В. Д. Философов, из зависти мешал ему готовиться к экзамену по Закону Божию, срывая его план получить за ответ высшие 12 баллов. В. Д. Философов «принужден был его крепко побить, и видя, что он, не смотря на то, не перестает, пожаловаться Воспитателю» [8, л. 35–35 об]. В то же время Философов осознает особенности своего характера и пишет о себе критически: «У меня какая-то странная черта, побуждающая меня беспрестанно ссориться» [8, л. 26 об].

На страницах дневника, тем не менее, можно найти и примеры товарищеских отношений с соучениками. Так, 16 июня 1838 года «все сидели у окошка и евши апельсины бросали корки на улицу. Некоторые из них упали на балкон противоположащего дома, принадлежащего Г-же Чичериной» [8, л. 41]. Дама прислала письменную жалобу. На следующий день все, по словам В. Д. Философова, были

«огорчены известием о жалобе Чичериной. Мне стало совестно, что я хотя и в числе многих других, однако же стал причиною их беспокойства. И потому решился все взять на себя» [8, л. 41]. Вместе со своим одноклассником В. Арцимовичем он отправился к директору Училища и признался. В. Д. Философова посадили в карцер, как он отмечает, «по наветам Андреева», его воспитателя. В конце концов за В. Д. Философова вступился Е. Я. Деринг, воспитатель и по совместительству преподаватель физики и естественной истории [1, с. 126]. В. Д. Философова выпустили, «несмотря на гнусные происки Г-на Андреева» [8, л. 41 об].

Таким образом, можно говорить о товарищеских отношениях между одноклассниками В. Д. Философова, их стремлении к справедливости и даже в определённых ситуациях к самопожертвованию. Объяснение этому можно найти в воспоминаниях К. К. Арсеньева, состоявшего в рядах юных правоведов с 1849 по 1855 гг., который полагал, что «затаенная, но тем более сильная вражда к начальству неизбежно должна была укрепить и развить между нами чувство “товарищества”, в специфическом, школьном смысле этого слова» [3, с. 218]. То есть объединению воспитанников способствовало недовольство порядками Училища, а также теми, кто был призван эти порядки поддерживать — преподавателями и воспитателями. Это подтверждают оценки, которые В. Д. Философов даёт некоторым из своих наставников.

В свете высказываний Философова рассмотрим фигуру попечителя, принца П. Г. Ольденбургского. Он не находился при Училище постоянно, однако часто навещал его, что отражается в записях В. Д. Философова. Например, 24 марта 1838 года «Его Светлость Принц Петр Ольденбургский удостоил училище своим посещением во время обеда» [8, л. 8 об]. А 3 апреля того же года, на Пасху, он «имел терпение перечековать по три раза, не только нас всех, но даже и солдат» [8, л. 8 об]. Принц любил присутствовать на экзаменах, о чём также свидетельствует дневник В. Д. Философова: «В других классах начались экзамены. Принц был на них почти белый день безвыездно» [8, л. 33]. П. Г. Ольденбургский мог влиять и на итоговую оценку за экзамен: «Сегодня экзамен Латинского Языка. Сперва, когда начали экзамен без Принца, он пошел очень скверно. [Преподаватель А. И. Грим] Сбавлял по несколько баллов, ничего не слушал. Потом при Принце пошло быстро необыкновенно. Я вероятно получил 12. Принц переправил даже баллы, прежде него поставленные» [8, л. 33 об]. Упоминает В. Д. Философов и о том, как попечитель устраивал для воспитанников вечера у себя во дворце [8, л. 6–6 об]. В. Д. Философов относился к Принцу с нескрываемым

уважением и любовью, о чём свидетельствует данная фраза: «... словами не могу выразить тех чувств благодарности, которые питаю к нему и готов жертвовать жизнью, чтобы только доставить ему малейшее удовольствие. Человек, который достоин венца и достойнее кого бы то ни было» [8, л. 57]. Можно сделать вывод, что попечитель П. Г. Ольденбургский в глазах Владимира Дмитриевича был несомненно положительной фигурой, олицетворением добра и справедливости.

Полную противоположность попечителю составлял директор Училища Семён Антонович Пошман. О нём В. Д. Философов пишет, что тот «человек добрый, но до крайности слабый, повинующийся всякому первому впечатлению, нерешительный, несколько гордый, хвастун, лжец и пр.» [8, л. 57-57 об]. В. Д. Философов так описывает поведение С. А. Пошмана: «Вечером Директор сердился на 2-й класс. Вечные крики! Что за жизнь!» [8, л. 51]. Приводит Владимир Философов и существующие слухи о директоре, «... что он служил в Татарском Уланском полку и выгнан оттуда за пьянство, из свиты за глупость, из сената за взятки, — и добавляет уже от себя, — дай Бог, чтобы его и от нас за что-нибудь прогнали» [8, л. 57 об]. Этой одной фразой В. Д. Философов исчерпывающе демонстрирует своё отношение к директору Училища.

Ещё одним человеком, к которому В. Д. Философов испытывал неприязнь, был воспитатель его класса Алексей Симонович Андреев. Владимир Дмитриевич на страницах своего дневника даёт ему крайне нелицеприятную характеристику, говоря, что он «человек до крайности глупый, ничему не учившийся, хвастун, лжец, любящий подслушивать у дверей и выведывать тайны самыми низкими способами, ... не отказывающийся ни от взяток, ни от чужого кошелька, эгоист, ... готовый для пользы своей погубить всякого...» [8, л. 64 об-65]. Приписывает он А. С. Андрееву и некое самодурство: «Вечер провел в несносном занятии переписывании рапортички 4-е раза и больше по капризу Г-на Андреева» [8, л. 23].

Естественно, были среди преподавателей и те, о ком В. Д. Философов отзывался положительно. Примером может служить личность Осипа Осиповича Берарда, воспитателя и преподавателя французского языка, про которого В. Д. Философов писал, что «трудно, чтобы в одном человеке соединялось столько превосходных и благородных качеств, как в нём» [8, л. 65]. Такого же мнения был он и о преподавателе физики Георгии Яковлевиче Деринге.

Что же думал В. Д. Философов о своём пребывании в Императорском Училище правоведения? Уже на первых страницах дневника

он пишет, что «здесь был довольно несчастен, ибо два раза сидел в карцере» [8, л. 4]. Не раз упоминает В. Д. Философов о том, что желает поскорее окончить обучение: «Когда-то придет счастливое время освобождения из-за замков и запоров? Когда-то выпустят нас погулять на чистый воздух? Через тысячу дней! Еще очень далек срок нашего освобождения» [8, л. 58]. «Что за жалкое существование! — восклицает В. Д. Философов. — О! Выпуск, Выпуск, когда мы тебя дождемся?» [8, л. 24]. По всей видимости, Училищем Владимир Дмитриевич был недоволен, считал его местом, которое ограничивает внутреннюю свободу воспитанников и возводит преграду между ними и реальной жизнью.

Вероятно, Владимир Философов считал, что в таком положении дел виноваты «главные злодеи» — воспитатель его класса и директор: «И таким то людям как подлец Пошман и достойный его во всех отношениях Андреев поручают воспитание юношества?.. Право, сердце трепещет и кровь кипит от негодования, вспоминая те недостойные поступки, которые ежедневно с нами делаются. Не это ль называется воспитанием благородного юношества? Нет, такое воспитание скорее похоже на искушение и на позыв к оплеухе Пошману» [8, л. 60]. То есть проблема, по мнению В. Д. Философова, заключалась в педагогическом составе и в начальстве Училища. Вся критика В. Д. Философова направлена против действий и решений руководства. При этом класс В. Д. Философова не являлся таким сплочённым, как например, класс В. В. Стасова, где воспитанники находили прибежище от всех училищных невзгод и о котором тот отзывался следующим образом: «Наш класс, наш маленький мирок был для меня, как, вероятно, и для многих товарищей, чем-то бесконечно милым, дорогим и привлекательным» [7, № 12. Том 29. С. 1036]. Владимир Философов в своих оценках Училища предстаёт личностью более зрелой в социальном плане и потому критически настроенной по отношению к администрации, которая не соответствовала своими личностными качествами идеалам времени и не могла служить примером для подражания учеников. Практически его ничто не удерживало в училище — ни привязанность к товарищам, ни уважение и преданность к преподавателям. Положительной оценки, с его точки зрения, заслуживал попечитель П. Г. Ольденбургский, однако он был слишком далёк от проблем повседневной жизни этого закрытого учебного заведения с его тайнами, секретами и попытками изо всех сил и всеми способами соответствовать тем требованиям, которые были поставлены перед Училищем государством.

Таким образом, проанализировав дневник В. Д. Философова, можно сделать вывод, что Владимир Дмитриевич воспринимал обучение в Училище как некое испытание и желал скорейшего от него избавления. Это отношение к Училищу никак не предвещало многолетнего верного служения автора Дневника Фемиде, дальнейшей его судьбы, связанной с юриспруденцией, в области которой он добился блистательных результатов. В. В. Стасов в своих воспоминаниях так отзывался о тех, кто в итоге вышел из стен Училища: «Лишь немногие — слишком немногие — остались до позднего времени тем, чем были вначале, людьми, о которых стоит вспоминать, людьми, в которых в самом деле что-то есть — личность, ум, душа, интеллигенция. Остальные замесились в общей серой массе» [7, № 12. Том 29. С. 1035]. К этим немногим, безусловно, принадлежит и Владимир Дмитриевич Философов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. 50-летний юбилей Императорского училища правоведения. СПб., 1886. С. 126.
2. *Антипова Р. Н.* О дневнике Владимира Дмитриевича Философова («Сыны отражены в отцах») // Сборник материалов четвертых Философовских чтений. Псков, 2011. С. 39–54.
3. *Арсеньев К. К.* Воспоминания об Училище правоведения // Русская старина. 1886. Том 50. № 4–6. С. 218.
4. *Демченко Е. Н.* Любительское музицирование в Императорском Училище правоведения // Общество. Среда. Развитие. 2007. № 2. С. 45–49.
5. *Победоносцев К. П.* Из дневника // Русский архив. 1907. Вып. 4. С. 637.
6. *Савенков А. Н.* Роль и значение В. Д. Философова в военно-судебной реформе в России второй половины XIX века // Сборник статей вторых Философовских чтений. Псковская область, пос. Бежаницы, 2006. С. 18–28.
7. *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // Русская старина. 1880. № 12. Том 29. С. 1015–1042. 1881. № 5. Том 31. С. 247–282.
8. *Философов В. Д.* Дневник «Воспоминания прошедших дней» // РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Ед. хр. 5. 93 л.
9. *Яковлева Е. В.* Личность Владимира Дмитриевича Философова // Сборник первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 52–61.

ДИНАСТИЯ СВЯЩЕННИКОВ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ БЕЖАНИЦКИХ НА СЛУЖБЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРИБАЛТИКИ

В статье рассказывается о священниках Бежаницких — Стефане/Степане Ананьевиче и его пятерых сыновьях, оставивших заметный след в истории православной Эстонии. Для псковского краеведения, особенно для посёлка Бежаницы, — это новые имена. Четвёртый сын С. А. Бежаницкого протоиерей Николай в 1919 г. был расстрелян отступающими из Юрьева/Тарту большевиками и в 2000 г. РПЦ причислен к лику новомучеников российских. Дочери Николая Бежаницкого — Зинаида и Клавдия — самые известные и почитаемые деятели науки Эстонии.

Ключевые слова: Священники-просветители Бежаницкие. Псковская Духовная семинария. Храмы Эстонии. Высшие Бестужевские курсы, Юрьевский университет. Образование, медицина.

Впервые фамилию Бежаницких я услышала в ноябре 2013 г. в Таллине, от архивариуса Александра Дормидонтова, изучающего историю и быт эстонских русских (его предки поселились на территории нынешней Эстонии 9 поколений назад, где-то с 1850 г.). Мы пришли к нему, чтобы купить недавно вышедший альбом «История Православия Эстонии в фотографиях». Увидев изображения братьев Бежаницких, естественно, заинтересовалась, откуда они: не случайна же эта фамилия, дублирующая название нашего посёлка?! Александр Васильевич подтвердил, но довольно уклончиво, своё родство с ними, и с этой встречи я начала настойчиво приглашать его на наши краеведческие конференции или в «Псковский летописец». Однако каждый раз А. В. Дормидонтов отказывался: здоровье уже не для поездок... Спустя год он передал свой богатейший архив — две тысячи документов и фотографий — Таллиннскому городскому архиву. А чуть раньше, в феврале 2014 г., накануне Дня Независимости, исследователь и хранитель истории местной русской общины библиофил Александр Дормидонтов был удостоен ордена Белой Звезды: этот орден вручался

тем, кто «отстаивает интересы национальных меньшинств и сохраняет их национальное своеобразие». Самый старый документ, переданный А. В. Дормидонтовым Таллинну, датирован 1623 годом.

Когда мы определились с Бежаницами, я решила вернуться к вопросу и вновь написала Дормидонтову — и он вновь сослался на болезнь. Но «наводящей» информацией меня стала снабжать Галина Михайловна Пономарёва, преподаватель Таллиннского университета, живущая в Тарту. Г. М. мне здорово помогла, когда я работала в Историческом архиве Эстонии с письмами Константина Шварца Фердинанду Врангелю. Я пыталась найти документы, подтверждающие учёбу Врангеля в пансионе Выру, а не в гимназии Пскова, о чём говорится во всех биографических источниках. Галина Михайловна приготовила для меня (в Историческом архиве она — свой человек) папки с документами частных пансионов: в информации, полученной от брюссельских потомков Врангеля, сообщалось, что Фердинанд учился в пансионе для девочек, которым управляла его тётушка Барбара Врангель (в таком же пансионе Выру учился Вильгельм Кюхельбекер). Однако в документах Исторического архива содержались лишь бухгалтерские отчёты пансионов, в том числе и Барбары Врангель...

Итак, вместо ответа А. В. Дормидонтова я получаю короткую информацию от Г. М. Пономарёвой: **«БЕЖАНИЦКАЯ Зинаида Николаевна (в замужестве Дормидонтова) училась в Псковском Епархиальном училище в начале XX века. Дочь священника»**. Звоню в ГАПО: фонд Епархиального училища в архиве есть. Успокаиваюсь: материал для доклада в Бежаницах я обязательно в нём найду. Из-за отсутствия времени я не смогла сразу пойти в ГАПО, а в конце июля мою заявку приняли лишь на 13 августа. Меж тем я искала, призывая на помощь всех, кого только возможно, в Эстонии и нашей столице. Андрей Пономарёв (Москва) с сайта Исторического архива Тарту прислал список дел — к сожалению, не оцифрованных, — священников Стефана, Николая, Виктора, Александра, Владимира и женщин, носителей этой фамилии — Клавдии Николаевны, Марии Александровны и Евлалии Васильевны. Из этого списка, наряду с указанием храмов, в которых служили священники, встречаются и отчества, по которым и можно определить, кто в роду главный: Виктор Стефанович, Александр Стефанович, Николай упоминается несколько раз, но без отчества. Однако мне это уже и не надо: на фотографии архива Александра Дормидонтова все братья Бежаницкие, кроме Василия, изображены — позднее я поняла, почему отсутствует Василий: снимок сделан в Юрьеве в 1916 году — скорее всего, братья собрались вместе, чтобы провести в последний путь младшего.

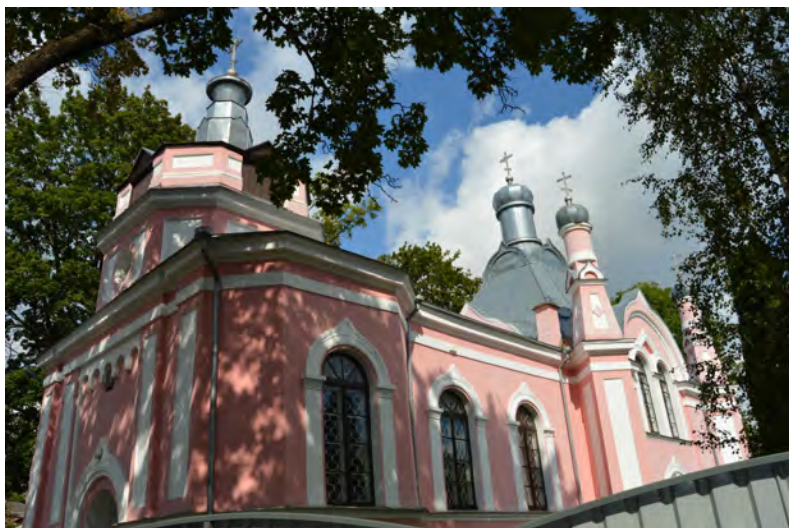
Священник Стефан
Безжаницкий. 1882 г.

Священник Стефан Безжаницкий
с матушкой Анной

Братья Безжаницкие: Виктор, Владимир, Александр, Николай.
Юрьев, 15.11.1916

Тарту. Георгиевская церковь. Фото З. И. Кузнецовой. Сентябрь 2019

Тарту. Успенский собор. Фото Кузнецовой З. И.

Зинаида (в центре). Педагогический состав Ревельской городской русской гимназии в 1923 г.

З. Н. Бежаницкая среди руководства Таллиннской городской русской гимназии

Мне ничего не остаётся, как самой порыться в Интернете, с которым я далеко не «на дружеской ноге». И кое-что с сайта Russian Estonia выудила, притом бесценного в моей жалкой ситуации, однако соединю эти крупницы, чтобы информация о каждом персонаже не была расплывчатой и воспринималась уже конкретно. Располагаю в том порядке, каком я её находила, и уточняю: источником сайта послужил Национальный Исторический архив Эстонии.

Александр Стефанович Бежаницкий (22.03.1858, Дерптский уезд Лифляндской губернии — 18.04.1926, Ревель). Протоиерей. Проживал в Эстляндии. С 1866 по 1889 служил в Мяэмызской Николаевской церкви в Гапсальском уезде. С 1907 по 1926 служил в церкви Святого Николая Чудотворца в Ревеле/Таллинне. На 1910 г. — законоучитель православного вероисповедания Ревельского 4-классного городского училища. Член Нарвского Епархиального совета. Законоучитель Частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии». Награды: орден Св. Анны 3-й ст. (1911), набедренник (11.03.1887); скуфья (31.05.1896); камилавка (1901), наперсный крест (1907), палица (18.06.1921). Похоронен на Александро-Невском кладбище в Ревеле. В ноябре 2013 я посещала храм Николая Чудотворца — расположен он, можно сказать, у подножия Вышгорода, на узенькой улочке — так, что фасад его очень трудно сфотографировать. Священник, узнав, что я из Пскова, разрешил сделать снимки внутреннего убранства храма, но сейчас у меня не было времени найти их — показываю фотографии Андрея Пономарёва, который чаще меня бывает в Таллинне. Побывала я и на Александро-Невском кладбище, но тогда я не знала, что на нём упокоился А. Бежаницкий.

Семья Александра Бежаницкого: жена Серафима Иоанновна, урождённая Раевская (17.11.1857, о. Муху — 30.12.1939); дети: Мария (1.07.1885–1962), Ксения 16.01.1888, Гапсальский у. Лифл. Губ.), Борис (13.06.1889, там же), Евгений (1893–23.06.1971).

Виктор Стефанович Бежаницкий (3.03.1852, Юрьевский у. — 1.05.1924, Таллинн, Нымме). Служил в Богоявленском храме в Иевве. Один из учредителей Иеввенского отделения Православного Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Пресвятой Богородицы. С 1881 по 1921 служил в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Везенберге/Раквере. Умер от воспаления лёгких. Похоронен 4.05.1924 в Раквере. Семья: жена София Ильинична; сыновья — Леонид (27.03.1881), Борис, Константин и Сергей; дочь Людмила (22.09.1875).

Протоиерей
Александр Бежаницкий

Грамота протоиерею
Александру Бежаницкому

Владимир Стефанович Бежаницкий (12.06.1856, Юрьевский у. — 1920). Служил в Кренгольмской Воскресенской церкви. Руководил церковно-приходскими школами в Антсле (Анцене), Посаде Чёрном (Муствее) и Рингене (Rõngu), преподавал в них Закон Божий (1884–1896). Кроме того, преподавал Закон Божий в Нарвском железнодорожном училище (1909–1918). 30.12.1918 арестован вместе с отцом Александром Волковым и о. Дмитрием Чистосердовым, которые были расстреляны. Отец Владимир был освобождён с правом проживания в Нарве, но при этом был принуждён рыть ямы для расстреливаемых. Преподавал Закон Божий в Кренгольмской церковно-приходской школе (1918–1920). Лишился рассудка. Сын Борис.

О Василии Стефановиче Бежаницком (24.07.1861, Юрьевский у. Лифляндской губ. — 10.11.1916, Юрьев) информация самая скудная: из семьи протоиерея Стефана Бежаницкого. Окончил Рижскую Духовную семинарию (1885). Священник. Похоронен на Успенском кладбище в Юрьеве. Жена Аглаида Александровна (рожд. 1871 г.), дети: Севастьян (1.11.1889), Евлалия (20.06.1891), Василий (4.11.1892), Милица (р. 14.04.1903, Перновский у. Лифл. губ.).

Более обширная информация о **Николае Стефановиче Бежаницком** (2.12.1859, Юрьевский уезд Лифляндской губернии Российской империи — 14.01.1919, Тарту) — и это объяснимо. **Сын священника Стефана Ананьевича Бежаницкого**. Окончил полный курс Рижской Духовной семинарии (1881). Определён псаломщиком в Черносельской церкви. Учитель Черносельской православной приходской школы с 15.09.1881 по 23.09.1883. Рукоположен во священника и назначен к Воронежской церкви (25.11.1883). Перемещён к Керкауской церкви (27.08.1885). Благочинный Керкауского причта. Перемещён к Верроской¹ церкви (28.06.1891). Законоучитель Верроского женского городского начального училища с 1.07.1891 по 1.01.1904. Духовник Верроского благочиния с 30.10.1902. Перемещён к Феллинской² церкви (1.01.1904).

Член Феллинского тюремного комитета и член Попечительства о народной трезвости с 1.01.1904. Штатный законоучитель Феллинского городского училища с 1.01.1904 по 1.02.1908. Благочинный Феллинского причта с 8.04.1904. Перемещён к Юрьевской³ Георгиевской церкви (1.01.1908). Духовник Юрьевского благочиния. Законоучитель начального училища при Юрьевской Учительской семинарии с 1.01.1908. Штатный законоучитель Юрьевского городского училища с 1.02.1908. Духовный следователь Юрьевских 1-го и 2-го округов благочиний с 16.10.1908. Был депутатом на епархиальных съездах в 1887, 1888, 1890, 1908 годах. Председатель 27-го Епархиального Рижского съезда.

Награды: орден Св. Анны 3-й ст. (6.05.1914), серебряная медаль в память царствования Императора Александра III (24.05.1896), медаль в память 25-летия церковно-приходских школ (1.06.1909), бронзовая медаль в память 300-летия Дома Романовых (1913); набедренник (3.11.1886), скуфья (14.05.1896), камилавка (6.05.1902), наперсный крест (6.05.1909).

После того, как Юрьев в декабре 1918 был занят большевиками, приказом от 29 декабря совершение богослужений воспрещалось под страхом смерти. Распоряжение от 31 декабря предписывало всем «попам» оставить город, чему православное духовенство не подчинилось. 4 января 1919 года Совет Эстляндской трудовой коммуны обнародовал приказ о конфискации всего имущества Церкви. В этот же день объявлялось, что «православному попу» Бежаницкому, ввиду преклонного возраста, оставаться в городе до 20 января, однако уже

¹ Верро — Выру.

² Феллин — Вильянди.

³ Юрьев (1030 г.) — Дерпт — Юрьев — Тарту.

5 января он был арестован в Георгиевской церкви и расстрелян 14 января вместе с епископом Платоном Ревельским и настоятелем Успенского собора протоиереем Михаилом Блейве. Похоронен в Тарту, в Успенском соборе. В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в Москве причислен к лику новомучеников российских.

Семья: жена Мария Иоанновна, урожд. Казаринова; дети: Зинаида, в замужестве Дормидонтова; Клавдия, в замужестве Цицианова.

Бежаницкий Степан Ананьевич⁴ (†1892), священник. Окончил Псковскую Духовную семинарию. В 1846 году рукоположен был в священника в Оллустрферской церкви и затем последовательно проходил своё служение в Нейенгофской Покровской церкви, в Зонтагской Васильевской церкви, в Кастолецкой, Геймадрской, Тугаланской и Михаэльской церквях, в Валгамаа⁵. Во всех местах своего служения он был не только ревностным проповедником веры православной, но заботился о просвещении и даже о материальных нуждах прихожан.

Был женат, имел пятерых сыновей — Виктора, Владимира, Александра, сщмч. Николая и Василия, впоследствии ставших священниками, и трёх дочерей — Анну (в замужестве Знаменскую), Веру (в замужестве Лузик) и Агнию (в замужестве Муравейскую).

Был депутатом при принятии документов и денежных сумм по Аренсбургскому⁶ благочинию, членом строительного комитета по постройке церковных зданий, депутатом и увещателем по делам церковным, сотрудником журнала «Учитель благочестия».

Скончался 21 июля 1892 года на 71 году жизни... А на Google информация одной строкой: **Стефан Ананьевич Бежаницкий (1821–1892). Священник. Окончил Псковскую Духовную семинарию в 1846 г.**

Итак, я обрела ценнейшие сведения: 1) отчество Стефана/Степана Бежаницкого — Ананьевич; 2) окончание им Псковской Духовной семинарии. Следовательно, есть надежда узнать связь с Псковской землёй и, возможно, историю происхождения фамилии.

13 августа в ГАПО мне приготовлены дело № 3 из фонда Епархиального училища и опись фонда № 291 Псковской Духовной семинарии. Однако меня постигла неудача и полное разочарование: в

⁴ Цитируется по энциклопедии «Древо»: drevo-info.ru. Использована также статья Т. Милютиной «Блаженны милостивые. Протоиерей Николай Бежаницкий» из её книги «Люди моей жизни». Тарту, 1997.

⁵ Валгамаа: Валга + маа – земля.

⁶ Аренсбург (до 1917 г.) — самый большой остров в Эстонии, на берегу Рижского залива. С 1917 г. по 1957-й — Курессааре, с 1957 по 1988-й — Кингисепп, на острове Сааремаа. Сейчас — г. Курессааре.

Николай Бежаницкий с семьёй

деле № 3 (от 31 мая 1902) на 24 листах — аттестаты об окончании училища родившихся, в основном, в 1884 году, несколько аттестатов родившихся, как и Зинаида Бежаницкая, в 1885-м. Просмотрела и дело № 5 — аттестаты родившихся в 1884 г. и окончивших училище в 1904-м. Нет в фонде дела с аттестатами за 1903 г. — возможно, как раз там и нашёлся бы аттестат Зинаиды... Фонд Духовной семинарии — дела с 1 по 22, за 1816–1917 гг., на 110 листах, однако с 1840 по 1849 гг. дела отсутствуют, аттестаты с 1849 по 1869 гг. Фамилия всё же встретилась: многие аттестаты подписаны Ильёй Бежаницким, «исправляющим должность» инспектора семинарии...

В отчаянии пишу по всем адресам — в Тарту (Зое Ивановне Кузнецовой, участнице наших конференций с 2013 г.; Пономарёвой Галине Михайловне), Таллинн (Дормидонтову Александру Васильевичу и изборянке Любове Евг. Грушиной), Москву. Андрей По-

Тамара Милютина

ЛЮДИ МОЕЙ ЖИЗНИ

ТАРТУ 1997

номарёв присылает ссылку на книгу Тамары Павловны Милютиной «Люди моей жизни» — я распечатаю главу о протоиерее Николае Бежаницком «Блаженны милостивые». Эту же книгу называет Галина Мих. Пономарёва, уточняя, что Тамара Милютина — внучка Николая Бежаницкого, а книга, вышедшая в 1997 г., получила в этом же году премию им. Игоря Северянина. За отсутствием времени процитирую из книги Тамары Милютиной лишь самое важное (её снабжал фактическим материалом «милый сердцу троюродный племянник Александр Дормидонтов»).

Сначала о главе династии. «В Рижских Епархиальных ведомостях № 17 от 1 сентября 1892 г. помещён некролог о моём прадедушке: “Священник Стефан Ананьевич Бежаницкий. 21 июля, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался один из старейших иереев Рижской Епархии священник Стефан Ананьевич Бежаницкий. Почивший пастырь церкви, по окончании курса в Псковской Духовной Семинарии, в 1846 году рукоположен был в священника Олустферской церкви и затем⁷... <...> Погребение почившего состоялось в воскресенье 26 июля. После литургии, совершённой семью иереями при пении местного церковного хора, вышли на отпевание десять священников, из которых пятеро были сыновья покойного и два зятя его. Перед отпеванием Мурровский священник П. Нездачин говорил проповедь. <...> Перед самым прощанием весьма прочувствованную речь произнёс священник о. Васильков...” (Иоанн Васильков — настоятель и строитель каменного рижского Покровского собора. Его родина — Опoki Порховского уезда. Так вот тесен мир: на прошедших 27–28 сентября 16-х краеведческих чтениях в Порхове я делала доклад о псковских священниках, служивших и упокоившихся в Риге). “Гроб несли на руках из церкви священники-сыновья почившего, затем, обойдя вокруг церкви, передали его прихожанам. На двухверстном пути между церковью и кладбищем совершено несколько литий”. К сожалению, из этой главы я не смогла узнать, о какой церкви и кладбище идёт речь. О Николае Бежаницком здесь приводит-

⁷ Процитированное выше — видимо, отсюда же, потому опускается.

ся достаточно много выдержек из газет, журналов и книг⁸, выходивших в дни годовщин его гибели. Это надо читать самому.

“Николай Степанович Бежаницкий родился 14 декабря 1859 года. Окончил Рижскую Духовную Семинарию. Мне запомнился рассказ о том, как ездили во время каникул домой и на ученье — тулуп был один! В нём один из братьев сидел в санях, а второй налегке бежал рядом. Потом менялись. И так до Риги! <...> Мне было 8 лет, когда в конце 19-го года — шедшее 10 месяцев через всю вздыбленную Россию — до нас в Кисловодске добралось страшное письмо тёти Зины, сообщавшее о гибели дедушки. Он был среди граждан города, взятых, как заложники, и расстрелянных 14 января 1919 года отступавшими красными... <...> В газете “Ревельское слово” от 20 января 1919 года (т. е. чекрез 6 дней после расстрела дедушки) была напечатана статья кн. С. Мансырева “Н. С. Бежаницкий”. Статья написана с чрезмерным пафосом, что неприятно, но подтверждает рассказ мамы о дедушке и ... спасении им [от расстрела] 8 человек [в Вильянди]. Приведу её в выдержках: “... Ещё одним хорошим, добрым человеком стало меньше: в числе зверски убитых в Юрьеве при сдаче его большевиками — мы находим имя протоиерея Николая Степановича Бежаницкого... Он, бывший всю жизнь олицетворением любви и благодушия, он, положивший все силы свои на служение обездоленным и нищим, он, не покладая рук работавший в пользу просвещения, он, не обидевший никогда и никого, для всякого проступка находивший извинение, для всякого порока снисхождение: чем он мог провиниться? <...>”. В этой же газете заметка полкового врача о священнике о. Сергии Флоринском: “Среди ужасающих известий из Везенберга⁹ имеется сообщение, что там расстрелян священник о. Сергей Флоринский... Как еврей, не могу не отметить той любви, которой он, добрый, отзывчивый, заслуженно пользовался у всех солдат и сослуживцев, без различия национальностей”. Я видела таллинскую газету от 4 января 1924 г., посвящённую 5-летию гибели епископа Платона. Он был очень значительный человек — умный и образованный. В этой же газете был рассказ о дедушке ... “Добрый батюшка”. <...>”.

Тамара Милютинa не называет места рождения своего деда, но Николай, 4-й сын, родился в период служения Стефана Бежаницкого в приходе Приипалу в Валгамаа. Место его рождения ныне забыто, однако Общество охраны памятников русской культуры в Эстонии и

⁸ *Мари Раамот*. Мои воспоминания. «Лоодус», Тарту, 1937.

⁹ Везенберг — Раквере.

Валгаский приход Иконы Владимирской Богоматери планируют отыскать это место и отметить его памятным знаком. Когда-то Стефаном Бежаницким здесь был построен деревянный храм и приходской дом.

Зою Ивановну Кузнецову я попросила сделать снимки Георгиевской церкви, в которой с 1907 года служил о. Николай, и Успенский собор, надгробие Николая Бежаницкого в нём и мемориальную доску. Как только после развала СССР Эстония вновь обрела независимость, Православная Церковь Эстонии вышла из Московского патриархата — Успенский кафедральный собор Тартуской епархии Эстонской Апостольской Православной Церкви принадлежит Константинопольскому патриархату, потому чаще всего бывает закрыт. Я фотографировала его ещё в советское время и во время приездов в Тарту в 2010-е годы — собор связан с именами Василия Андреевича Жуковского (здесь венчалась его безответная любовь Машенька Протасова/Мойер), Николая Мих. Языкова, Игоря Северянина... Кроме того, под предлогом лечения аневризмы в Дерпт собирался бежать из Михайловского А. С. Пушкин — для этого к профессору Мойеру направлял его псковский доктор Всеволодов...

И снова сайт Russian Estonia: **Дормидонтова Зинаида Николаевна** (8.03.1885, Воронье Юрьевского у. Лифл. губ. — 6.11.1975). Из семьи священника Николая Бежаницкого. Окончила высшие Бестужевские курсы в Петербурге (1906) и экстерном Юрьевский университет (1917). Преподавала русский язык в Тарту: в женской частной гимназии, в Реальном и Коммерческом училищах. С 1923 г. проживала в Таллинне. Преподаватель русской литературы и инспектриса Таллиннской городской русской гимназии. Член правления Центрального союза русских учащихся в Эстонии. Кандидат педагогических наук. Почётный филистр корпорации Sororitas Oriens. Основательница Союза академических женщин. В 1920-х — 1930-х гг. — один из организаторов заграничных экскурсий — школьных и Союза академических женщин. Имела большую библиотеку и собрание картин русских художников, живших в Эстонии. С началом войны эвакуировалась на Урал, где продолжала педагогическую работу. По окончании войны вернулась в Таллинн. Была приглашена комплектовать создаваемую при Академии Наук библиотеку. Работала старшим преподавателем Таллиннского Политехнического института, позднее там же — доцентом Кафедры русского языка.

Семья: сестра Бежаницкая Клавдия Николаевна; муж Дормидонтов Сергей Александрович, мировой судья; дети Наталья (ум. 14.04.1913) и Татьяна.

Работы:

1. Азбука (с рисунками худ. А. Гринёва). Издательское акционерное общество «Варрак». Ревель, 1921.
2. Русская грамматика по новой орфографии, с упражнениями.
3. Синтаксис русского языка.
4. «Колокольчики», русская хрестоматия по новой орфографии для младших и средних классов школ Эстии (три издания), 1922. 247 с.
5. «Первопутюк», русская хрестоматия. 228 с. Юрьев, 1922.
6. Краткий курс русской литературы с приложением образцов, 1923.
7. Грамматический справочник по фонетике и морфологии.
8. Родиноведение для первых двух лет обучения. Юрьев, 1930.
9. Русско-эстонский краткий словарь. Тарту, 1940–1949.

Клавдия Николаевна Бежаницкая (3.10.1889, Керкау Перновский у. — 12.10.1979). Одна из первых женщин — выпускниц Императорского Юрьевского университета (медицинский ф-т), сотрудница Н. Н. Бурденко; первая в Тарту врач-фтизиатр. Основательница и заведующая туберкулёзной больницей в Тарту.

Семья: муж Мокс Иван Онуфриевич, председатель Ревельского окружного суда. 2-й муж — Цицианов Павел Николаевич. Дочь Тамара.

Тамара Павловна Милютин (1.07.1911, Юрьев — 4.07.2004, Тарту) — активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Эстонии. Её 1-й муж Иван Логовской (1889–1941) был преподавателем Богословского института в Париже, одним из секретарей РСХД, редактором «Вестника РСХД», поэтому первые годы замужества она провела в Париже. В 1940 г., после ввода в Эстонию советских войск, И. А. Логовской был арестован, а в 1941 — расстрелян. В 1941 г. была арестована и Тамара Павловна, сослана в Сибирь. Освобождена и арестована вновь. В Эстонию вернулась в 1957 г. Её книга воспоминаний «Люди моей жизни» — рассказ о тех, с кем ей посчастливилось встречаться в эти тяжёлые годы.

К сожалению, ни в главе «Блаженны милостивые», ни в Интернете я так и не нашла сведений, КТО первым из этого прекрасного рода взял фамилию Бежаницкий. И я вновь написала в Тарту и Таллинн. Галина Михайловна Пономарёва, давшая мне адрес сына Тамары Милутиной (ответа я не дождалась), сказала, что обычно при окончании семинарии брали фамилию по месту рождения, — значит, первым носителем фамилии был Спепан Ананьевич, окончивший в 1846 году Псковскую Духовную семинарию.

Написала я и Игорю Розенфельду, держателю магазина русской книги в Тарту: попросила его достать книгу Тамары Милутиной,

Бежаницкая Клавдия
Николаевна. 14.05.1936 г.

Обложка «Азбуки»
З. Н. Дормидонтовой

чтобы преподнести в дар ИКЦ Философовых. Вот ответ Игоря Розенфельда: «... Замечательно, что Краеведческие чтения продолжаются. Хорошо и то, что Вы занимаетесь темой Бежаницких. Я в курсе этой темы, поскольку сам занимался изданием книги Т. П. Милутиной «Люди моей жизни». Мне довелось общаться с Тамарой Павловной, знаком я и с её сыном Андреем, а также с А. Дормидонтовым. Предисловие к книге написал С. Г. Исаков, которого Вы хорошо знали. К сожалению, тираж книги давно разошёлся. Может быть, экземпляр случайно достать и удастся, но это уже большая редкость. В случае успеха сообщу. Не собираетесь ли Вы в ближайшие месяцы в Тарту? Тогда можно было бы обсудить вопросы истории семьи Бежаницких».

Кто бы ни помогал мне в поисках информации, здесь изложенной, обязательно отмечал, что Бежаницкие — самые почитаемые в Эстонии люди...

О ГЕНЕРАЛЕ НИКОЛАЕ ЧАГИНЕ

При написании статьи использован материал, любезно предоставленный автору Геннадием Васильевичем Чагиным (Москва), писателем и литературоведом, исследователем истории рода.

Ключевые слова: *оружейник, винтовка Мосина, «трёхлинейка», село Минкино (Знаменское), Новосокольники, последний приют генерала.*

Давно уже сказаны слова о том, что главное богатство любой земли — это её люди! Наша новосокольническая земля знает и помнит тех, кто был здесь рождён, кто прославил её своими делами и подвигами. А кто-то родился вдали от неё, но именно здесь обрёл свой последний приют. И потому стал частью уже нашей истории...

7 мая 1831 года в селе Демьяново Корчевского уезда Тверской губернии (недалеко от современного «наукограда» Дубна нынешней Московской области), в семье отставного капитана Ивана Петровича Чагина, родился сын Николай. Род потомственных дворян Чагиных известен с конца XV века, множество поколений его служили Отечеству на военном поприще. Один из пращуров Николая оборонял Троице-Сергиеву лавру от отрядов Лжедмитрия Второго в годы Великой Смуты, ещё несколько служили Петру Алексеевичу в рядах первых преображенцев... Поэтому судьба Николая Чагина, представителя одиннадцатого поколения обширного дворянского рода, была предопределена: в 11 лет он поступает в Полоцкий Кадетский корпус.

В 1850 году он закончил его с отличием и был произведён в первый офицерский чин прапорщика. Благодаря своим заслугам и способностям молодой офицер был направлен служить в столичную бригаду при Михайловском артиллерийском училище для продолжения курса наук.

Именно в эти годы начинает проявляться его талант конструктора вооружения. Михайловское училище он также окончил с отличием и был прикомандирован к Павловскому Кадетскому корпусу.

После практики на артиллерийских фортах кронштадтских батарей способный офицер был замечен начальством и направлен изучать оружейное производство на Сестрорецком, Ижевском, Тульском оружейных заводах.

Вторая половина пятидесятих годов позапрошлого века — нелёгкое время для России, и особенно для её армии. Только что закончилась Крымская война, известная в Европе под названием «Восточной». Закончилась поражением России, одной из причин которого была техническая отсталость российской армии и флота. Государь Александр II затеял масштабные реформы в стране и обществе, а также в вооружённых силах и военном производстве. То время было интересным и динамичным: системы и виды вооружения сменялись с быстротой калейдоскопа: раз в несколько лет, причём не только в России — во всём мире. Солдат, начавший службу с дульнозарядным мушкетом, вполне мог к выходу в отставку поддержать в руках и магазинную винтовку.

В поисках образцов армейское начальство обращало внимание, прежде всего, на иностранные модели, но находились и наши конструкторы, предлагавшие свои системы. Одним из них был Николай Иванович Чагин. В 1864 году он становится директором Ижевского оружейного завода, где под его руководством начинается производство новой скорострельной игольчатой винтовки. Тогда же он становится председателем Оружейной комиссии, задача которой состояла в отборе наилучших моделей оружия для русской армии.

В 1866 году капитан Чагин предложил комиссии разработанный им самим револьвер, в котором впервые применялись металлические патроны центрального боя. Однако производство его сочли слишком дорогим, а оружие — слишком сложным. Начальство предпочло американскую модель «Смит&Вессон», начавшую поступать в войска, на производство которого позже была приобретена лицензия.

Зато другое оружие, в доработке которого самое деятельное участие принял Н. И. Чагин, вскоре всё же поступило на вооружение. Это была игольчатая винтовка системы английских инженеров Карле и Зонса, в которую Чагин внёс множество изменений, приспособив её к нашим условиям и нашим заводам.

Винтовка Карле, усовершенствованная Н. И. Чагиным, была переходной моделью со многими недостатками и продержалась на вооружении недолго, вскоре ею перевооружили воинские части в Средней Азии и на Кавказе. Однако успешная работа конструктора на этом поприще не остаётся незамеченной. Вскоре его назначают

начальником Оружейного отдела Главного Артиллерийского управления. Вслед за назначением и работой на новых должностях, Император производит его в генерал-майоры. Он уже полноправный член Артиллерийского комитета, награждён орденами Святого Станислава 1 степени и Святой Анны 1 степени.

Не успели на смену дульнозарядным ружьям прийти скорострельные, заряжаемые с казенной части винтовки, как и они тут же устарели. Приходит время магазинных многозарядных винтовок.

В апреле 1883 года действительный член Артиллерийского комитета, виднейший специалист в области стрелкового оружия генерал-майор Н. И. Чагин получил задание министра составить программу испытания магазинных винтовок для перевооружения русской армии. Была создана Особая комиссия для испытания магазинных ружей, в которую вошли виднейшие специалисты по данному вопросу. Председателем комиссии стал генерал Чагин...

Нет таких любителей военной истории, кто не слышал бы о знаменитой «трёхлинейке». Более полувека Российская, а затем и Советская армия, шла с ней от победы к победе. О ней сложено немало песен. Её и сегодня можно встретить в различных военных конфликтах по всему миру, хотя с вооружения армии она была снята после Великой Отечественной войны.

Большинство знает её как «винтовку Мосина», хотя в разработке этого уникального оружия принимали участие многие, в том числе не последнюю роль здесь сыграл и генерал Н. И. Чагин.

Особая Комиссия под его руководством за время своей работы с 1883 по 1887 годы рассмотрела и подвергла испытаниям более 150 различных систем как отечественных, так и зарубежных изобретателей. Для Н. И. Чагина данная Комиссия на несколько лет стала основным местом работы.

Среди многих на суд комиссии была представлена и винтовка, разработанная оружейником Тульского завода, капитаном Сергеем Ивановичем Мосиным.

Председатель комиссии генерал Чагин после многочисленных испытаний всё больше склонялся к его оружию. Однако система Мосина была ещё слишком «сырой» — винтовки часто давали осечки. Вместе с автором Чагин работал над моделью, вносил несколько предложений по совершенствованию системы, и одно из них — уменьшить калибр оружия для лучшей работы механики. Так на свет и появляется знаменитая «трёхлинейка» — под патрон калибра 7.62 миллиметра. Первоначальная модель Мосина имела калибр в 4 линии — 10 миллиметров.

Специально для изучения вопроса, как обстоят дела с перевооружением иностранных армий скорострельными магазинными винтовками, генерал Чагин в 1890 году командирован за границу. После своего возвращения он представил обстоятельный доклад министру о моделях и особенностях иностранных винтовок и патронов. Поездка ещё больше убедила его в достоинствах и перспективах винтовки системы Мосина.

Во многом благодаря стараниям и настойчивости генерала Чагина в 1891 году знаменитая «трёхлинейка» была принята на вооружение. Дальнейшая история этой винтовки показала безошибочность выбора председателя Комиссии Николая Ивановича Чагина.

Следует отметить, что интересы генерала Чагина не ограничивались только лишь вооружением. Это был всесторонне образованный офицер, владевший тремя иностранными языками: немецким, французским и английским. А в середине 1870-х годов его увлекло и такое тогда новое дело, как фотография. С 1878 года он, наряду с Д. И. Менделеевым, является неперменным членом 5 отдела Русского технического общества, занимавшегося фотографией. Благодаря этому его увлечению мы сегодня можем увидеть, как выглядел знаменитый оружейник. На заседаниях общества Николай Иванович также нередко делал и сообщения о новинках в фотоделе, почерпнутые им из публикаций в иностранной прессе.

Генерал от артиллерии Н. И. Чагин — кавалер многих иностранных и всех русских орденов до бриллиантовых знаков Ордена Святого Благоверного князя Александра Невского включительно, пожалованных ему в день 50-летия его службы в офицерских чинах, — вышел в отставку в 1903 году, отдав службе более пятидесяти лет.

После выхода в отставку генерал Чагин большую часть времени проводил в имении своей жены, Олимпиады Ивановны, в селе Минкино (Знаменское) Великолуцкого уезда Псковской губернии, недалеко от узловой станции Новосокольники.

Олимпиада Ивановна вышла замуж за генерала Чагина в 1876 году, после смерти своего первого мужа, капитана 1 ранга Петра Петровича Анжу, знаменитого моряка, именем которого назван мыс в Японском море. Чагины принимали самое активное участие в жизни тех мест, где поселились.

В 1899 году стараниями Олимпиады Ивановны, попечительницы Знаменской церковноприходской школы, для неё было выстроено новое здание. Генерал Чагин пожертвовал деньги на устройство в школе вентилятора, а его супруга подарила школе часы.

Могила генерала Чагина у Свято-Никольского храма
в Новосокольниках (после перезахоронения)

Заброшенное здание Знаменской школы, современное состояние

26 мая 2013 г. Обнаружение склепа генерала

Конец июля 2013 г. Вскрытие склепа

Перезахоронение. 2 августа 2013 г.

Группа членов 5 отдела Русского Технического общества

Заседание Оружейного отдела по поводу выхода генерала Чагина в отставку. Он — во главе стола под портретом Императора

Была у них и квартира в столице, на улице Надеждинской, 10. Именно там генерал от артиллерии Николай Иванович Чагин и умер 11 апреля 1915 года от гриппозного воспаления лёгких на 83-м году жизни.

Его вдова решила похоронить мужа в своём имении у Знаменской церкви, которую также опекала. Тело генерала было перевезено из Санкт-Петербурга в запаянном гробу и погребено в склепе неподалеку от школы. На могиле был установлен памятник с надписью: «Чагин Николай Иванович, генерал от артиллерии, 1831–1915».

Увы, бурный XX век безжалостно прошёлся по этой земле. Знаменская церковь была закрыта, а в 1944-м — разрушена до основания вместе с селом. Вместе с храмом исчезло и кладбище. Территория его в послевоенные годы была застроена. Могила генерала исчезла, как и могилы представителей других знатных родов, похороненных тут: Байковых, Абрютиных, Назимовых... Единственное, что напоминает нам о тех временах — развалины школьного здания, построенного стараниями Олимпиады Ивановны Чагиной, напротив которого и был похоронен генерал. Всю свою историю здание это служило одной цели, в запустение оно стало приходить после закрытия школы в восьмидесятых годах XX века.

Старожилы села Минкино часто рассказывали о могиле некого генерала, сохранявшейся ещё в первые послевоенные годы на старинном погосте. Сведения эти не давали покоя местным любителям истории.

26 мая 2013 года великолуцкие и новосокольнические краеведы с заведующей Новоскольническим музеем Татьяной Дмитриевной Ермоловой и настоятелем Свято-Никольского храма г. Новоскольники протоиереем о. Иоанном в результате поисков обнаружили склеп, находящийся на границе двух частных участков. При установке забора несколько десятилетий назад свод склепа был нарушен, железная труба вбита прямо в гроб генерала. Совместно с Администрацией Новоскольнического района и города Новоскольники было принято решение перенести прах генерала с частных огородов в более достойное место.

2 августа 2013 года состоялось торжественное перезахоронение. Многие помнят тот дождливый день пять лет назад, накануне очередного Дня Города. Прах генерала от артиллерии Николая Ивановича Чагина пронесли по всему городу от храма-часовни Иоанна Предтечи и предали земле с воинскими почестями у стен Свято-Никольского храма. Так в нашем городе появилось ещё одно историческое место — место последнего приюта человека, сыгравшего немалую роль в истории России.

К ИСТОРИИ РОДА ЗАТЕПЛИНСКИХ, ВЛАДЕЛЬЦЕВ СЕЛЬЦА САВКИНО ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА

Представлены результаты исследований, направленных на изучение родословных связей Затеplinских, владельцев соседнего с с. Михайловским имения Савкино, в том числе по итогам встречи с потомками Затеplinских. Исследования выявили упоминание в документах XVIII века о Савкине как мелкопоместной усадьбе, принадлежащей опочецкому казаку Фёдору Корныльевичу Затеplinскому, прямому предку владельцев сельца в пушкинское время. Опубликованы семейные фотоснимки конца XIX — первой пол. XX в. и сведения к биографиям потомков Затеplinских, перешедших в мещанское и купеческое сословия, живших в начале XX века в Островском уезде.

Ключевые слова: Род Затеplinских, сельцо Савкино, Савкина горка, Опочецкий уезд, Островский уезд.

О представителях дворянского рода Затеplinских немало написано за последние годы несколькими исследователями. Упоминает о них и дореволюционный историк Опочецкого края Л. И. Софийский: «В нашем распоряжении имеется перепись «Опочецких конных поместных и беспоместных казаков и стрельцов, а также пушкарей, и воротников, и посадских, и всяких чинов...», составленная в 1675 году воеводой Никитой Ивановичем Хвостовым ... Опочецкие поместные казаки: десятник Корнылий Давыдович Затеplinский, Степан Корныльевич Затеplinский... Савва Михайлович Затеplinский. Поместные недоросли: десятник Федот Корныльевич Затеplinский ... Опочецкие беспоместные казаки: Савва Корныльевич Затеplinский...» [10].

Сельцо Савкино не менее знаменито: оно расположено вблизи Михайловского и А. С. Пушкин в 1831 году мечтал купить это имение, построить «хижину» и «проводить несколько месяцев в году подле старых и добрых друзей» [6].

В концепции развития Пушкинского Заповедника отмечено особое историко-культурное значение Савкиной горки, расположенной на окраине д. Савкино: «Уникальное природно-культурное урочище.

Древнее городище IX–XIII вв. В 1513 г. на городище поставлен сохранившийся до нашего времени камень с надписью «Лета 7021 постави крест Сава поп». На месте утраченного, вероятно, в начале XX века, креста в 1960-е годы по инициативе С. С. Гейченко на «Савкином камне» был поставлен каменный крест, обнаруженный на правом, противоположном от Савкиной горки, берегу реки Сороть, близ усадьбы Дериглазово. В 1970 г. восстановлена Михайловская часовня.

Это место привлекало поэта своей уединённостью, красотой открывающегося с него пейзажа и обаянием древности. Савкина горка была одним из самых любимых мест А. С. Пушкина. Неотъемлемая составляющая пушкинского ландшафта» [5].

Чехович Л. Г. Вид на р. Сороть, Савкину горку
и Михайловское. Фото 2000-х гг.

Как именовали укрепленное поселение славян в конце I-нач. II тыс. н. э., неизвестно. С. С. Гейченко в одной из своих статей писал: «... Название месту дал легендарный поп Савва, поставивший на вершине городища поклонный памятный камень с крестом и надписью... До этих пор городище было без названия, просто городище» [2]. Об этом же можно прочитать в новелле Хранителя Заповедника [3].

Как пишет С. С. Гейченко, «после окончания войны, «в лето 7083 (1585) Иван Грозный приказал направить на Псковщину московских писцов Григория Иванова Мещанинова да Ивана Васильева Древнина «писати Псков и его пригороды», чтобы установить размеры ущерба. ... Писцы отмечали, что на Савкинском городище был монастырь. Несколько лет спустя на его месте жители поставили маленькую деревянную памятную часовню» [3].

Однако вернёмся к Затеplinским.

В. Г. Никифоров, изучив родословные книги Затеplinских, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), опубликовал ценные сведения к биографиям многих служилых людей этой фамилии за XVII–XIX вв., план сельца Савкина 1786 года, принадлежавшего Затеplinским, и высказал предположение, что название сельца может происходить от первого его владельца Саввы Затеplinского.

«Род начинается с Давида Самуйлова, о котором сказано: «Из Себежской стороны, из казаков, служил атаманом, находился при Себеже и Опочке с польскими, литовскими и посацкими людьми на многих боях, был ранен и в осаде от шведского короля и литовских людей многие службы отправлял в 141 и 142 годах и за ту его службу пожалован поместьями и денежным окладом ... Давид Самуйлов имел двух сыновей Корнылия и Михаила. ... В родословной росписи показаны четыре ветви, три ветви Корнылия и одна Михаила. Корнылий имел пять сыновей (Елизара, Федора (Федота ?), Игнатия, Савву и Степана), а Михаил — одного (Савелия)» [6].

«У Саввы был сын Фрол и внук Иван, а у Степана — сын тоже Степан. Дядя Степан с племянником Иваном и владели Савкиным при первом генеральном межевании, а их потомки владели сельцом в пушкинское время, но это только предположение.

В фондах музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» хранится копия важного межевого документа, полученная из РГАДА, — «Геометрический специальный план Опочецкого уезда Воронежской части Михайловской губы пустоши Сафроновой, Савкино тож, что ныне сельцо Савкино, общего владения каптенармусов Ивана Фролова и Степана Степанова «детей Затеplinских»...» [6].

Исследования Н. С. Новикова дополнили изучение истории сельца Савкино и его владельцев: «Самое раннее упоминание о сельце Савкино и его обитателях сохранилось в рукописных документах архива за 1738 год: «Сельца Савкина отставные капралы Фрол Федоров его жена Евдокия Петрова, их дети Яков, Семен; Степан Федоров, его жена Настасья Афанасьева, их дети Стефан, другой Стефан, Елена. ...

старшему брату Фролу — 61 год, младшему Стефану — 59. ... можно предположить, что братья ... эту вотчину получили за многолетнюю ратную службу ещё при Петре Великом.

... История сельца Савкина уникальна: на протяжении трёх веков его владельцы не закладывали, не продавали владение, оно не находилось в опеке, а передавалось только по наследству» [7].

Н. С. Новикову удалось в церковных документах найти и имена трёх владельцев сельца Савкино в период жизни А. С. Пушкина.

«Обитатели этого небольшого имения были приписаны к приходам двух церквей. В 1831 году священник Георгиевской церкви (на городище Воронич) отец Корнылий записал: «В сельце Савкине живет поручик Петр Григорьевич Затеplinский с женой»... Он был потомком Затеplinских в четвертом поколении — правнуком Стефана Фёдорова, внуком Стефана Стефанова, сыном Григория Стефанова. ...

Священник Воскресенской церкви Илларион Евдокимович Раевский в числе своих прихожан указал: «В сельце Савкине жительствоет помещица коллежская асессорша Акилина Герасимовна Лисина»...

В этот же период в документах Воскресенской церкви записана и третья владелица — вдова Евдокия Яковлевна Затеplinская, жена Ивана, брата Петра Григорьевича. С ней проживала дочь Наталья Ивановна, по мужу Белькова, мещанка, и двое ее детей Михаил и Василий» [7].

Как писал С. С. Гейченко, во второй половине XIX века, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, Савкино откупили вольные хлебопашцы, бывшие дворовые Затеplinских [3–4] .

Чем хотелось бы дополнить уже известные обширные сведения об истории с. Савкино и его владельцев Затеplinских ?

В переписной книге за 1678 год в Вороничском уезде заметно увеличение поместных дач казакам, стрельцам за службу... «В Михайловской губе ... за опочецким казаком Федором Затеplinским деревня Савкино... в ней двор усадебный, 2 двора крестьян, в них 15 чел.» [9, 1].

Вероятно, этот Фёдор Затеplinский, с одной стороны — внук Давида Самуйлова и сын Корнылия, а с другой — прапрадед Петра и Ивана Григорьевичей Затеplinских, владельцев Савкина в пушкинское время.

Осенью 2018 года во время проведения экскурсии по музею-усадьбе «Михайловское» совершенно случайно удалось познакомиться с потомком Затеplinских, Татьяной Геннадьевной Вишневской, проживающей в г. Новороссийске. Выйдя за околицу усадьбы, откуда открывается вид на пойму р. Сороть, Савкину горку, эта жен-

щина рассказала, что фамилия её предков — Затеplinские. Чуть позже по электронной почте она прислала некоторые материалы о своей родословной, в том числе несколько фотографий.

Вот строки из её письма: «Могу немного рассказать о бабушке, Вишневской (Затеplinской) Раисе Николаевне 1907 г. р. По рассказам бабушки, её отец, Николай Васильевич занимался разведением «Орловской» породы лошадей. Сколько точно было детей в семье я не знаю. Бабушка была самой младшей. Когда в 1917 г. подожгли их дом, старшие братья (не помню точно, двое или трое) сели на лошадей и перебрались в Польшу, дальнейшая их судьба не известна, бабушка пыталась их разыскать, но не смогла. Она и её сестра Затеplinская Валентина Николаевна 1901 г рождения, остались в России. Она вышла замуж за Вишневого Дмитрия Яковлевича, он занимал должность генерального секретаря партийной организации гор. Дно, их сын, Вишневский Геннадий Дмитриевич — мой отец. Во вложении биография моей бабушки и фото.

Сохранились старые фото купцов первой гильдии Немцовых. Мария Васильевна Немцова (в замужестве), родная сестра отца бабушки Николая Васильевича Затеplinского.

На фото: бабушка Затеplinская Раиса Николаевна, мой папа, Вишневский Геннадий Дмитриевич, Немцовы» [8] .

Вишневская
(урожд. Затеplinская) Раиса
Николаевна. Фото 1930-х гг. (?)

Вишневский Геннадий
Дмитриевич.
Фото кон. 1950-х гг. (?)

Купцы первой гильдии
Немцовы. Слева — Мария
Васильевна Немцова (урожд.
Затеplinская). Фото конца
XIX — нач. XX вв.

Возможно, упоминаемые в письме Т. Г. Вишневской Николай Васильевич и Мария Васильевна Затеplinские — дети Василия Белькова (по материнской линии, Затеplinского) и, соответственно, приходятся правнуками Ивану Григорьевичу Затеplinскому, мелкопоместному дворянину, одному из хозяев с. Савкино в пушкинское время. Сын и дочь Василия Белькова, по какой-то причине, могли взять фамилию матери — Затеplinские.

После продажи имения Савкино «вольным хлебопашцам», потомки Ивана Григорьевича могли оказаться в одном из ближайших уездных городов — Острове и заниматься разведением лошадей и пр., как вспоминала бабушка Татьяны Геннадьевны.

В автобиографии Затеplinской Раисы Николаевны сообщается следующее: «Я, Вишневская Раиса Николаевна, родилась 9 ноября 1907 г. в г. Остров Ленинградской обл. Родители занимались крестьянством. Отец умер в 1915 г. Училась я в г. Острове. Закончила девятилетку в 1926 г. В 1927 году поступила в Псковский педагогический техникум, который закончила в 1929 г. После окончания техникума была назначена на работу, в Княжицкую школу Новосельского района Псковской обл. учительницей нач. кл. В 1930 г работала в Подвязской школе этого же района. В 1931 г получила назначение в г. Дно в железнодорожную сред. шк. № 35 и работала по 1932 г.

В 1932 г по семейным обстоятельствам переехала в Ленинград, где работала в средней школе № 233 Октябрьского района с 1932 по 1938 г. С 1938 по 1940 г работала в средней школе № 2 Петродворцовского р-на г. Ленинграда.

В 1942 г. во время войны при выезде из Ленинграда все документы и диплом при бомбежке были уничтожены вместе со всеми вещами. Справки с места работы восстановила после возвращения из эвакуации.

Эвакуирована была в Алтайский край, где работала учительницей в Куягинской школе Алтайского р-на.

Из Алтайского края возвратилась к своей семье, которая находилась в Эстонии. Здесь работала в детском доме Соодъярве Тартуского р-на в качестве воспитательницы с 1951 по 1955 г. В Севастополь приехала вместе с сыном, который получил назначение в этот город после окончания военного училища. Здесь работаю. 15.02.1957 г. Подпись».

В результате проведённой исследовательской работы в РГАДА удалось обнаружить упоминание о принадлежности деревни Савкино в 1678 году опочечному казаку Фёдору Затеplinскому, а формулировка «... в ней двор усадебный...» позволяет предположить, что это фактически был уже обжитой центр имения.

Учитывая данные родословных книг, церковных и иных документов о Затеplinских, ранее опубликованные другими исследователями, и сведения, полученные в РГАДА, можно считать Фёдора Корныльевича Затеplinского первым владельцем имения Савкино, а владельцев сельца в пушкинское время его прямыми потомками по мужской линии. После встречи с Т. Г. Вишневецкой и полученных от неё сведений о её предках, можно предположить, что во 2-й половине XIX века после продажи Савкина некоторые из потомков Затеplinских, по линии Ивана Григорьевича, перейдя в мещанское и купеческое сословие, оказались в Островском уезде. Дальнейшие события истории рассеяли представителей рода Затеplinских по разным городам нашей страны, а кто-то вынужден был покинуть Россию. Тем радостнее сознавать, что нашлись потомки этой славной фамилии, не равнодушные к своей родословной и малой родине. Благодаря им впервые удалось увидеть семейные фотоснимки Затеplinских и узнать некоторые факты их биографий.

P. S.

Продолжая исследования этой темы, можно попытаться найти более подробные сведения об островских купцах 1-й гильдии Немцовых, их деятельности, месте захоронения. А также не порывать связи с потомками, проживающими в г. Новороссийске.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Васильев А. М.* Вороничский уезд по писцовым и переписным книгам XVII в. // Михайловская пушкиниана. Пушкинские Горы М., 2005. Вып. 36. С. 133.
2. *Гейченко С. С.* Из глубины веков // Пушкинский край. 1970. 8 октября.
3. *Гейченко С. С.* На Савкиной горке // У Лукоморья. Л., 1981. С. 291–293.
4. *Гейченко С. С.* Из рассказов местных старожилов // Пушкинский край. 1988. 20 августа.
5. Концепция развития Пушкинского Заповедника на период до 2024 года. С. Михайловское, 2015. С. 47.
6. *Никифоров В. Г.* Земли родной минувшая судьба. История усадеб «Пушкинского уголка» и судьбы их обитателей // Михайловская пушкиниана. М., 2001. Вып. 17. С. 11, 13–14, 270–271.
7. *Новиков Н. С.* Легенды и были Пушкиногорья. По архивным изысканиям // Михайловская пушкиниана. Михайловское, 2007. Вып. 44. С. 54, 56, 58.
8. Письмо Вишневецкой Т. Г. Васильеву А. М. от 30.09.2018 (эл. почта).
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 8502. Л. 973–973 об.
10. *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 1912. С. 79–81.

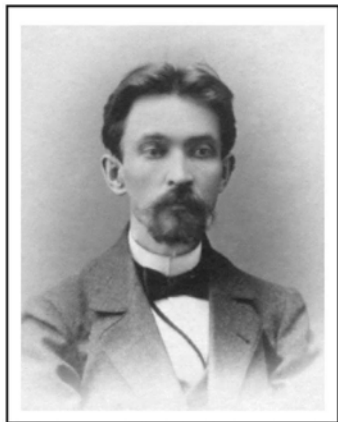
ВЫПУСКНИК ПСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ЯКОВ ГОРОЖАНСКИЙ — ФИЛОЛОГ, ПЕДАГОГ, КРАЕВЕД

В статье рассказывается об уроженце Псковской земли, прославившемся на Орловщине своими незаурядными способностями во многих областях науки, краеведении.

Ключевые слова: Псковская Духовная семинария, Орловское Духовное училище. Наука, общественная деятельность. История края.

Яков Иванович Горожанский родился в 1858 году в семье священника Псковской губернии. Окончил Псковскую Духовную семинарию, в 1882 году — Киевскую Духовную академию, получив степень кандидата богословия за научный труд «Хождение архимандрита Грефенья во Святую Землю», первоначально напечатанный в варшавском журнале «Русский Филологический вестник» [2]. Был назначен на должность преподавателя русского языка во 2-е Духовное училище в Орле. Преподавал там же и церковно-славянский язык.

Приехав в Орёл, Горожанский, наряду с преподавательской работой, занимался научной и библиографической деятельностью, много внимания уделял изучению истории Орловского края. Он был членом Орловской учёной архивной комиссии, Орловского церковного историко-археологического общества, действительным членом губернского Статистического комитета. Не случайно в одной из статей, посвящённых памяти этого незаурядного человека, отмечалось: «Бремя учительства и множество трудов и обязанностей, связанных с ним, не заглушили в тебе других высших интересов и стремлений. По совести исполняя свои прямые обязанности, ты находил силы и досуг следить за учёными работами и сам исполнял их; всякое выдающееся событие текущей истории и жизни привлекало твоё внимание, и на многие из них ты отзывался печатными трудами; ни одного нового явления, открытия и изобретения в области науки и искусства ты не оставлял без уяснения его себе и обсуждения. Потому сведения и суждения твои отличались свежестью, основательностью и разносторонностью, а общение с тобой доставляло удовольствие» [1, с. 1238].

Яков Иванович
Горожанский

Уже в 1883 году приложением к журналу «Русская мысль» вышел труд Горожанского «Библиографический указатель литературы о Н. В. Гоголе. 1829–1882» — одно из первых итоговых библиографических пособий, созданных к 30-летию со дня смерти писателя. В нём было зарегистрировано около 500 публикаций, в которых отражены издания произведений Гоголя, литература о его жизни и творчестве, портреты и рисунки к его сочинениям, автографы писателя, музыкальные сочинения на гоголевские темы, переводы сочинений Гоголя на иностранные языки, материалы на смерть писателя. Спустя несколько лет, в 1892 году в

журнале «Библиографические записки» вышло составленное Горожанским продолжение указателя — «Гоголь в русской литературе».

Скромный преподаватель Духовного училища выступил в качестве автора и составителя целого ряда книг: «Святые Кирилл и Мефодий, просветители славян» (М.: Народная библиотека, 1885. 32 с., два издания), «Памятники древней письменности в русском переводе: Пособие при изучении истории русской словесности» (М., 1886. 137 с.), «Личность и деятельность Симеона Полоцкого (По поводу сочинения о нём И. Татарского)» (Киев, 1887. 83 с.). Горожанский составил «Памятную книжку Орловской губернии на 1888 год», где опубликовал несколько основательных справочных и историко-краеведческих исследований, — например, «Когда и как крестили русский народ» (к 900-летию событий в Киеве), «Хронологию достопамятных событий орловской истории» (сведения об основании городов, учреждении училищ, построении соборов и мостов), «Исторический очерк Орловской губернии» (автор опирался на труды Соловьёва, Иловайского, Костомарова, различные печатные источники), «Список книг, напечатанных в Орле в первые тридцать лет нынешнего столетия», где впервые в истории поместил список 57 книг, изданных в Орле в тот период. Этой публикацией было положено начало изучению книгоиздательской деятельности в Орловском крае.

В этом же сборнике Горожанский положил первый, краеугольный, камень и в создание будущей энциклопедии Орловского края —

это была публикация под заголовком «По поводу словаря орловских уроженцев». Автор начал её так: «Карамзин говорил, что русские люди излишне смиренны в мыслях о народном своём достоинстве. Про нас, орловцев, можно сказать, что мы совсем не знаем своих великих людей, а потому и не можем гордиться ими; между тем и Орловский край дал России несколько замечательных личностей, оставивших след в истории... Нам хотелось бы привести в известность имена всех уроженцев Орловской губернии, прославившихся в той или иной сфере деятельности, к сожалению, это оказалось невозможным в нынешнем году. В будущем мы надеемся не только составить полный список их, но и издать их биографии. Пока приводим только некоторые известные имена» [6, с. 165]. Далее Горожанский назвал полтора десятка самых известных земляков: Тургенев, Фет, Лесков, Ермолов, Грановский, Павел Якушкин и другие. На эту публикацию откликнулся Н. С. Лесков [5]. Он предложил включить в перечень ещё множество выдающихся людей.

В 1894 году в Киеве была издана магистерская диссертация Горожанского «Дамаскин (Семёнов-Руднев), епископ Нижегородский (1737–1795): его жизнь и труды», посвящённая подвижнику книжного дела, автору самого выдающегося книговедческого труда XVIII столетия «Библиотека Российская, или Сведение о всех книгах в России с начала типографий на свет вышедших». В «Православной Богословской энциклопедии» этот труд был отмечен так: «Поставив себе задачей изобразить жизнь и учёно-литературную деятельность одного из просвещённых русских иерархов восемнадцатого столетия, Горожанский употребил все усилия к полному и всестороннему выполнению этой задачи. В его сочинении «поражает обилие доселе неизвестного и неизданного материала для биографии Дамаскина». Помимо работ в архивах Московской синодальной конторы и Московской Духовной академии, в Санкт-Петербургском синодальном, Орловской и Нижегородской духовных консисторий и Нижегородской семинарии, в библиотеках Московской Духовной академии и Нижегородской Духовной семинарии и пр., автор, чтобы добыть полные сведения, лично посещал те места, где жил и действовал Дамаскин, ездил в Гёттинген, имел переписку с разными лицами, кои могли сообщить ему какие-либо данные для уяснения его задачи. Нечего и говорить, что печатные источники и пособия для биографии Дамаскина не только все были собраны, но и тщательно проверены. Своей характеристике преосвященного деятеля автор, кроме того, старается дать возможно широкое историческое освещение. Сочинение снабжено историческими и библиографическими справками, в

которых автор выясняет связь жизни и деятельности преосвященного Дамаскина не только с эпохой Екатерины II, но и с предшествовавшими ей состояниями русской науки и литературы. «Через это сочинение его получает больший интерес, давая немало данных к уяснению не только жизни и деятельности одного лица, но и того века, в котором пришлось действовать этому лицу». Написано сочинение языком точным, иногда «в ущерб даже плавности и красоте речи» (из отзывов профессоров Н. Петрова и В. Певницкого)» [7].

В сентябре того же года за представленную к защите диссертацию Советом Киевской Духовной академии Горожанский был удостоен степени магистра богословия, а в следующем году утверждён в этой степени Святейшим Синодом.

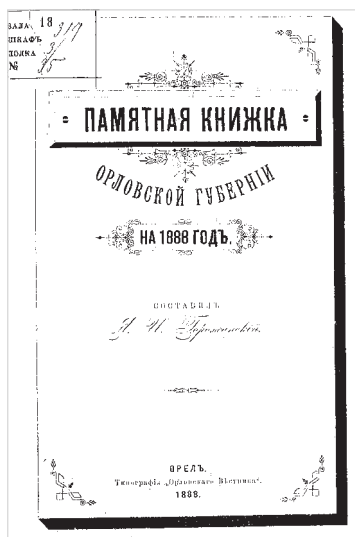
В эти и последующие годы выходит в свет ряд его учебных книг: «Этимология русского языка для духовных училищ с подробным орфографическим указателем» (Орёл, 1894. 114 с.), «Синтаксис русского языка для духовных училищ» (Орёл, 1894. 108 с.), «Пчёлка: сборник изречений» (посвящается ученицам Орловского Александринского института благородных девиц выпуска 1902 года) (Орёл, 1902. 15 с.), «Краткий очерк Отечественной войны 1812 года» (СПб: Училищный совет при Святейшем Синоде, 1912. 36 с. (автор не указан), «Отражение Отечественной войны 1812 года в поэзии, художественной и народной, и в литературе вообще. Юбилейный сборник 1812–1912» (СПб: Училищный совет при Святейшем Синоде, 1912. 312 с.).

Были ценные краеведческие публикации, например: «Крестьянская свадьба в Орловской губернии с её обычаями и песнями» (Орловские губернские ведомости. 1900. № 63, 64), «Материалы для биографии Н. С. Лескова» (Орловские губернские ведомости. 1900. № 95, 96). Так, в заметках о писателе-земляке Горожанский привёл сведения из обнаруженного им в орловском архиве аттестата Семёна Дмитриевича Лескова, датированного февралём 1839 года и воспроизводящего формулярный список о службе Лескова-старшего за 1838 год, где указывалось, что отец писателя поступил дворянским заседателем «по выбору дворянства» в Орловскую палату уголовного суда 15 февраля 1833 года и «во время последнего служения по назначению начальства произвёл несколько следствий», а также «два раза по губернскому правлению исправлял должность советника от двух до четырёх месяцев».

Продолжал Горожанский и исследования на церковно-исторические темы — его доклад «Митрополит Селевкийский Герасим (Яред) в связи с личными воспоминаниями о нём» был прочитан на годовом заседании Орловского отделения Императорского православного Палестинского общества и напечатан в отчёте о деятельности этого общества за 1900 год.

Диссертация Горожанского

Памятная книжка Орловской губернии на 1888 год

Книга Горожанского

Титульный лист книги Горожанского

К началу XX века Горожанский был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени, имел чин статского советника [3, с. 1832]. Спустя семь лет в перечне его наград значились ещё две: Св. Анны и Св. Станислава 2-й степени [4, с. 446]. Одновременно с преподаванием в духовном училище давал уроки русского языка и педагогики в старших классах Орловского Александринского института благородных девиц (1888–1906). С 1886 и до последних дней жизни был штатным преподавателем русского языка в Орловской Николаевской женской гимназии.

Умер Яков Иванович Горожанский 30 сентября 1913 года после непродолжительной болезни. Его памяти была посвящена большая публикация в журнале «Орловские епархиальные ведомости» [1, с. 1235–1240]. В ней отмечалось: «Горожанский пользовался неизменными симпатиями, искренним и глубоким уважением своих сослуживцев, ценивших в нём хорошего человека, просвещённого преподавателя и тонкого знатока своего предмета. Все интересующиеся теми или иными вопросами в области филологии, обращались к нему за всякого рода справками и всегда получали обстоятельное разъяснение. Всегда скромный, ровный, мягкий, уважающий человеческое достоинство, никогда не обидевший и не осудивший, покойный являл собою редкий пример истинно-гуманного отношения к людям» [1, с. 1237].

На литургии и отпевании в Смоленской церкви, кроме преподавателей и учеников Духовного училища, присутствовали воспитанники Орловской Духовной семинарии (бывшие ученики покойного), все старшие классы (начиная с 4-го) Николаевской женской гимназии во главе с начальницей и педагогами. Весь храм был полон молящимися.

Из Смоленской церкви погребальная процессия в мрачный осенний день медленно двинулась по направлению к Крестительскому кладбищу. Гроб несли на руках бывшие ученики, среди общей тишины раздавались звуки песни «Святый Боже», попеременно исполняемой училищным хором и воспитанниками семинарии.

В час последнего прощания звучали искренние надгробные речи:

«Видал ли кто тебя в гневном раздражении? Нет. Слышал ли кто от тебя обидное, оскорбительное слово или замечание? Нет. Бывал ли ты когда-либо источником дурных отзывов, неосновательных слухов? Нет и нет. Ты стоял выше всего этого, и твоими качествами были мягкость в обращении, уступчивость, снисходительность и доброжелательность».

«Высокообразованный, гуманный человек, ценящий в людях прежде всего человеческое в высшем значении этого слова, относя-

щийся по-человечески к своим ученикам. Да, ты влиял на нас более своей личностью, чем даже сообщаемые тобой познания! Помним, каким восторгом пылали твои глаза, твоё лицо, когда ты читал нам какое-нибудь образцовое произведение русской литературы! Сколь велика, вспоминаем мы, была твоя любовь к великому, могучему русскому языку! Добрый сослуживец и неутомимый труженик!..» [1, с. 1238, 1239].

В советское время могила Горожанского на Крестительском кладбище была утрачена. Но сохранились его печатные труды, современные орловские краеведы считают педагога-энтузиаста одним из родоначальников краеведческого движения. Исключительно высоко отзывались о Горожанском (и посвятили ему свои публикации) такие именитые исследователи истории региона, как В. А. Власов, В. Г. Сидоров и В. М. Катанов. Биографические статьи о талантливом псковском уроженце включены в справочники «Орловские краеведы» (Орёл, 1993; 2-е изд., 2005), «Деятели книжной культуры Орловского края» (Орёл, 2000, 2-е изд., 2003).

ЛИТЕРАТУРА:

1. А. Б. Я. И. Горожанский (Некролог) // Орловские епархиальные ведомости. 1913. № 43. С. 1235–1240 (отд. неоф.).
2. *Горожанский Я. И.* Хождение архимандрита Грефенья во Святую Землю. Исследование памятника с примечаниями к тексту. Варшава, 1885. 108 с.
3. Краткие сведения о личном составе служащих во 2-м Орловском духовном училище за 1900–1901 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1900. № 46. С. 1831–1834 (отд. офиц.).
4. Краткие сведения о личном составе служащих во 2-м Орловском духовном училище за 1907–1908 учебный год // Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 33. С. 445–448 (отд. офиц.).
5. *Лесков Н.* Достопамятные орловцы // Петербургская газета. 1888. № 175.
6. Памятная книжка Орловской губернии на 1888 год / Сост. Я. И. Горожанский. Орёл: Тип. газеты «Орловский вестник» Н. А. Семёновой, 1888.
7. Православная богословская энциклопедия. [Электронный ресурс]: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/pravoslavnaja-bogoslovskaja-entsiklopedija-ili-bogoslovskij-entsiklopedicheskij-slovar-tom-4-gaaga-donatisty/267>

БАРОН МОДЕСТ ФРЕДЕРИКС

Рассмотрена биография представителя баронского рода Фредериксов, участника русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн, который в период 1907–1908 и 1910–1914 гг. являлся земским начальником на территории современного Стругокрасненского района. В августе 1918 г. Модест Фредерикс возглавил крестьянское восстание.

Ключевые слова: *Фредерикс, русско-японская война, Первая мировая война, земство, Лужский уезд, крестьянское восстание, биография.*

В августе 1773 г. банкир императорского двора Иван Фридрикс «за прилагаемые старания к улучшению распространения коммерции и многие оказанные им заслуги» пожалован в достоинство баронов Российской империи. Род баронов Фредерикс (Фридрикс), происходящий из Голландии, дал России большое количество успешных военных (в том числе восемь генералов), выдающихся дипломатов и учёных. Самым известным представителем данного рода является Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927) — граф (с 1913 г.), генерал от кавалерии, министр императорского двора (1897–1917), член Государственного Совета. Но в данной статье будет рассказано о другом Фредериксе.

Модест Платонович Фредерикс родился 8 декабря 1876 г. в большой семье Платона Александровича Фредерикса (1828–1888) — генерал-адъютанта, генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа.

Модест Платонович окончил Полтавский Петровский кадетский корпус в 1896 г. и Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге в 1898 г. В период учёбы получил воинские звания унтер-офицера и портупей-юнкера.

После окончания обучения Высочайшим приказом от 8 августа 1898 г. произведён в подпоручики и направлен на службу в 34-ю Артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся в Херсонской губернии. Служил в составе бригады в должностях младшего офицера, учителя

бригадной учебной команды, делопроизводителя бригадного судьи, избирался хозяином офицерского собрания. В 1901 г. произведён в поручики. С 23 сентября 1902 г. по 10 января 1903 г. был прикомандирован к управлению бригады.

С началом русско-японской войны поручик Фредерикс отправляется на фронт. 15 февраля 1904 г. назначен на должность делопроизводителя канцелярии полевого штаба Маньчжурской армии с зачислением по армейской пехоте. Пересёк границу империи у ст. Маньчжурия 25 марта и прибыл в г. Ляоян, где располагался штаб армии, 31 марта 1904 г.

С 13 по 20 августа 1904 г. барон Фредерикс находился в районе боевых действий под Ляояном, а с 20 по 22 августа во время боёв и отступления к Мукдену находился при начальнике канцелярии полевого штаба Маньчжурской армии, сопровождая командующего армией. Во время боёв на реке Шахэ со 2 по 4 октября находился в составе летучего отделения канцелярии в районе боевых действий. Во время рекогносцировки неприятельских позиций находился под огнём японской армии.

Приказом главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии, генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина № 88 от 7 ноября 1904 г. поручик Фредерикс за отличия в бою под Ляояном награждён орденом Св. Анны IV ст. с надписью: «За храбрость».

С 24 ноября 1904 г. Модест Фредерикс исполняет обязанности делопроизводителя канцелярии штаба главнокомандующего, с 30 ноября 1904 по 23 марта 1905 г. временно исполнял обязанности бухгалтера канцелярии.

За отличную усердную службу приказом главнокомандующего № 292 от 3 марта 1905 г. награждён орденом Св. Станислава III ст. За выслугу лет приказом № 1739 от 20 августа 1905 г. произведён в штабс-капитаны. В период войны ранен и контужен не был.

По окончании русско-японской войны Высочайшим приказом от 28 апреля 1906 г. барон Модест Фредерикс переведён в 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся в Нижнем Новгороде. С 24 мая 1906 г. он служил в составе бригады, но уже 14 сентября был уволен в запас частей артиллерии по Мозырскому уезду Минской губернии.

Высочайшим приказом № 72 от 30 сентября 1906 г. барон Фредерикс утверждён земским начальником 5-го участка Городнянского уезда Черниговской губернии.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 76 от 16 ноября 1907 г. перемещён, согласно прошению, земским начальником 3-го участка Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии.

28 апреля 1908 г. барон Фредерикс за участие в деятельности Общества Красного Креста во время русско-японской войны 1904–1905 гг. пожалован медалью Красного Креста «В память русско-японской войны».

4 июля 1908 г. Высочайшим приказом № 37 по гражданскому ведомству, согласно прошению, переведён земским начальником 4-го участка Царскосельского уезда. Но 13 августа 1910 г. Модест Платонович возвращается обратно на должность земского начальника 3-го участка Лужского уезда. В состав данного участка входила территория Яблонецкой, Хмеро-Посолодинской и Соседненской волостей.

Должность земского участкового начальника сочетала на территории участка административную власть над крестьянами и их обществами, а также ограниченную судебную власть по отношению ко всему населению.

Территория 3-го земского участка Лужского уезда

Административные полномочия земского начальника распространялись на жителей сельских обществ и волостей, расположенных на территории участка, а на всех остальных лиц только в части их конфликтов по землепользованию с сельскими обществами. К административным делам относились жалобы на неправильные приговоры сельских сходов, жалобы на действия должностных лиц крестьянского управления, на невыдачу паспортов, ходатайства об отсрочке окладных сборов по частным срокам. Под наблюдением земского начальника находился волостной суд. Юрисдикция волостного суда была очень ограниченной и распространялась на мелкие имущественные споры, а также проступки с максимальным наказанием в 15 суток ареста, и только на крестьян данной волости.

Камера (кабинет) земского участкового начальника барона М. П. Фредерикса находилась на станции Струги-Белая, она представляла собой служебное помещение, где велось административное и судебное делопроизводство.

Высочайшим приказом от 6 декабря 1911 г. Модест Фредерикс награждён орденом Св. Анны III ст.

С 1913 по 1915 г. барон Фредерикс являлся членом правления Товарищества Бельских сельских хозяев, так как владел участком земли и домом в деревне Зачеренье.

Вплоть до начала Первой мировой войны Модест Платонович исполнял должность земского начальника. С началом войны он был призван из запаса лёгкой артиллерии и проходил службу в 67-й артиллерийской бригаде. Бригада, в составе 67-й пехотной дивизии, участвовала в боевых действиях на Северо-Западном фронте.

Штабс-капитан барон Фредерикс награждён орденом Св. Станислава II ст. с мечами Высочайшим — приказом от 3 марта 1916 г., и орденом Св. Анны II ст. с мечами — приказом от 2 ноября 1916 г.

К началу 1917 г. Фредерикс был прикомандирован к запасному броневому автомобильному дивизиону, дислоцировавшемуся в Петрограде. Высочайшим приказом от 13 января 1917 г. штабс-капитан Фредерикс награждён орденом Св. Владимира IV ст.

В период Октябрьской революции в ночь с 28 на 29 октября 1917 г. между солдатами и офицерами запасного броневого автомобильного дивизиона произошёл конфликт. Офицеры на территории Михайловского манежа убили караул и увели несколько броневиков, но после столкновения с солдатами броневые автомобили были ими отбиты назад. Офицеры ещё некоторое время сопротивлялись, но, вероятнее всего, безуспешно. Не могу сказать однозначно, участвовал ли барон Фредерикс в данном инциденте, но Советскую власть он не принял.

Продовольственная политика Советской власти в 1918 г., недо-
вольство населения злоупотреблениями местного начальства, нали-
чие у населения большого количества оружия привели к вспышкам
крестьянских волнений и восстаний.

Утром 3 августа 1918 г. на ст. Новоселье прибыл отряд красно-
армейцев под командованием В. Т. Стуканцева — данный отряд был
послан в Горскую волость согласно телеграмме комиссара волости
Я. И. Ростовского. По прибытии отряда, была выслана разведка в сто-
рону д. Цапелка. Разведка показала, что отряду готовят серьёзный
отпор. Отряд по приказу Стуканцева повернул обратно через Заклин-
скую волость в сторону ст. Владимирский Лагерь. Остановившись на
хуторе возле д. Мурово, отряд, вероятно, вошёл в конфликт с мест-
ным населением, так как был окружён местным вооружённым насе-
лением в погосте Заклинье. После короткой перестрелки отряд крас-
ноармейцев был разоружён и арестован. Местные крестьяне узнали в
составе отряда четырёх местных жителей, пользовавшихся недоброй
славой; кроме того, в выданных отряду документах отсутствовала
печать. Красноармейский отряд под командованием В. Т. Стуканце-
ва местные крестьяне сочли бандой и после разоружения заперли во
дворе Леонтия Тимофеева в д. Рухлецова Гора. В 21:00 с целью раз-
бора инцидента прибыли члены контрольной комиссии Тиммерман
и Зингис. 4 августа красноармейцев отпустили, был устроен суд над
знакомыми местным жителям четырьмя красноармейцами, но в ре-
зультате и они были отпущены.

Всё же обстановка в районе Новоселья была беспокойной. Но-
чью с 4 на 5 августа на ст. Новоселье были выдвинуты эшелоны 3-й
Петроградской дивизии, произошла небольшая перестрелка.

На территории современного Стругокрасненского района в на-
чале августа 1918 г. обстановка накалялась, ходили самые разные
слухи, распространяемые местными жителями и приезжими.

Бывший земский начальник барон М. П. Фредерикс летом 1918 г.
проживал в бывшем своём имении в д. Зачеренье и занимался сель-
ским хозяйством. 4 и 5 августа к нему приходило несколько крестьян
из деревень Ждани и Голубско, которые сообщили ему, что в районе
д. Квашенкина Горка банда красноармейцев косит хлеб и зелёный овёс.

В ночь с 7 на 8 августа крестьяне деревень Загромотье, Вяз-
ки и Зачеренье под руководством М. П. Фредерикса начали движе-
ние большой группой по маршруту Ждани — Зарябинка — Нишева
— Кочегоще — Кириково — Костелёво — Андроновое — Шилино
— Хорынь — Рычково — Деева Горка — Заполье — Бобовище —

Добриво, поднимая местных жителей к вооружённым действиям на помощь крестьянам д. Горушка и Квашенкина Горка, где, по слухам, банды красноармейцев косили хлеб и зелёный овёс. Крестьяне шли на защиту полей и скота от произвола красноармейцев.

М. П. Фредерикс разбил крестьян на взводы, были назначены старшие во взводах. Общее количество участников выступления оценивалось в пределах 3000 человек, около половины были вооружены винтовками и охотничьими ружьями. Сам Фредерикс был вооружён револьвером. Каких-либо столкновений на всём протяжении маршрута восставших ни с кем не было.

Группой восставших были выдвинуты некоторые политические требования, заключавшиеся лишь в изменении состава местного Исполнительного комитета, исключения из состава членов М. Михайлова и Кондратьева, обоснованное тем, что Михайлов — «лживый и недостойный человек». Фредерикс также критиковал действия Советской власти и высказывался, что «нынешняя свобода не лучше, чем при старом режиме».

Запал восставших таял с каждым часом, ни один слух о злодеяниях и грабежах красноармейцев не подтвердился. В д. Деева Горка местные крестьяне жаловались лишь на то, что красноармейцы разоружали местных жителей, изымали хранившееся оружие. Слухи о том, что красноармейцы косили хлеб и зелёный овёс, не подтвердились. В результате к исходу дня все восставшие группами по 100–150 человек разошлись по домам. Модест Фредерикс, как руководитель протеста, приобрёл в лице массы крестьян репутацию смутьяна и подстрекателя.

В результате данного крестьянского выступления 8 августа военком Струго-Бельского района, член чрезвычайного штаба г. Луга В. Рожновский издал приказ по Яблонецкой волости о сдаче всего имеющегося у населения холодного и огнестрельного оружия под страхом уничтожения населённого пункта.

Вечером 8 августа начальник гарнизона, командир 3-й бригады 3-й Петроградской стрелковой дивизии А. Травинский отправил летучий отряд под командованием М. Войташа для осуществления ареста барона Фредерикса. В 01:00 9 августа М. Войташ с семью всадниками и Яблонецким военным комиссаром П. В. Улановым прибыли в д. Заозерье, где и произвели арест. Сопrotивления во время ареста барон Фредерикс не оказывал.

После ареста М. П. Фредерикс был доставлен на ст. Новоселье, где был допрошен следователем. Там же 10 августа была допрошена его супруга Елизавета Карловна, проживавшая в посёлке Струги-Бе-

лая. 12 августа М. П. Фредерикс был отправлен в Лугу. Лужский военком направил его в Петроградскую ЧК. На допросах Фредериксу в вину вменяли то, что он вёл крестьян в сторону ст. Струги-Белая с целью сменить власть на станции.

Коллегия Петроградской ЧК на заседании 19 августа 1918 г. с участием М. Урицкого и Чумака, рассмотрев следственное дело М. П. Фредерикса, единогласно приняла решение о применении высшей меры наказания.

Вероятно, М. П. Фредерикс был расстрелян 21 августа 1918 г. вместе с участниками контрреволюционного мятежа в Михайловском Артиллерийском училище.

Модест Платонович Фредерикс заключением Прокуратуры Ленинградской области от 25 октября 2001 г. полностью реабилитирован.

ИСТОЧНИКИ:

1. Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Следственное дело № 29751.
2. РГИА Ф. 1349. Оп. 2. Д. 897. Л. 149–156.
3. Письмо Службы регистрации и архивных фондов УФСБ по СПб и ЛО № Ф-5718 от 11.01.2019 г.
4. *Архипов Д. С.* Годы молодости тревожной // Наш край. Вып. 14. 2017.
5. *Ефимов А. Н.* Из истории Стругокрасненского районного суда // Струги. 2014, декабрь.
6. *Ефимов А. Н., Фёдоров А. И.* Струги Красные: прошлое и настоящее: Историко-краеведческий очерк. [б. м.]: Издательские решения, 2018. С. 61.
7. Отчёты Товарищества Бельских сельских хозяев с 1.08.1913 по 31.07.1914. С. 1, 10. с 1.08.1914 по 31.07.1915. С. 1, 10.
8. Памяти героев Великой войны. [Электронный ресурс]: URL: <https://gwar.mil.ru>
9. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1898 г. СПб., 1898. С. 176.
10. *Помпеев Ю.* Октябрь семнадцатого: Роман-хроника. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 252.
11. *Ромашкевич А. Д.* Список кадетам Петровского Полтавского кадетского корпуса, окончившим с 1891 по 1908 г.: Приложение к Материалам по истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1-го октября 1907 г. по 1-е октября 1908 г. Год пятый. Полтава, 1908. С. 17.

**ПОЛКОВОЙ СВЯЩЕННИК, ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ, ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР
МИТРОФАН БЛАЖЕВИЧ**

В статье представлены результаты исследования жизни и деятельности депутата Государственной Думы III созыва, Георгиевского кавалера, полкового священника Митрофана Викторовича Блажевича. Впервые вводятся в оборот неизвестные документы РГИА, Полоцких епархиальных ведомостей, планы и описание Успенской Киселевской церкви Себежского уезда Полоцкой епархии.

Ключевые слова: Витебская губерния, Полоцкая епархия, Кисели, Успенская церковь, Митрофан Блажевич, Григорий Яновский, Георгиевские кавалеры, священники.

Для людей, хорошо знающих моё восприятие религиозных догм, может показаться странным, что я рассказываю о церковном служителе. Но человек, о котором пойдёт речь, не должен быть забыт в анналах истории, — слишком много доброго и светлого он сделал для сельских жителей края.

Впервые о Митрофане Викторовиче Блажевиче я узнала из опубликованного в Интернете маленького отрывка из книги религиозного деятеля, историка Церкви, протоиерея Владимира Степановича Рожкова «Церковные вопросы в Государственной Думе». Он писал: «Начав служить в одном из заброшенных сел губернии, через несколько лет отец Митрофан сделал село одним из самых культурных и духовно-нравственных уголков губернии. Построенное им здание церковно-приходской школы стало центром, около которого группировалась культурная и общественная работа прихода, село поднялось и в экономическом отношении, стали быстро богатеть и духовно крепнуть Киселевские крестьяне. Авторитет отца Митрофана среди населения стоял очень высоко, к нему приезжали, чтобы получить совет и указания по разным вопросам сельской жизни» [17, с. 423].

Больше никаких сведений на тот момент Интернет не сообщал, но пробудил интерес к этой личности — и началось исследование.

Проект церкви в с. Кисели

Митрофан Викторович Блажевич сегодня, к сожалению, — забытое имя в нашем крае. Полковой священник Гусарского полка, Георгиевский кавалер, депутат III Государственной Думы родился 23 ноября 1869 года. В 1885 г. окончил Витебское Духовное училище, в 1891 г. — Витебскую Духовную семинарию со степенью студента, по окончании которой, 15 июня 1891 г. был назначен, и два года служил, псаломщиком в Чернецовской Михаило-Архангельской церкви Невельского уезда. 14 июня 1893 года был рукоположен в священника к Киселевской Успенской церкви Себежского уезда Витебской губернии (в настоящее время Кисели — урочище Пустошкинского района Псковской области) [1, лл. 2–3].

Одним из самых важных дел Митрофан Блажевич считал постройку в с. Кисели нового каменного храма. В РГИА сохранилась его «Докладная записка ... Государственному Директору Хозяйственного Правления при Святейшем Синоде», в которой он обосновывает необходимость строительства новой церкви в связи с ветхостью старой: «Два года тому назад мною было возбуждено чрез Полоцкую Духовную Консисторию дело о постройке в селе Киселях нового каменного храма. Обстоятельствам, вызвавшим настоящее ходатайство, были, с одной стороны, ветхость вверенного мне храма, а с

другой — его мало вместительность, не удовлетворяемая нуждам и одной половины богомольцев.

Но с настоящего 1901 года прибавилось новое обстоятельство, вынуждающее усиленно желать и просить о благоприятном разрешении вопроса о постройке нового храма, — разумно — открытие при вверенной мне церкви второклассной мужской церковно-приходской школы и одноклассной женской...» [2, л. 9].

Ходатайство было удовлетворено, и в 1901 г. был разработан план постройки новой, каменной, церкви епархиальным архитектором Владимиром Фёдоровичем Коршиковым. Подлинный проект по журналу Техническо-Строительного комитета Хозяйственного управления при Святейшем Синоде от 23/30 января 1901 г. за № 20 был одобрен к исполнению [3, л. 1, 1 об.].

Два года велось строительство и 27 июля 1905 года состоялось освящение вновь устроенного каменного приходского храма Киселевской церкви в честь Успения Божией Матери.

В «Полоцких епархиальных ведомостях» была опубликована статья Благочинного священника Григория Яновского. Он пишет о том, что храм построен на местные средства — 5000 руб., собранные прихожанами, и на сумму 15800 руб., отпущенную Хозяйственным Управлением при Святейшем Синоде. Постройка храма производилась хозяйственным способом строительной комиссией под председательством приходского священника Митрофана Блажевича.

«Новый храм построен в виде креста, в длину имеет 12 саж. (приблизительно 24 метра — *авт.*) [18]; средняя часть храма увенчана обширным светлым куполом и притвор высокой колокольней. С наружной стороны стены храма украшены множеством карнизов, арок, полуколонн и другими украшениями; покрыт железом, и внутри и снаружи оштукатурен. По наружному виду он, по изяществу архитектуры, является одним из красивейших храмов Полоцкой епархии. Наружность красот храма соответствует и внутреннее его убранство: Иконостас устроен в три яруса, с множеством вызолоченных колонн и резных украшений, живопись икон в иконостасе довольно порядочной работы. При обилии света внутри, обширности помещения для молящихся, наружной красоты и внутреннем убранстве, храм производит чарующее впечатление...» [13, с. 79].

После освящения храма, перед литургией, местный благочинный Григорий Яновский обратился к прихожанам со следующими словами:

«Помню прихожане я ваше село десять лет назад захудалое, сонное, молчаливое, всеми забытое и брошенное. Спало ваше село,

спали и вы вместе с нами; но Господу угодно было пробудить вас ото сна и призвать к жизни разумной и деятельной, и вот он послал вам пастыря молодого и энергичного, который и начал воздвигать Богом дарованную ему ниву, не щадя молодых своих сил. Неустанно учил он вас истинам веры, благочестия и правилам христианской нравственности. И что же? Рассеянные им семена среди вас не заглохли и не пропали; упали они в хорошо подготовленную, обработанную и добрую почву, и несут теперь очевидные для всех, обильные плоды: в короткий промежуток времени: все село ваше застроилось школами лучшими в уезде и из глухих некогда Киселей льется теперь свет просвещения в целый уезд; в вашем маленьком и бедном приходе нашлись достаточные силы и средства к сооружению такого великолепного храма, при виде красоты и величия которого проникаешься чувством глубокого уважения и благоговения к вам, строители.

Много вы потрудились при постройке его, немало выделяли и жертв из своих скудных средств, но как сравнить всё это с тем, что принял на себя главный руководитель постройки, ваш приходской священник, производя её хозяйственным способом и приняв на себя всю тяжесть ответственности пред начальством и вами. Сколько за это время понесено им тяжелых трудов, испытано огорчений и душевных волнений. Но чем больше вы со своим пастырем испытали лишений, употребили трудов и пролили пота, тем сильнее сегодня должна быть и ваша радость. Сегодня у вас праздник из праздников и торжество из торжеств <...>. И, действительно, честь и слава вам! Вы в короткий срок создали у себя храм на славу и удивление многим. Всё в нем хорошо; всё прекрасно устроено и богато украшено. Вы по праву заслужили о себе память между потомками вашими, которые с благодарностью должны вспоминать вас... исчезнет на земле память о вас, но в церкви доколь она будет стоять на земле, все будут помнить вас <...>. Вот таких благ сподобились вы за свои дружные, честные и усердные двухлетние труды, под руководством своего доброго пастыря, посвятившего общему вашему благу все свои душевные и телесные силы: Помня это, сохраните о нем благодарную и молитвенную память на всю вашу жизнь...» [14, с. 80].

Но, увы, в наше время село Кисели исчезло с лица земли, подобно многим сёлам Псковщины. Храм был разрушен фашистами в годы Великой Отечественной войны [8]. Проведя опрос местных жителей, оказалось, что никто не помнит имени Митрофана Блажевича. Такова реальность наших дней. Только документы сохранили для нас память об этом человеке и построенном им храме. В РГИА имеются

материалы страховой оценки Успенской Киселевской церкви, произведённой в 1910 году, из которой можно узнать точные размеры здания, сколько окон, дверей, печей и пр. в ней имелось. Какой была церковно-приходская школа, какие были хозяйственные постройки при церкви, в каких домах жили священники, и какие постройки они имели в наличии [4, с. 23–29].

О церкви оставил воспоминания местный житель Тимофей Филимонович Пузыня. Село Кисели местные жители называли Березно — по названию рядом расположенного озера. «Среди лесов, лугов и полей юга Псковской области, в десяти верстах на восток от станции Нащёкино, на морёном ландшафте у большого озера Берёзно, расположено красивое село с одноимённым названием. На обширном, пологом косогоре возвышалась белокаменная двуглавая Киселёвская церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Озеро Березно

Вокруг неё, на высоком кирпичном фундаменте — кованая ограда. Со стороны входа, внутри ограды, ажурные кресты. На полированных плитах эпитафии, здесь покоились служители церкви. К главному колоколу звонницы протянута длинная верёвка, чтобы звонить, не поднимаясь на колокольню. Иконостас сверкал позолотой. Справа и слева от входа в алтарь помещались клиросы для певчих. Внутренние своды рассчитаны были на обеспечение хорошей акустики зала. В интерьере были предусмотрены хоры. В центре, под сводом главного купола, на специальной цепи подвешено большое бронзовое паникадило.

Во всюнощную, на пасху, после крестного хода вокруг церкви, когда в притворе храма хор возвещал, что Христос воскрес, мгновенно загорались все свечи на люстре паникадила. Интерьер церкви освещался так ярко, что создавался уют и благолепие для православных. Оформлению этого действия придавалось большое значение, свечи зажигались в момент песнопения «Христос воскрес», и это действовало на умы и чувства верующих. Из притвора дверь вела к лестнице, по которой можно было подняться на хоры и ещё выше на звонницу. В нужных случаях звонарь по прозвищу Елозя поднимался туда для исполнения той удивительной мелодии, которую могли создавать только опытные звонари» [16].

Митрофан Блажевич занимался не только религиозным просвещением населения, состоял законоучителем в нескольких школах в округе [11], но и вместе с Андреем Ульяновичем Демешко вёл сельскохозяйственный кружок для населения края.

В 1911 г. он состоял выборщиком по Себежскому уезду от съезда землевладельцев русского происхождения. 27 апреля 1911 г. на Губернском избирательном собрании, проходившем в г. Витебске, был избран членом Государственной Думы на место умершего протоиерея Феодора Никонovichа. Митрофан Блажевич получил абсолютное большинство во время первоначальных выборов: 42 избирательных голоса и 26 неизбирательных. Состоя членом Государственной Думы, входил в русскую национальную фракцию. Был членом комиссий о мерах борьбы с пьянством и по народному образованию.

Третий созыв Государственной Думы получил среди современников название «Думы народного просвещения», т. к. он законодательно закрепил путь реформирования народного образования в России. За пять лет своего существования Государственная Дума проделала большую работу по увеличению сети начальных и средних учебных заведений на всей территории Российской империи, улучшению положения учителей и их пенсионного обеспечения.

В деятельности Государственной Думы третьего созыва, касающегося решения проблемы народного образования, активное участие принимали депутаты от белорусской губернии, в том числе и Митрофан Блажевич [7].

В начале 1912 года Митрофан Викторович попросился в военное ведомство. Просьба его была удовлетворена. 13 октября 1913 года назначен настоятелем Софийского собора лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка в Царском Селе. Служил при соборе, возможно, до 1919 года [9].

Софийский собор. Фото с сайта

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. отец Митрофан удостоился высокой награды. Его имя значится в списках священнослужителей — Георгиевских кавалеров [6]. Наперсный крест на Георгиевской ленте являлся высокой наградой для лиц духовного звания. Ею отмечали священнослужителей, совершивших подвиги при непосредственной опасности для собственной жизни. Крестом награждали только за отличие под огнём неприятеля. За какие подвиги Митрофан Блажевич получил столь высокую награду, установить пока не удалось. Из Софийского собора г. Пушкина мне сообщили только общие данные из биографии М. Блажевича, уже известные. Ни фотографии, ни информации о службе в соборе они не имеют.

В списках 1937 года среди священников епархии Митрофан Блажевич уже не числился. В 1941 году проживал в Ленинграде на Старорусской улице. Умер в возрасте 72 лет в декабре 1941 года во время блокады [5]. Похоронен Митрофан Блажевич в часовне-склепе лейб-гвардии Конного полка на Преображенском военном кладбище близ г. Санкт-Петербурга.

За свою деятельность Митрофан Викторович был награждён церковными, богослужебными и светскими наградами.

Церковные, богослужебные награды: 1899 год — Библия от Училищного совета Святейшего Синода; 7 апреля 1899 года — набедренник; 9 сентября 1904 года — скуфья; 6 мая 1908 года — камилавка; 6 мая 1911 года — синодальный наперсный крест;

6 мая 1915 года получил сан протоиерея; 26 марта 1916 года — золотой наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества [10, с. 421].

Светские награды: Серебряная медаль в память Александра III; Тёмно-бронзовая медаль за труды по Первой всеобщей переписи населения; 31 декабря 1914 — орден Святого Владимира 4-й степени с мечами «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий».

Книга-мртилолог Хабаровской области сообщает, что единственный сын Митрофана Блажевича Геннадий родился в 1895 г. в Калининской области в д. Кисели¹; русский; преподаватель учебного комбината горторга. Проживал в г. Хабаровске. 2 июня 1939 г. был арестован УГБ НКВД по Хабаровскому краю, обвинялся по ст. 58-1а УК РСФСР. Уголовное дело было прекращено за недоказанностью [19].

Как выглядит местность, где ранее стояла величественное здание белокаменной Успенской церкви в с. Кисели? Один из потомков Тимофея Филимоновича Пузыни Виктор Иванович в наши дни посетил святыне для его предков места, побывал и на месте церкви. Вот что он написал: «Церковь Успения Божией Матери была взорвана фашистами в 1944 году, а после войны, когда в Пустошке строили школу, туда были вывезены все кирпичи. Это святое для нас место представляет в настоящее время возвышенность, зарастающую со всех сторон лесом, и только дорога к храму не зарастает. Видно было, что приходят сюда люди. На возвышенности сохранились остатки прочного кирпичного фундамента, и частично сохранился фундамент из гранитных камней. Сохранилось подполье, в котором видны изогнутые металлические швеллеры, бывшие несущими элементами конструкции основного зала храма» [15].

Жительница д. Горка Пузыня Ефросинья Егоровна, 1909 г. р., вспоминала: «В конце XIX в. в Березне была семинария, которую закончил мой отец. Рядом с бывшей церковью имеется святой источник и подземный ход. Подземный ход от места бывшей церкви доходил почти до д. Сипкино, где на горе до 80-х годов XX века стояла часовня, разрушенная строителями дороги» [12].

В 1919 году Кисели посетила комиссия Отдела народного образования Себежского района, и было признано, что село имеет прекрасные климатические условия, стоит на высоте лечебных курортов с прекрасным ландшафтом и рыбным озером.

¹ Д. Кисели на момент рождения Геннадия (1895 г.) входила в состав Витебской губернии, на момент ареста (1939 г.) — в состав Калининской области, в настоящее время — Псковская область.

Руины Успенской церкви. 2014 г. Фото Н. Ивановой

Подводя итог данному исследованию, можно сказать, что восстановлена ещё одна страница забытой истории юга Псковщины. Возвращено имя человека, когда-то всем сердцем и душой заботившегося о благе простых людей края. Нет храма, построенного усердием Митрофана Блажевича, изгладилось из людской памяти его имя. Но, если говорить о людях этого уголка России, то есть некоторая их особенность. Зёрна добра, посеянные Митрофаном Викторовичем, оставили след в их душах. Это люди очень активные, жизнерадостные. На всю округу славятся они своей неутомимой энергией и позитивными славными делами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 83. Л. 2–3. Дело члена Государственной Думы от Витебской губернии Митрофана Викторовича Блажевича.
2. РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 818. Л. 9. Докладная записка священника Полоцкой епархии Себежского уезда, Киселевской — Успенской церкви Его Превосходительству Государственному Директору Хозяйственного Правления при Святейшем Синоде.
3. РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 818. Дело об отпуске денежных пособий на постройку каменных церквей в сс. Старом Селе Витебского уезда и Кисели Себежского уезда Полоцкой епархии. Начато 19 августа 1900; кончено 29 января 1904 года. На 26 л.; РГИА. Ф. 799. Оп. 25. Д. 818. Л. 1, 1 об. Представление Святейшему Правительствующему Синоду от Тихона, Епископа Полоцкого и Витебского.

4. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. № 1468. С. 23–29. Страховые документы на церковное имущество по Полоцкой епархии. Себежский уезд.
5. Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти. Нотабене, 1998. 716 с.
6. Георгиевские кавалеры — священнослужители: именные списки. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/10034>
7. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008; Головач, Е. И. Рабочий вопрос в Третьей Государственной Думе / Е. И. Головач // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 3. С. 135–143.
8. Из воспоминаний Синицыной Ефросиньи Васильевны, 1928 г. р. (д. Горка).
9. История храмов Царского Села. [Электронный ресурс]: URL: <http://tsarselo.ru/content/0/read665.html#.UdleF6wwliw>
10. Капков К. Г. Священники-кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.: «Летопись», 2012. С. 421.
11. Начальное народное образование в Витебской губернии в 1912 году // Памятная книжка на 1912 год. Витебск, 1912.
12. По воспоминаниям Пузыня Ефросиньи Егоровны, 1909 г. р. (д. Горка).
13. Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. С. 79–80.
14. Там же. С. 80.
15. Пузыня В. И. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» // Вперёд. 2009. 25 нояб. С. 2. (История края в судьбах людей).
16. Пузыня Т. Из истории Березянского края // Вперёд. 3, 5, 8, 10 авг. (№ 91–97); Пузыня В. И. Храните память. 2012 г. PDF.
17. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. С. 423.
18. Сажень, или сажень (сяжень, саженка, прямая сажень) — старорусская единица измерения расстояния 1 сажень = 7 английских футов = 84 дюйма = 2,1336 метра // Википедия.
19. Хотелось бы всех поименно назвать. Книга-мартиронолог. Т. 1. А-К. / Сост.: Лавренцов А. П., Беспалова Т. Г., Радченко О. В. Хабаровск, 1997. [Электронный ресурс]: URL: <http://lists.memo.ru/d4/f348.htm>

**ПСКОВИЧ ВЛАДИМИР САХАРОВ — БОГОСЛОВ,
РЕКТОР ОРЛОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ,
РЕДАКТОР ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖУРНАЛА**

Речь идёт о последнем ректоре Орловской Духовной семинарии, уроженце Псковской губернии, его просветительской деятельности.

Ключевые слова: *Псковская Духовная семинария, Казанская Духовная академия, Тульская Духовная семинария, Орёл.*

Владимир Антонович Сахаров был последним ректором Орловской Духовной семинарии. Почти 30 лет (дольше всех остальных ректоров) возглавлял старейшее в губернии учебное заведение, многое сделал для развития на Орловщине образования и культуры. Ныне этот незаурядный человек забыт. Нужно по крупицам собрать сведения о его биографии и просветительской деятельности.

В. А. Сахаров родился в 1851 году в Псковской губернии. Среднее образование получил в Псковской Духовной семинарии. Выпускник Казанской Духовной академии 1877 года, кандидат с правом на получение степени магистра без нового устного испытания.

Служил преподавателем русской словесности и истории русской литературы в Тульской Духовной семинарии, преподавателем русского языка в Тульском реальном училище, законоучителем и инспектором в Тульском Епархиальном женском училище. Состоял членом Тульского Епархиального училищного совета. В марте 1891 года был назначен на должность ректора Орловской Духовной семинарии. По сути, ему были вверены жизнь и судьба учеников — почти шестисот молодых горячих голов... Для немалого количества семинаристов Сахарову предстояло стать буквально вторым отцом — здесь учились сироты священников и диаконов.

Позднее коллеги скажут: «Вы вступили в Орловскую семинарию, хотя и не в первых годах молодости, однако полный сил, горячего желания работать, с убеждённым взглядом на задачи духовной школы... Служить делу духовного просвещения русского общества, содействовать развитию русской богословской науки и образованности — вот главный девиз в жизни тогдашних духовных академий» [3, с. 406].

Духовная семинария

Сахаров начал с благоустройства и благоуукрашения семинарского храма. Расширил ученическую библиотеку (появился читальный зал для семинаристов), создал проповеднические кружки, организовал богословско-философские чтения (для преподавателей). Открылись классы музыки, живописи (иконописи), образцовая пасека...

В 1894 году при библиотеке семинарии было создано древлехранилище. По описи 1905 года здесь имелось более ста рукописей, среди которых учебные семинарские курсы XVIII — начала XIX вв., литературные сборники воспитанников, старообрядческие рукописи. Этого рода деятельность самым активным образом расширялась и углублялась под руководством другого выпускника Псковской Духовной семинарии — инспектора и будущего члена-корреспондента Петербургской академии наук И. Е. Евсеева.

«Семинарская корпорация» включала тогда ректора, инспектора с четырьмя помощниками, 16 преподавателей, учителей пения и гимнастики. Большинство педагогов имело высшее образование — выпускники духовных академий, а также университетов (среди них был и сын ректора Евгений, выпускник Петербургского университета, — с 1906 года он вёл занятия по физике и математике [5, с. 434], в числе его учеников — будущий авиаконструктор Николай Поликарпов). Положение преподавателей семинарии всегда рассматривалось Сахаровым как высокое и почётное. Кроме исполнения прямых своих обязанностей, они активно участвовали в церковно-общественной

жизни епархии: печатали свои труды в «Орловских Епархиальных ведомостях», состояли членами Орловской учёной архивной комиссии и Петропавловского православного братства при кафедральном соборе (членом этого братства был и сам ректор).

С 1896 года ректором при библиотеке стали устраиваться воскресные чтения. Лекторами выступали семинаристы 4-х и 5-х классов. Чтения разделялись на три отделения: духовное, историко-литературное и беллетристическое (по произведениям классиков русской и мировой литературы). В каждом отделении показывалось несколько «туманных картин». Чтения проводились по воскресеньям в вечернее время в столовой семинарии.

Дважды были увеличены оклады содержания казённокоштных воспитанников. Лучшие выпускники направлялись на обучение за казённый счёт в Санкт-Петербургскую, Киевскую и Казанскую духовные академии, поступали в университеты и институты. Особое внимание в семинарии уделялось эстетическому развитию — занятиям музыкой и живописью (иконописью). Совершались паломнические поездки в Белобережскую пустынь и в Киево-Печерскую лавру.

В обращении с учениками Сахаров был прост, доступен и приветлив. Дверь его квартиры всегда была для них открыта. На юношеский возраст смотрел как на такой, который требует к себе особенно бережного и осторожного отношения, и потому обыкновенно чуждался резких и крутых мер. Во всяком проступке искал смягчающие обстоятельства, стараясь всеми силами не исключить ученика, а оставить, и, оставив, исправить. И в итоге воспитать его таким, чтобы в скором времени он сам стал «добрым родителем для своих детей», т. е. прихожан. Не случайно умудрённый жизнью Сахаров на протяжении полутора десятков лет был председателем Епархиального училищного совета. Его подвижнический труд был отмечен орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степени [5, с. 430–431].

До нашего времени дошли тексты ряда выступлений ректора перед преподавателями и учениками и его статей на религиозно-педагогические темы (они печатались в журнале «Орловские Епархиальные ведомости»). Так, в публикации «Православие как основа нашего национального образования и воспитания (Речь воспитанникам семинарии VI класса)» он подчёркивал, что основой учебно-воспитательного процесса является пробуждение и укрепление в учениках национального самосознания: «Служение общему делу, прогрессу, служение всему человечеству возможно при наличии запаса соб-

ственных сил, собственного духа, собственного опыта... Обогащение (человечества) тем полнее и богаче, чем разнообразнее особенности, отдельные опыты, отдельные дарования и проявление этих дарований в отдельных народах» [8, с. 1772].

Сахаров был убеждён: «Естественные человеческие привязанности отправляются от частного к общему; невозможно начать любить неопределённую, безличную идею человечества, не любя отдельных лиц и отдельной народности со всеми ее особенностями. Любовь не довольствуется отвлечённостями, призраками, — она по преимуществу чувство конкретное, она является главным нервом жизни и требует для себя живые объекты, требует сочувствия, ответа, живых отношений» [8, с. 1773]. И подытоживал: «Таким образом, и нравственная жизнь человечества правильно развивается только при сознании отдельными народами своего национального бытия и при развитом чувстве национальности» [8, с. 1773].

Не принимал Сахаров «наносной тины умствований русских космополитов» [8, с. 1772]. Говоря о задачах образования, он подчёркивал: «И как всякое постоянное чувство, чувство народной любви должно быть введено в плоть и в кровь человека, стать единым с его существом, и только тогда каждый шаг деятельности человека будет запечатлен печатью влияния живой национальной идеи и чувства патриотизма» [8, с. 1774]. Сравнивая зарубежное и отечественное образование, ректор делал неутешительный вывод: «В результате немецкого воспитания и обучения получается всегда немец, как из французского француз, из английского англичанин, однако в русскую школу мы перевели иностранные учебные книги, в которых, конечно, меньше всего отводится места России. Молодые люди не имеют под собой никакой твёрдой почвы, на которой они утвердились бы, как на родной, близкой сердцу и дорогой. Отсюда они дома чужие, без национальности, без отечества, легко уловимые жертвы вредного космополитизма и разных разрушительных учений» [8, с. 1775].

В «Речи пред началом учения в Орловской духовной семинарии» ректор отмечал, что «христианство как религия человечества заключает в себе начало знания, касающегося предметов божественных, но в то же время оно является в мире как сила Божия во спасение, изменяющая весь строй духовной природы человека... Великое и трудное это дело — уподобление образу Сына Божия! Требуется постоянное внимание к себе, требуются большие усилия воли побороть в себе злое начало и подняться на высоту нравственного совершенства. В человеке скрывается в одно и то же время и ангел и зверь. Если не обуздывать этого зверя, то он может воз-

обладать и над разумом, и над волею. Работа над своим усовершенствованием должна идти в течение всей жизни, но особенно для этой работы важны годы юности, когда все душевные силы находятся в периоде развития, ещё свежи и отличаются особенною восприимчивостью и гибкостью [10, с. 1502]».

Сахаров являлся не только педагогом по призванию, но и, говоря языком того времени, «духовным писателем». Первым его трудом на этом поприще стала магистерская диссертация «Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи» (Тула, 1879), в последующие годы были изданы книги «К вопросу о правильной постановке преподавания словесности в духовных семинариях» (СПб., 1886, первоначально опубликовано в журнале «Христианское чтение», издаваемом Санкт-Петербургской Духовной академией), «Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии, особенно распространённые в Древней Руси» (СПб., 1888, первоначально опубликовано в журнале «Христианское чтение»). «В церкви и школе свет для тёмного простолюдина» (Тула, 1889, первоначально опубликовано в журнале «Тульские епархиальные ведомости»), «Святой Иоанн Златоуст» (СПб., 1890; 2-е изд., 1895; 3-е изд., 1898; 4-е изд., 1904; 5-е изд., 1916), «Пашковцы, их лжеучение и опровержение его» (Орёл, 1897, первоначально опубликовано в журнале «Орловские епархиальные ведомости»). В Епархиальном вестнике в Орле были напечатаны десятки проповедей, речей и статей Сахарова — более того, в 1910–1917 гг. он был редактором официального и неофициального отделов журнала «Орловские епархиальные ведомости», которые, по оценке современников, при нём превратились в «живой духовный орган» [6].

Очевидно, что протоиерей Сахаров занимал видное место в общественно-культурной жизни Орловской губернии. Так, Н. К. Матвеев среди дюжины запомнившихся ему орловских священников первым назвал в своих мемуарах имя Сахарова [4, с. 29]. Другой мемуарист, А. А. Ситников, хорошо запомнил участие Сахарова, избранного выборщиком в I Государственную Думу от Орла, в политической борьбе: «Правые, в случае успеха, собирались проводить в депутаты ректора духовной семинарии Сахарова В. А., а кадеты — председателя Орловской уездной земской управы Татаринова Ф. В. В результате первой стадии городских выборов по 3-й и 2-й части победили кадеты, а по 1-й части прошли правые. Таким образом, большинство городских выборщиков оказалось сочувствующим кадетам, и членом Государственной Думы от города Орла был избран Татаринов (председатель губернского комитета кадетской партии). В последней стадии выборов

Книга Сахарова

закрытым голосованием шарами за него отдала голоса большая часть выборщиков. Когда Татаринов уезжал в Петербург, на вокзале была демонстрация, произносились напутственные речи, подносились цветы и т. д. Было настроение большого политического подъёма» [12, с. 35].

Сама по себе политическая борьба не увлекала мудрого ректора и богослова. Являясь типичным представителем «просвещённого консерватизма и традиционализма», он мог высказать и критику в сторону излишне ретивых черносотенцев. Так, в редактируемом им журнале в апреле и мае 1912 года появились довольно жёсткие публицистические заметки по поводу «распространения клеветы и пасквилей по адресу местного духовенства и епископа Григория». Таким образом Сахаров отреагировал на поток оскорблений, лившийся со страниц газеты «Орёл», которую издавал председатель Орловского отделения Союза русского народа Я. А. Померанцев. Сахаров жёстко поставил вопрос о том, кто на самом деле входит в состав этого отделения и не превратилось ли оно в ширму для председателя-узурпатора, частного поверенного Померанцева. Тот подал на редактора-ректора в суд. В Орловском окружном суде, не вникнув во все обстоятельства дела, приговорили Сахарова... к штрафу в размере 40 рублей, который за отсутствием средств мог быть заменён арестом на 7 суток.

Сахаров В. А.

Были апелляции и новые разбирательства, пикировка на страницах изданий. Сахаров твёрдо стоял на своём, доказывая, что его упрёки относились не к Союзу русского народа, а к «кучке тёмных и злых людей», которые свили себе гнездо в редакции вестника «Орёл» и в Союзе русского народа». В итоге вышестоящая Харьковская судебная палата в судебном заседании 23 ноября 1915 года постановила: приговор Орловского окружного суда от 8 мая 1914 года отменить и дело производством прекратить [1, л. 2 об., 5].

Первую мировую войну Сахаров встретил с некоей надеждой. В те годы Православная Церковь переживала непростой период. Её авторитет в обществе падал. Однако «грянул гром войны, и мы перекрестились», — писал Сахаров [11, с. 5]. Люди шли в храм, священнослужители стремились поддержать возвращение к духовным ценностям: «Чтобы молитва пасомых была сознательна, пастырям

церкви необходимо предвзвешивать её словом назидания. В сёлах и деревнях, где население недостаточно просвещено для понимания смысла и значения происходящих событий, циркулируют разные фантастические сказания о причинах и поводах войны. Пастыри церкви не должны оставлять своих пасомых в неизвестности, но должны объяснять им причины и смысл настоящей войны в духе Высочайшего Манифеста и послания Св. Синода» [7, с. 778].

Сахаров вошёл в состав Епархиального комитета по призрению беженцев. В самой семинарии большинство помещений было отдано под госпиталь Красного Креста имени Орловской епархии: начало учебного года перенесли на более поздний срок, половина учеников стала учиться по домам. Супруга ректора А. М. Сахарова стала попечительницей госпиталя. Раненые воины находились здесь на излечении всего по несколько дней: сюда их привозили прямо с линии фронта, а после первоначального укрепления здоровья отправляли в другие города. За год в госпитале получали лечение и заботливый уход до двух с половиной тысяч человек.

В марте 1916 года коллеги решили отметить четвертьвековой юбилей служения Сахарова на ректорском посту. Хотя сам юбиляр был против торжеств, его сослуживцам был понятен особый смысл трудов пастыря: Сахаров дольше всех из ректоров занимал этот пост.

После молебна епископ Григорий обратился к «виновнику»: «Глубокоуважаемый о. ректор! Двадцать пять лет простоять во главе учебного заведения — это подвиг, тем более что дни служения вашего совпали с тяжёлой эпохой 1905–1906 годов. Но вы, умудрённый житейским и педагогическим опытом, сумели провести ваш корабль невредимым среди бурь, и в семинарии, вверенной вам, не было никаких эксцессов. Неудивительно, что вы приобрели любовь всех знавших и соприкасавшихся с вами... Вас ценят и любят ваши сослуживцы. Они видят ваше всегдашнее неизменно корректное, доброе отношение к ним. Они находят в вас опытного руководителя их занятий, встречают с вашей стороны постоянное желание помочь им, посоветовать... Пользуетесь вы вполне заслуженной любовью со стороны ваших учеников — бывших и настоящих. Для них вы являетесь заботливым отцом. За всё моё пятилетнее управление Орловской епархией я ни от кого из них не слышал и тени неудовольствия против вас» [3, с. 404–405].

Поздравляли юбиляра коллеги из семинарии и других учебных заведений, врачи госпиталя. Поступило множество телеграмм: от Орловского Епархиального женского училища, Алексеевской гим-

назии, Николаевской женской гимназии. Из Курска телеграммой поздравил своего учителя бывший ученик епископ Феофан. Уже давно возмужавшие ученики со слезами на глазах признавались: «Мы чувствовали его любовь к нам, отеческую заботливость о нас, искреннее желание нам добра». И хотя звучало немало восклицаний о том, что будущие историки семинарии, её летописцы обязательно воздадут должное годам ректорства Сахарова, сам он не откликнулся на пафос поздравлений. Говорил спокойно и мудро: «По естественным законам жизнь моя склоняется к вечеру, наступают сумерки... Но на тёмном их фоне светлой точкой будет стоять этот день, внося в душу отраду и светлое воспоминание о тех, кто так любовно, так сердечно почтил меня сегодня» [3, с. 426]. В этом же номере журнала «Орловские епархиальные ведомости» юбиляр поблагодарил всех за поздравления.

Одно из последних его публичных выступлений состоялось 13 мая 1916 года. Ректор держал речь перед выпускниками. Увы, для торжественного акта в семинарии не нашлось тогда другого свободного места, кроме гардероба. Сахаров пожелал своим питомцам честного труда на всех служебных поприщах, пламенного горения духа в пастырстве и благословил на жизненный путь.

Напутствуя их, он говорил: «Мы верим, что военная гроза, разразившаяся над нашим отечеством, скоро минует и Россия вступит на путь обновлённой духовной жизни, а вместе с тем и для вас откроются широкие двери — кому для дальнейшего образования в высшей школе, кому для прямого приложения к жизни своих знаний, сил и способностей. Да будет же благословен и мирен ваш выход из сего рассадника духовного образования и воспитания и да увенчает Господь успехом добрые намерения каждого из вас!.. Высоко и свято служение Церкви Божией! Но служение это соединено с великим подвигом самоотвержения, с большими лишениями земных благ, с великими трудами и трудностями. Основное дело приходской жизни есть спасение во Христе, и самое главное дело пастыря есть душепопечение, забота о спасении вверенных ему чад. Наставить своих пасомых в истинах Христовой веры, согреть их сердца святыми упованиями и чувствами любви к Богу, любви, сострадания к ближним и направить их волю на исполнение заповедей Божиих — вот дело сил человеческих пастыря церкви, дело его познаний, его трудов и попечений на пользу и спасение своих пасомых... Личность пастыря, его духовный мир имеет высочайшее значение в пастырском делании. Чистота и высота духовной жизни пастыря есть неотъемлемая при-

надлежность достойного и успешного пастырского служения. Как огонь зажигается от огня, так ревность о христианской жизни лучше всего и более всего возгорается в пасомых воздействием личного примера пастыря. Если вы будете тверды в вере и любовь Христова сохранится в вашем сердце, то на каком бы поприще вы ни оказались, вы будете тоже служить Христу и Его Церкви» [9, с. 550–553].

Завершился выпускной акт скромным чаепитием. Автор заметки, рассказав о прощальном напутствии ректора и о реакции на его проповедь уходящих семинаристов, вложил в последние строки почти мольбу: «Пылкие надежды, горячие мечты... Пусть жизнь не разобьёт их... Пусть эти молодые силы найдут в действительности достойное их применение» [9, с. 555].

Многим мечтам не суждено было сбыться. Уже в 1918 году Орловская Духовная семинария была упразднена новой властью, прекратилось и издание епархиального журнала. С этого времени имя Владимир Антоновича Сахарова не встречается ни в печати, ни в архивных документах. В XX веке выпускники и преподаватели Орловской Духовной семинарии стали свидетелями и участниками трагических исторических событий: революций, мировых и братоубийственных войн, массовых репрессий. Причём многие, очень многие стали жертвами этих событий, были арестованы и расстреляны. Иные, пройдя тернистый путь, стали выдающимися деятелями Русской Православной Церкви. В судьбах тысяч этих людей ректор Сахаров остался мудрым наставником, добрым учителем, преданным и стойким защитником веры православной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Дело о редакторе «Орловских епархиальных ведомостей» В. А. Сахарове, обвиняемом в выступлении против Орловского отдела Союза русского народа // Государственный архив Орловской области. Ф. 635. Оп. 1. Д. 402.
2. *К-в Н. [Калинников]* Из жизни Орловской Духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1916. № 21. С. 553–555.
3. *Калинников Н.* 25-летие служения ректора Орловской духовной семинарии митрофорного протоиерея В. А. Сахарова // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1916. № 14. С. 402–429.

4. *Матвеев Н. К.* Воспоминания о губернском Орле и послетургеневском Мценске / запись, лит. ред. и коммент. Н. М. Чернова. Орёл: [издатель А. В. Воробьёв], 2003.
5. Наличный состав служащих в Орловской Духовной семинарии в 1907–1908 учебном году // Орловские епархиальные ведомости (отдел офиц.). 1907. № 32. С. 430–435.
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-bogoslovsko-entsiklopedicheskij-slovar/2697>
7. *С.-в. [Сахаров В. А.]* Война и наше духовенство // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1914. № 31. С. 777–781.
8. *Сахаров В. А.* Православие как основа нашего национально-го образования и воспитания. (Речь воспитанникам семинарии VI класса) // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1901. № 43. С. 773–792.
9. *Сахаров В. А.* Речь к окончившим курс семинарии // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1916. № 21. С. 550–553.
10. *Сахаров В. А.* Речь пред началом учения в Орловской Духовной Семинарии // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1900. № 37. С. 1499–1506.
11. *Сахаров В. А.* Слово в день Нового года // Орловские епархиальные ведомости (отдел неофиц.). 1916. № 1. С. 1–8.
12. *Ситников А. А.* Воспоминания реалиста. Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2004.

НАША ЗЕМЛЯЧКА ЕВГЕНИЯ СИНСКАЯ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ БИОЛОГ

Статья посвящена 130-летию Евгении Николаевны Синской, соратнице Николая Ивановича Вавилова, чьей малой родиной является Псковская земля.

Ключевые слова: Кудеверь, Холмский уезд, Великие Луки, Москва, Петровская земледельческая и лесная академия.

В этом году Синской Евгении Николаевне исполняется 130 лет со дня рождения. Уроженка Псковской губернии, блестящий учёный, соратник Н. И. Вавилова, автор работ по изучению закономерностей изменчивости растений, эволюционного процесса и видообразования, систематики культурных растений и их диких родичей, не потерявших актуальности в настоящее время.

К сожалению, на Псковской земле мало известно о знаменитой землячке, выдающемся учёном: отсутствуют доступные и популярные источники информации. Мы попытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел.

Для составления материалов мы воспользовались воспоминаниями о Синской Е. Н. [2], а также её литературной автобиографией [1, 3], материалами научных конференций, посвящённых памяти Евгении Николаевны [4, 5]. В последних приводятся биографические данные, а также подробный анализ её научного наследия. В своей статье этот «слишком специальный» анализ мы упустили, сосредоточив внимание на пребывании Е. Н. Синской на Псковской земле и основных этапах биографии.

Итак, Синская Евгения Николаевна родилась 12 ноября 1889 г. в г. Великие Луки Псковской губернии. О себе Е. Н. Синская говорила, что «скобарка» из Великих Лук. По воспоминаниям Е. Н. Синской, родина её родителей была «глухоманью». В Кудевери жили дед и бабка по матери. Погост Кудеверь — старинное поселение, известно с XVI века, сначала Пусторжевского (с XVIII в. Новоржевского) уезда Псковской губернии, ныне — Бежаницкого района Кудеверской волости. Дед и бабка по отцу жили в ещё большей глухомани — селе Троице-Хлавице на Ловати Холмского уезда (Псковская губерния).

Е. Н. Синская. 1910 г.
Вольнослушательница
Петровской академии

Отец — Николай Фёдорович Синский. Закончил Духовную академию и стал преподавателем. Дед, прадед и прапрадед были священниками.

Мать — Евгения Никандровна Знаменская. Дед — Никандр Никандрович Знаменский — был священником в Кудевери. Бабушка Мария Ивановна, прадед и отец которой были священниками.

Мать была не только красивой, но и образованной женщиной, получившей образование в гимназии города Риги, впитавшая потребность к интеллектуальным занятиям и культуре. Завершив образование, вернулась в Кудеверь к родителям. Вышла замуж за Синского Николая Фёдоровича, получившего направление на работу преподавателем в гимназию Великих Лук.

Родители переехали в Великие Луки, где снимали дом у Пульхеровых, который находился напротив костёла и дома ксёндза. Родители не установили дружеских отношений с местным духовенством, учителями гимназии и их жёнами: «Великолукское общество крайне не понравилось молодой женщине». Сложности в отношениях возникли и между супругами: матери, от природы наделённой подвижным умом, было скучно: муж не разделял её занятий литературой, при этом сам занимался историей, перечитывая древних римских классиков. Отчуждение нарастало, но вскоре родилась дочь Евгения. Няней стала немка фрау Мейнерт. Девочка росла очень спокойным ребёнком, быстро развивалась, часто придумывала новые слова, сочиняла стихи, которые называла песнями. Женя росла любознательной и обо всём расспрашивала свою мать, которая и рассказывала дочери о дальних странах, растениях и животных. Особенно Женя любила сказки.

В раннем детстве Женя побывала в Троице-Хлавице у бабки и деда по отцу. Отношения Евгении Никандровны, матери Жени, с родителями мужа не сложились. Гораздо чаще Женя ездила в гости в Кудеверь, к бабушке и деду по линии матери, где проводила 4–5 месяцев в году. Девочке нравилось собирать грибы, ягоды, проводить время в лесу, она училась преодолевать трудности походов, что в будущем очень ей пригодилось.

В Великих Луках Женя провела детские и юношеские годы. В своих воспоминаниях Евгения Николаевна описывает прелести Великих Лук, как типичного уездного города, с 11-ю церквями, утопавшего в садах, богатых яблоками, грушами, необычными по вкусу. В то же время отмечает, что, как и везде в России, такие города отличались убожеством жизни её обитателей, а также бедностью.

Начальное образование Женя получила дома: сначала с ней занимались родители, потом наняли учительницу, которая и подготовила девочку к обучению в гимназии. Поступила в 4 класс великолукской женской гимназии в возрасте 13 лет в 1903 году, а закончила 7 классов гимназии в 17 лет.

Обучение в гимназии сопровождалось поисками себя, размышлениями о жизни, наблюдениями революционного движения, попытками разобраться в политической обстановке и ответить на вечные вопросы, стоящие перед молодыми людьми о своём месте в жизни, — о том, чем заниматься, о счастье для себя и человечества. Её увлекли идеи анархистов. Чтение становится главным занятием девушки, она значительно обходит в развитии сверстниц, практически не имеет подруг. Среди книг, оказавших влияние на становление Жени как человека, стала книга Э. Реклю «Анархия». Идеи анархизма захватили ум девушки, они оказали влияние на выбор места дальнейшего образования. Гимназия закончена с золотой медалью, что было сложно для девушки в обстановке бесконечных скандалов в семье. Из воспоминаний мы узнаем, что Евгения вынуждена была убежать из дома в лес, чтобы готовиться к очередному экзамену, иногда ночевала там и на экзамен шла прямо из леса.

Напряжённые отношения родителей приводят к разводу. После развода родителей Женя осталась с матерью, и, надеясь на лучший поворот в жизни, они уехали в Москву. В Москве Женя поступила в частную гимназию Общества преподавателей в восьмой класс, для обучения выбрала три специальности, существовавшие в гимназии, — литературу, историю и математику. Обучение проводилось лекционно. Увлечение литературой было таким сильным, что Женя скоро стала популярной в гимназии, послушать её доклады приходили другие преподаватели, и часто приводились ученицы седьмого класса. Ей пророчили карьеру литератора. Математикой она занималась нормально, но не тратила на неё много времени. От специальности по истории Женя отказалась: ей не понравилась система преподавания, а также внушаемых и чуждых ей идей. Обучение было платным, а плата — очень высокой. Жене была снижена плата за обучение в три раза после месячного пребывания в гимназии.

Женская гимназия в г. Великие Луки

Женя и в этом классе оказалась одинокой: она не нашла близких себе людей. Увлечённость учёбой, занятия литературой, переживание революционной ситуации полностью захватили девушку. Женя посещает литературные лекции Игоря Северянина, Андрея Белого, Бальмонта, знакомится с творчеством Блока и Брюсова, пьесами Леонида Андреева, Метерлинка, Чехова, оценивая их появление как отражение упадка, охватившего общество.

Женя потратила много энергии в поисках анархистов, идеи которых ей рано запали в душу. Она была принята в организацию и выбрала имя «Вера» для конспирации; выполняла поручения, присутствовала на собраниях и занятия на курсах по конспирации. Анархисты помогли освоить латынь для сдачи экзамена в гимназии. Навсегда запали в душу слова анархистов: «Да будет проклята власть человека над человеком».

Закончила восьмой класс гимназии, но женские гимназии не выдавали аттестатов зрелости. Евгения после самостоятельной подготовки экстерном сдала экзамены в Смоленской мужской гимназии и получила аттестат зрелости, что позволило ей, в порядке исключения, зачислиться вольнослушательницей в Петровскую земледельческую и лесную академию — Петровку (Московский сельскохозяйственный институт). Здесь, в стенах Петровки, Е. Н. Синская познакомилась с Н. И. Вавиловым — он был старше её на три курса. Обучение в институте продолжалось с перерывами в течение 9 лет. За это время она поработала в различных учреждениях — препаратором на Безенчукской (1910) и Новозыбковской (1915–1916) опытных станциях, на опытном поле МСХИ, в Отделе земельных улучшений Туркестана (1917).

Участвовала в ботанических экспедициях в Среднюю Азию, Полесье и другие районы страны. Закончила институт в 1917 г., сдав государственные экзамены экстерном. Дипломную работу по пойменным лугам Саратовской губернии выполнила под руководством А. Г. Дояренко. В 1918 году получила диплом учёного агронома 1-го разряда.

В 1919 г. работала специалистом по луговодству в Саратовской губернии и, одновременно, с 1920 года, лаборантом на кафедре частного земледелия и селекции агрономического факультета Саратовского университета.

В 1921 г. приглашена Н. И. Вавиловым в Отдел прикладной ботаники и селекции Сельскохозяйственного учёного комитета Наркомзема РСФСР, на базе которого возник Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур, преобразованный позднее во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР).

С 1921 года Е. Н. Синская — организатор и руководитель отделов крестоцветных, с 1925 г. — масличных и прядильных культур, корнеплодов (1925). В 1931 году возглавила Лабораторию экологии культурных растений, в 1934 году — кормовых культур, и стала консультантом Отдела овощных культур.

В 1934 году по решению Президиума ВАСХНИЛ Синской Е. Н. присвоено звание доктора биологических и доктора сельскохозяйственных наук без защиты диссертаций, на основании совокупности выполненных ею работ. К званию относилась скептически: считала, что это пустой анахронизм и атавизм. Но поскольку степень — орудие службы и благополучия, то прилагала усилия к «остепенению» молодёжи. Была научным руководителем и подготовила более 100 аспирантов.

С 1936–1940 гг. осуществляла научное руководство Майкопской опытной станцией ВИР.

В 1940 году Николай Иванович Вавилов выдвинул кандидатуру Евгении Николаевны для избрания её членом-корреспондентом Академии наук и написал в отзыве, что она является «одним из талантливейших растениеводов Советского Союза». Кандидатура Е. Н. Синской не прошла из-за ареста самого Николая Ивановича.

С 1941 г. заведовала кафедрой селекции и семеноводства ЛСХИ.

В 1942 г. институт переехал в Барнаул, Е. Н. Синская — в Краснодар, где работала в должности заведующего Лабораторией новых масличных культур во Всесоюзном научно-исследовательском институте масличных культур (ВНИИМК), в этом же году — переезд в Азербайджан.

В 1942 г. вступила в партию. В 1943 г. после освобождения оккупированных территорий вернулась в Краснодар. В 1944 г. награжда-

дена медалью «За трудовую доблесть». В 1945 г. приглашена в ВИР, где заведовала Гербарием ВИР. В 1957 г. заведовала Отделом кормовых культур, в 1963–1965 гг. руководила Отделом систематики и гербария культурных растений.

В 1946 году ей присвоено звание профессора. Работала в должности профессора кафедры ботаники Ленинградского сельскохозяйственного института (ЛСХИ).

Е. Н. Синская занималась изучением и пополнением мировой коллекции семян ВИРа, созданной Н. И. Вавиловым. Большое значение в работе придаётся полевым работам: все сотрудники ВИРа были либо на одной из 13 опытных станций, либо в экспедициях. Евгения Николаевна участвует в экспедициях на Алтай по изучению возделываемых растений (1924); в 1928–1929 гг. — Японию, и ежегодно с 1929 по 1964 гг. в экспедициях на Кавказ, Дальний Восток, Поволжье, Полесье, Северо-Запад РСФСР.

Синская Е. Н. в период работы в ВИРе возглавляла Комиссию по ботанической номенклатуре и изданию многотомного труда «Культурная флора СССР», редактировала «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции» ВИР, Труды ВНИИМК, «Труды аспирантов и молодых научных сотрудников ВИР» (1956–1965).

Член Всесоюзного Ботанического общества с 1925 года.

Общий трудовой стаж составил 57 лет. За выдающиеся успехи Евгения Николаевна Синская в 1957 г. награждена Орденом Ленина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Синская Евгения. Жизнь Веры / Сост. А. А. Филатенко, СПб.: ООО «Корона Принт», 2009. 284 с.
2. Памяти Синской Евгении Николаевны. СПб.: К 120-летию со дня рождения / Сост. А. А. Филатенко, В. П. Орлов. СПб.: ООО «Корона Принт», 2009. 140 с.
3. Синская Е. Н. Просто человек // Наука и жизнь. 2003. Вып. № 6. С. 111–116.
4. Светлой памяти Евгении Николаевны Синской (25.XI.1889–4.III.1965) // Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. 1968, Т. 38, Вып. 3. С. 233–237.
5. Генетические ресурсы культурных растений. Проблемы эволюции и систематики культурных растений / Материалы конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Е. Н. Синской // Под общей ред. д-ра биол. наук, проф. Н. И. Дзюбенко. Санкт-Петербург, 8–11 декабря 2009 г. СПб., 2009. 429 с.

**АНАТОЛИЙ КАРМАНОВ —
РЕКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ**

В статье рассмотрена биография уроженца Псковского края А. Г. Карманова — ректора педагогических вузов России. Более подробно освещен челябинский период его жизни, вклад в развитие педагогического образования на Южном Урале и в изучение истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Карманов А. Г., педагогическое образование, Челябинский государственный педагогический институт, ректор (директор), Великая Отечественная война.

Недалеко от Пскова и Псковского озера расположено село Заходы Середкинской волости Псковского района, в котором 18 июля 1917 г. родился Анатолий Георгиевич Карманов [24; д. 1444, л. 11], в разные годы возглавлявший три педагогических вуза страны: Челябинский, Ульяновский и Горьковский. К сожалению, информация о А. Г. Карманове отсутствует в «Псковской энциклопедии» [27]. Данный материал приоткроет для псковичей биографию их земляка, внесшего неоценимый вклад в развитие среднего и высшего педагогического образования России, особенно Челябинской области.

Личности А. Г. Карманова посвящены биографические статьи в южноуральских региональных энциклопедиях: «Челябинская область» [15, с. 105] и «Челябинский государственный педагогический университет» [16, с. 393–394], в справочнике «Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета» [25, с. 85–96], его имя упоминается в соответствующих разделах работ, посвящённых истории кафедры, факультета и института, в которых А. Г. Карманов работал в 1940–1982 гг. в Челябинске, Ульяновске и Горьком [6, с. 130–131, 133; 8, с. 113–115; 17, с. 22; 20, с. 129; 21, с. 44, 281–282; 38, с. 39–40; 39, с. 214; 40, с. 83, 94–95; 41, с. 98, 104; 42, с. 38–39; 43, с. 12–13; 44, с. 7]. При подготовке материала использованы архивные материалы Объединённого государственного архива Че-

Карманов А. Г.
Челябинск, 1950

лябинской области, архива Южно-Уральского государственного педагогического университета, воспоминания коллег и учеников А. Г. Карманова: Е. М. Тяжелникова, Н. П. Шмаковой и Е. Е. Колодежа [7, с. 11–18; 36, с. 38–39; 45, с. 75].

О начальном периоде своей жизни А. Г. Карманов написал в 1950 г. в автобиографии, что после его рождения родители переехали в Петроград, где отец работал полировщиком по дереву на заводе «Эриксон» («Красные Зори»), а мать — печатницей. В 1919 г. его отец умер от чёрной оспы и в 1924 г. мать вторично вышла замуж за начальника пограничной охраны на границе с Эстонией, но вскоре за связь с контрабандистами его перевели в Тюмень, и семья вместе с ним оказалась в Западной Сибири.

В 1925 г. Анатолий Карманов поступил в начальную школу № 8 Тюмени, а в 1927 г. — в железнодорожную. В 1931 г. отчима перевели на станцию Вагай, где Анатолий вступил в ряды ВЛКСМ, а в 1935 г. окончил среднюю школу, после окончания которой поступил учиться в Омский автодорожный институт, но в декабре 1935 г. в связи с арестом отчима и его осуждением на 5 лет по ст. 58 был вынужден покинуть институт и устроиться работать учителем в Вагайскую школу, где он преподавал до июня 1936 г., до окончания учебного года. Его также в апреле 1936 г. исключили из комсомола.

В 1936 г. Анатолий Карманов с матерью переехал в Челябинск и следующие, самые насыщенные, четверть века своей жизни, до 1961 г., его судьба будет связана с Южным Уралом. В Челябинске А. Г. Карманов поступил на исторический факультет педагогического института, а мама — печатницей в типографию газеты «Челябинский рабочий». В 1939 г. Кировский районный комитет комсомола восстановил его в рядах ВЛКСМ, что, скорее всего, связано с освобождением отчима из мест заключения. По возвращении отчим с матерью переехали в Катав-Ивановский район Челябинской области, где он работал начальником Половинского лесоучастка Юрюзанского леспромхоза [24, д. 1444, л. 11].

19 июля 1940 г. Анатолий Карманов с отличием окончил исторический факультет [Там же, л. 38] и был оставлен для работы в ин-

ституте на кафедре истории СССР. В справке о его педагогическом стаже указано, что с 1 сентября 1940 г. назначен преподавателем истории СССР [Там же, л. 20 об]. С началом Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., в связи с сокращением объёма работы на кафедре он был назначен директором средней школы № 17 г. Челябинска [Там же, лл. 7, 11], а 25 ноября 1942 г. переведён в Областной отдел народного образования заведующим школьным сектором [23, л. 207], который возглавлял до мая 1946 г. С июня 1946 г. по декабрь 1947 г. — в Челябинском обкоме партии, заведующий сектором пропаганды. Все шесть лет, с июля 1941 г. по декабрь 1947 г., А. Г. Карманов, по совместительству, продолжал вести занятия в институте. Партийная деятельность его не прельщала, поэтому в декабре 1947 г. он вернулся к любимой работе преподавателя [24, д. 1444, л. 11].

В годы Великой Отечественной войны А. Г. Карманов дважды подавал заявления об уходе добровольцем на фронт, но его просьбы были отклонены, так как в связи с плохим зрением он ещё в 1939 г. был снят с военного учёта, а в 1943 г. определён только для прохождения нестроевой службы [Там же, л. 15]. У А. Г. Карманова был свой фронт — пропагандистский. В 1943–1946 гг. по поручению партийных организаций он читал лекции по истории СССР для партработников, в госпиталях, среди интеллигенции [Там же, л. 16]. В июле 1945 г. А. Г. Карманов был принят в ряды ВКП(б). Как он указал в анкете, «В оппозиции не участвовал. Колебаний по линии партии не имел» [Там же, л. 9]. В январе 1946 г. поступил на заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), которую закончил в сентябре 1948 г., получив диплом с отличием [Там же, л. 16].

За педагогическую, пропагандистскую и руководящую деятельность в годы войны А. Г. Карманов в сентябре 1945 г. получил первую награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Там же, л. 21 об–22]. В представлении Комитета областного отдела народного образования на награждение указано: «Как учитель-отличник в 1942 г. выдвинут на работу зав. школьным сектором ОблОНО, свое выдвижение т. Карманов вполне оправдывает. Инициативный, настойчивый в работе. Проводит большую работу по изучению школ области, в 1945 г. инспекторами школьного сектора и самим т. Кармановым было 49 выездов в районы области. Уделяется внимание повышению квалификации учителей — через областные семинары за 1945 г. пропущены инспектора, преподаватели географии, директора средних школ. т. Карманов принимает активное участие в общественной жизни ОблОНО» [22, л. 54].

ЧГПИ в 1930–1940-е гг.

После возвращения в институт, в течение тринадцати лет А. Г. Карманов сначала возглавлял Исторический факультет (1948–1952 гг.), заведовал Кафедрой истории СССР (1952–1956 гг.) и являлся заместителем директора по учебной работе Челябинской областной партийной школы [24, д. 1444, л. 25, 45 об]. Уже занимая должность декана Исторического факультета, заведующего Кафедрой истории СССР и директора института, А. Г. Карманов преподавал историю СССР в трёх вечерних университетах марксизма-ленинизма [24, д. 409, л. 189]. В характеристике 1950 г. директора института В. А. Жданова на декана Исторического факультета А. Г. Карманова указано: «С 1949 г. тов. Карманов А. Г. работает преподавателем истории народов СССР Челябинского государственного педагогического института. Не прерывая преподавательскую деятельность, тов. Карманов работал зав. школьным сектором ОблОНО, затем зав. сектором пропаганды отдела агитации и пропаганды Обкома ВКП(б). Пользуется большим авторитетом среди коллектива преподавателей и студентов. Лекции читаются на высоком идейно-теоретическом уровне. Систематически работает над повышением своих знаний. ... Партийных и административных взысканий не имеет» [24, д. 1444, л. 10].

Преподаватели ЧГПИ перед демонстрацией: Тронин В. М.,
Карманов А. Г., Майзель Л. Г., Елисеева В. Н.,
Сидоренко С. А. 1950-е гг.

Директором Челябинского педагогического института А. Г. Карманов был назначен 28 апреля 1956 г. [Там же, л. 44]. Уже состоялся XX съезд партии, наметились новые очертания развития страны. Предыдущий директор, доктор педагогических наук Н. И. Алпатов, как считает Е. М. Тяжелников, «был строг, суховат, а порой и формален» [7, с. 11] в общении, чем он отличался и от своего предшественника В. А. Жданова, поэтому Н. И. Алпатов был забаллотирован на выборах в партком института. В связи с этим он написал заявление об уходе в связи с болезнью [24, д. 1444, л. 44]. Выбор при назначении пал на А. Г. Карманова, который стал первым выпускником института, возглавившим родной вуз.

На момент назначения А. Г. Карманова директором институт состоял из пяти факультетов: историко-филологического (с отделением

истории, русского языка и литературы), естественно-географического (с отделением естествознания и география), физико-математического (с отделением математики и физики), иностранных языков (с отделением английского и немецкого языков) и физического воспитания. Обучение происходило также на вечернем и заочном от делениях, имелась аспирантура по ряду кафедр. Занятия проходили в собственном четырёхэтажном здании, где для студентов и преподавателей имелась библиотека на 130 тысяч томов, читальный зал на 100 мест, актовый и физкультурный залы, 3 лекционных аудитории на 100 человек каждая, 18 малых аудиторий, 11 кабинетов (марксизма-ленинизма, литературы, русского языка, ботаники, математики и др.), 12 специальных лабораторий (оптики, методики, физики, физиологии растений, химии, электротехники и др.). Однако помещений для занятий не хватало, поэтому учебные мастерские были перенесены в базовую школу. На освобождённых площадях были открыты новые лаборатории: кино-фото-кабинет, кинолекторий со стационарной установкой, расширилась лаборатория электротехники [24, д. 318, л. 1]. Поэтому нехватка аудиторного фонда будет главной проблемой, стоящей перед новым директором: «Уже сейчас назрела необходимость в создании новых лабораторий, методических кабинетов, однако из-за отсутствия помещений сделать это не представляется возможным» [Там же].

Через пять лет, в последний свой учебный год директорства А. Г. Карманова, материальная база института находилась в стадии улучшения: «В течение 1960–1961 гг. Челябинский педагогический институт несколько расширил свою материальную базу: ведётся строительство учебного спортивного зала ... построен спортивно-оздоровительный лагерь на озере Чебаркуль ... В 1961 г. ведётся проектирование учебного корпуса физико-математического факультета [24, д. 449, л. 1; 10].

В поисках новой модели образования в 1956–1957 учебном году институт перешёл на подготовку учителей широкого профиля и 5-летний срок обучения студентов. Это диктовалось острым недостатком квалифицированных кадров с высшим образованием, особенно в сельских школах, где невозможно было обеспечить полной учебной нагрузкой учителей с одной специальностью. Учёный Совет принял решение о сочетании ряда специальностей. Подготовка специалистов широкого профиля потребовала расширения материальной базы. 8 декабря 1958 г. Учёный Совет института рассмотрел и принял решение «О задачах Челябинского государственного педагогического института в связи с тезисами ЦК КПСС и Советского правительства «Об

укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» [24, д. 399, л. 1]. Активизировалась учебно-методическая и научная деятельность. С 1958–1959 учебного года была введена педагогическая практика для 1–4 курса без отрыва от учебных занятий, составляя 4–6 часов в неделю. Появилась учебно-производственная практика для студентов физико-математического факультета на Челябинском тракторном заводе. Расширилась полевая практика на естественно-географическом факультете, которая по географии проходила в Средней Азии, на Алтае, Сибири, Волжском бассейне.

Стали традицией выезды преподавателей в школы области, научно-практические конференции с учителями, постоянно действующие семинары по обмену передовым опытом, работа в Институте усовершенствования учителей. В Челябинске был создан методический кабинет, опорные школы. Большое внимание уделялось базовой школе [24, д. 651, л. 4–6]. Научные работы преподавателей стали носить практико-ориентированный характер: например, на кафедре зоологии В. И. Око-роков вёл плодотворную работу по борьбе с паразитами до машных птиц, а В. И. Романико — с паразитами полезных растений, на кафедре физики Ю. В. Карасов по договору с Челябинским тракторным заводом изучал поверхностное натяжение чугуна и стали [24, д. 376, л. 60].

В 1956–1957 гг. в совхозе имени А. М. Горького Чесменского района Челябинской области на уборке целинного урожая работал один из первых в стране студенческий отряд «Слава труду» из 300–500 бойцов, 35 из которых были награждены медалью «За освоение целинных земель», в том числе будущие профессора Н. Н. Тулькибаева и Н. П. Шмакова, долгие годы преподававшие в институте [7, с. 14]. Большая группа студентов получила грамоты ЦК ВЛКСМ и Обкома комсомола [24, д. 376, л. 65]. Также студенты института принимали участие в сборе средств на строительство памятника героям-комсомольцам в г. Челябинске (известного сейчас, как «Орлёнок»), заработав около 25 тыс. рублей, сдав «сотни тонн металлолома и много макулатуры» [Там же]. Продолжилось тесное сотрудничество с Челябинским тракторным заводом, для рабочих и инженеров которого студенты и преподаватели прочитали свыше 200 лекций на различные темы [Там же]. 30 апреля 1958 г. вышел первый номер институтской газеты «Молодой учитель», что стало знаменательным событием. Советский райком КПСС Челябинска в приветственном послании писал: «Надеемся, что ваша газета будет важным оружием в успешном решении задач по подготовке высококвалифицированных учителей» [18].

Студенты на целине. 1957. Вторая справа Шмакова Н. П.

При А. Г. Карманове был создан спортивно-оздоровительный лагерь «Чайка» на озере Чебаркуль. Для этого пришлось преодолеть много препятствий и трудностей, чтобы получить официальное разрешение на открытие сначала палаточного, а затем и стационарного лагеря. Профкому института была присуждена первая премия в размере 25 тыс. рублей за его строительство и организацию активного отдыха студентов и работников института [24, д. 434, л. 60]. Директор А. Г. Карманов и его заместители, деканы факультетов постоянно занимались развитием физической культуры и спорта, художественного и научного творчества студентов. По итогам 1959–1960-го учебного года спортивный клуб института во всесоюзном конкурсе вузов на лучшую постановку спортивно-массовой работы занял первое место, получив памятный вымпел и большую медаль [Там же]. На городских и областных конкурсах и смотрах представители педагогического института — солисты, хоровые и танцевальные коллективы — занимали победные места. В течение 1960–1961 учебного года студенты института проехали более трёх тысяч километров по 14 районам области, выступив с 40 шефскими концертами на предприятиях городов и на селе, 17 раз — силами агитбригады; особым успехом пользовался спектакль «Дама-невидимка», который был показан 14 раз. Новой формой идейно-политического, профессионального и эстетического

Тяжельников Е. М.
1950-е г.

воспитания студентов стал студенческий клуб, созданный А. И. Лазаревым, представившим 31 выступление [24, д. 450, л. 22]. Спортивных успехов добился легкоатлет Г. И. Чевычалов, участвовавший в 1960 г. в XVII Олимпийских играх в Риме в беге на 400 метров с барьерами. Две золотые олимпийские медали 1960 г. Л. П. Скобликовой принесли институту невиданную спортивную славу [7, с. 17–18].

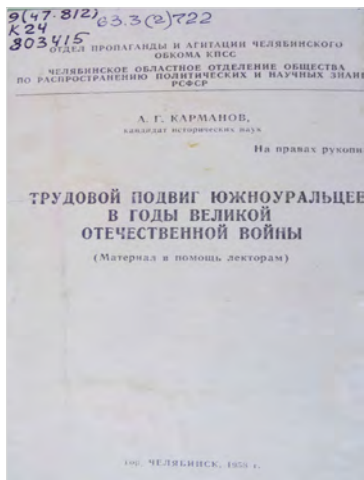
На Историко-филологическом факультете активно действовали студенческие научные кружки. Именно А. Г. Карманов начал прививать студентам активнее работать с архивными документами [24, д. 434, л. 25], выступать с докладами и рефератами, организовав для этого научный кружок по истории СССР [8, с. 40]. Также были созданы кружки: этнографический (рук. А. И. Лазарев), древней истории (рук. Л. Г. Туркина), историко-краеведческий (рук. В. Е. Четин), археологический (рук. Ю. М. Тарасов), истории партизанского движения (рук. М. Д. Машин), диалектологический (рук. Г. А. Турбин). Декан факультета Г. А. Турбин в своём отчёте за 1958–1959 учебный год особо отмечал работу кружков советской литературы, этнографического, истории партизанского движения. Летом и осенью 1959 г. состоялись организованные кружками экспедиции — диалектологическая, этнографическая, археологическая и по местам движения бывших партизанских отрядов на Южном Урале [24, д. 409, л. 104–105].

В характеристике от 11 сентября 1961 г. секретаря Партийного бюро института Е. М. Тяжельникова на А. Г. Карманова при его уходе с поста директора и переводе в Смоленский педагогический институт указано: «За период работы в институте тов. Карманов А. Г. показал себя хорошим организатором и воспитателем коллектива преподавателей и студентов. Тов. Карманов А. Г. принципиально и смело ставил многие вопросы перестройки работы института, настойчиво добивался успешного выполнения постановлений партии и правительства о дальнейшем развитии высшей педагогической школы. ... Тов. Карманов А. Г. принимает активное участие в общественной работе. С 1957 г. является депутатом Челябинского городского Совета ... неоднократно избирался членом Райкома и членом Бюро райкома партии [24, д. 1444, л. 28; 19].

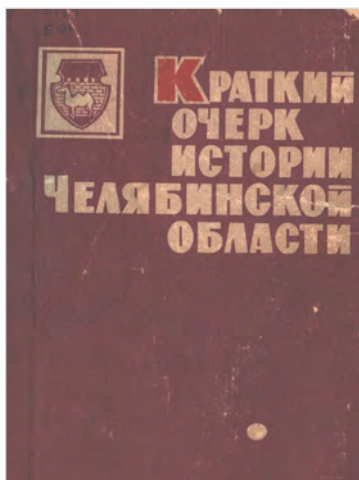
В научной деятельности института А. Г. Карманов также оставил заметный след, став одним из первых исследователей по истории Челябинской области в годы Великой Отечественной войны, защитив в 1955 г. диссертацию «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор патриотического движения рабочего класса в годы Великой Отечественной войны: (На примере Челябинской области)» [24, д. 450, л. 44], по итогам которой решением Высшей партийной школы при ЦК КПСС от 28 апреля 1956 г. ему присуждена ученая степень кандидата исторических наук [24, д. 1444, л. 3], а через два года, 28 ноября 1958 г., утверждён в учёном звании доцента [Там же, л. 6]. В своей кандидатской диссертации А. Г. Карманов остановился на трёх составляющих: во-первых, освещая события начального периода войны, он показал организаторскую и политическую работу Челябинской областной организации ВКП(б) в 1941–1942 гг. по перестройке всей работы на военный лад, раскрыв условия, обеспечивающие коренный перелом в работе тыла; во-вторых, рассмотрена работа партийных организаций в год коренного перелома в войне и, в-третьих, проанализирована организаторская и политическая работа коммунистов Челябинской области в период решающих побед на завершающем периоде Великой Отечественной войны [9, с. 3, 10, 15].

Также отметим и другие его публикации по теме исследования «Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны: (Материалы в помощь лекторам)» [11], а также соответствующие разделы в обобщающих трудах: «Челябинская область за 40 лет Советской власти» — «Трудовые подвиги южноуральцев в годы Великой Отечественной войны» [12, с. 227–274] и «Краткий очерк истории Челябинской области» — «Челябинская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [13, с. 382–426]. В своих работах А. Г. Карманов остановился на трёх составляющих роли Челябинской области в годы войны: во-первых, трудовой подвиг рабочих тяжёлой промышленности; во-вторых, борьба за укрепление боеспособности Красной армии и, в-третьих, всенародная помощь фронту [11, с. 3].

Особо отметим его последнюю публикацию, так как до сих пор изданный в 1965 г. «Краткий очерк» является единственной обобщающей работой по истории Челябинской области. 1 марта 1957 г. А. Г. Карманов написал секретарю Челябинского областного комитета КПСС Ф. М. Шишкалову, что «дирекция Челябинского педагогического института сообщает о том, что среди научных работников нашего института и некоторых других вузов города Челябинска зреет

Карманов А. Г.
Трудовой подвиг

Краткий очерк истории
Челябинской области

план о создании большого коллективного труда о Челябинской области» [24, д. 359, л. 2], который предполагалось подготовить в четырёх томах. «Возглавлять работу, как нам кажется, должна общая редколлегия, находящаяся при Обкоме КПСС. Но для работы над каждым томом должны быть созданы, так сказать, местные редколлегии. К участию в этом большом деле, помимо научных работников вузов, надо будет привлечь работников плановых органов, управлений Облисполкома, трестов и т. п. Финансировать работу должен будет, по всей вероятности, Облисполком. Представляя Вам эти свои соображения, дирекция Челябинского пединститута просит Вас, после ознакомления с ними, созвать неширокое межвузовское совещание, на котором можно было бы организационно оформить планируемое мероприятие, или провести другую работу в том же направлении, какую Вы сочтете целесообразной» [Там же, л. 3].

По её итогам Челябинским обкомом КПСС и Челябинским облисполкомом было принято решение об издании исследования, посвящённого Челябинской области: не только истории, но и географии и современному состоянию сельского хозяйства и промышленности региона. Кафедре истории СССР пединститута была поручена работа над сбором материала по истории области. Одним из авторов исторического раздела был определён А. Г. Карманов [24, д. 457, л. 58 об],

который своим приказом от 27 августа 1958 г. назначил состав редакционной коллегии по изданию первого тома «Челябинская область» [24, д. 359, л. 1].

К сожалению, рукопись, сданная в Южно-Уральское книжное издательство, долгое время не была напечатана — не было разрешения на её публикацию. Поэтому к моменту выхода издания А. Г. Карманов уже покинул Челябинск. Только с приходом Е. М. Тяжельникова в Обком КПСС работа в 1965 г. была издана в сильно сокращённом варианте и под названием «Краткий очерк истории Челябинской области» [1, с. 299], для которого А. Г. Карманов подготовил раздел, посвящённый Великой Отечественной войне. На момент написания очерка он являлся ведущим специалистом по этой теме: «На военный лад перестраивалось всё хозяйство, и область в этом сыграла важную роль — именно сюда были эвакуированы не только люди, но и промышленность в целом, строились новые энергетические и металлургические мощности, вводились в строй новые машиностроительные заводы. Челябинская область непрерывно увеличивала выпуск танковой продукции и других видов вооружения. Находясь глубоко в тылу, она оказала помощь тем районам, которые оказались в зоне боевых действий» [1, с. 299].

Оценивая А. Г. Карманова, как преподавателя, обратимся к его студентам. Выпускник 1949 г., участник Великой Отечественной войны, учитель и завуч школы № 11 Челябинска Е. Е. Колодеж отмечал: «Он поражал феноменальной памятью, читавший с блеском курс истории СССР. Он цитировал источники на память. Был противником «варяжской теории» образования Киевской Руси. Придерживался автохтонной теории происхождения славян. Прекрасно знал историографию. Привил любовь к работе над монографиями. Студенты делали сообщения по крупным историческим трудам. ... Настольной книгой у всех была книга Б. Д. Грекова «Киевская Русь». А. Г. Карманов исключительную роль придавал хронологии. ... на одной из консультаций перед экзаменом он ему задал не менее 30 дат, которые студент ответил с ходу, удивив преподавателя» [26, с. 38–39; 14, с. 12–13]. Профессор Н. П. Шмакова, долгие годы работавшая в вузе, писала, что «студенты восхищались ... живыми и эмоциональными спецкурсами А. Г. Карманова» [35, с. 75].

Оценивая, спустя годы, время, проведённое рядом с А. Г. Кармановым, его студент, коллега по институту и преемник на посту директора, а в будущем — Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников писал, что «имея опыт работы учителем, директором школы,

в Областном управлении народного образования и Обкоме КПСС, деканом и заведующим кафедрой истории СССР, Анатолий Георгиевич энергично включился в дела. Умело привлекал к себе в союзники партком, комитет ВЛКСМ, профком и местком. Его отличала чёткая организация труда, системный подход в учебной, научной и воспитательной работе. В практику вошли «планёрки» — еженедельные оперативные совещания деканов с приглашением заведующих кафедрами, руководителей общественных организаций. На них докладывалось о выполнении планов и поручений, определялись основные направления деятельности на ближайшее время и на перспективу. Эта была очень эффективная форма руководства, которую я затем использовал всюду, где приходилось работать. При А. Г. Карманове заметно укрепилась учебная и трудовая дисциплина. Окрепло творческое сотрудничество многих кафедр со школами, промышленными предприятиями, аграрным сектором области. Особое внимание уделялось подбору и расстановке кадров в вузе» [7, с. 17–18].

Именно при А. Г. Карманове в Челябинском педагогическом институте появилась плеяда молодых, талантливых, жаждущих «нового» преподавателей и студентов. На должность заместителя директора по учебной и научной работе был выдвинут молодой учёный В. Г. Афанасьев. Он известен как автор популярного, много раз переиздававшегося учебника по философии «Основы философских знаний» [5], победившего на всесоюзном конкурсе [24, д. 434, л. 60]. В 1976–1989 гг. занимал должность главного редактора газеты «Правда» [4, с. 14]. В 1958 г. была принята на Естественно-географический факультет молодой талантливый географ М. А. Андреева, ставшая признанным знатоком гидрологии Южного Урала и флагманом южноуральской географии [2, с. 141–142]. В 1960 г. закончила Историко-филологический факультет Н. П. Шмакова, которая вслед за А. Г. Кармановым стала специалистом по истории Челябинской области в годы Великой Отечественной войны, по истории Челябинского тракторного завода [14, с. 27].

В 1956–1960 гг. на Факультете физического воспитания обучалась Л. П. Скобликова, которая с 1 курса начала показывать феноменальные успехи в скоростном беге на коньках [3, № 112]. Под всеми сохранившимися в архиве университета приказами по студентам стоит подпись директора А. Г. Карманова, которые дают возможность не только проследить учёбу Лидии Скобликовой, но и её участие в общественной и спортивной жизни факультета и института, её победу на первенстве среди студентов, об освобождении от занятий на вре-

«Уральская молния»
Скобликова Л. П. 1964 г.

мя участия в Олимпийских играх в Скво-Вэлли. Приказом от 22 января 1957 г. за подписью А. Г. Карманова она в составе институтской сборной лыжников и конькобежцев участвовала в своём первом соревновании — первенстве Министерства просвещения РСФСР в г. Кирове [4, № 3], на котором была одержана первая победа — чемпионка РСФСР по конькам среди девушек. За эту победу 13 февраля 1957 г. директор института А. Г. Карманов объявил Л. П. Скобликовой благо-

дарность за высокие спортивные показатели [4, № 18].

Признанием заслуг Челябинского педагогического института в подготовке квалифицированных учителей стало награждение группы преподавателей в 1961 г. орденами и медалями, А. Г. Карманова — орденом Трудового Красного Знамени [16, с. 394]. К сожалению, в 1961 г. Анатолий Георгиевич по семейным обстоятельствам вынужден был покинуть Челябинск и переехать в Смоленск, а затем в Ульяновск и Горький. В 1961–1962 гг. — заведующий кафедрой истории КПСС Смоленского педагогического института, в 1962–1968 гг. — ректор Ульяновского педагогического института. Именно при нём в Ульяновске в центре города начнут возводить новый учебный корпус, оснащённый современным научным и учебным оборудованием [28, с. 39–40]. В 1968–1975 гг. — проректор на научной работе, в 1975–1980 гг. — ректор, в 1980–1982 гг. — доцент кафедры истории КПСС Горьковского педагогического института [6, с. 129; 21, с. 281–282].

При А. Г. Карманове в Горьковском пединституте значительно вырос уровень научной и педагогической квалификации сотрудников, постоянно возрастало число преподавателей, имеющих учёные степени и учёные звания, — в течение года в среднем защищалось две докторские и от 6 до 12 кандидатских диссертаций. Благодаря созданному в 1973 г. институтскому Совету по научно-исследовательской работе студентов, возглавляемому проректором по науке, расширилась их научно-исследовательская деятельность. В научную работу было вовлечено не менее 60 % студентов института, действовало 62 научных студенческих кружка.

Карманов А. Г. 1990-е гг.

«История и историки:
нам 70 лет»

В 1970-е гг. значительно улучшилась материально-техническая база института, в 1976 г. был введён в строй новый корпус Факультета физического воспитания. Особое внимание уделялось привлечению в институт абитуриентов из сельской местности [6, с. 130–131, 133–135]. Кафедры продолжали научно-пропагандистскую деятельность, особенно в области гуманитарных и психолого-педагогических наук. Вопросы эффективности лекционно-пропагандистской работы кафедр общественных наук были ведущим направлением научной деятельности ректора А. Г. Карманова [21, с. 44]. Признанием заслуг Анатолия Георгиевича в подготовке педагогических кадров стало его награждение в 1970 г. медалью «За доблестный труд», а в 1975 г. — вторым орденом Трудового Красного Знамени [20, с. 129]. Умер А. Г. Карманов в 1999 г. [25, с. 96].

Таким образом, псковичи могут гордиться своим земляком, в разные оды возглавлявшим три педагогических института: Челябинский, Ульяновский и Горьковский, внёсшим заметный вклад в развитие Челябинского государственного педагогического института в 1948–1961-е гг., среднего и высшего педагогического образования Южного Урала, в изучение истории Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Алферова К. В.* «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала // Архив в социуме — социум в архиве: материалы второй региональной научно-практической конференции / Сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск: Б. и., 2019. 384 с. С. 298–300.
2. *Андреева М. А., Кузнецова Е. В.* Концептуальные основы рационального использования водных ресурсов // Проблемы экологии, экологического образования и просвещения в Челябинской области. Тез. докл. VI регионал. науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. 180 с. С. 141–142.
3. Архив Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ). Приказы по студентам. 1956. Д. 99.
4. Архив ЮУрГГПУ. Приказы по студентам. 1957. Д. 100.
5. *Афанасьев В. Г.* Основы философский знаний. Популярный учебник. М.: Соцэкгиз, 400 с.
6. Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею НГПУ: монография / Под общ. ред. Л. Е. Шапошникова. Н. Новгород: НГПУ, 2011. 168 с.
7. Евгений Михайлович Тяжелников. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 248 с. (Серия «Имя в истории ЧГПУ»)
8. История и историки: Нам 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее). Челябинск: ЧГПУ, 2006. 275 с.
9. *Карманов А. Г.* Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор патриотического движения рабочего класса в годы Великой Отечественной войны (На примере Челябинской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Высш. парт. школа при ЦК КПСС. М.: Б. и., 1955. 19 с.
10. *Карманов А. Г.* Наш путь // Молодой учитель. 1960. 29 марта.
11. *Карманов А. Г.* Трудовой подвиг южноуральцев в годы Великой Отечественной войны (Материалы в помощь лекторам). Челябинск: Б. и., 1958. 40 с.
12. *Карманов А. Г.* Трудовые подвиги южноуральцев в годы Великой Отечественной войны // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск: Челяб. кн. изд., 1957. 676 с. С. 227–274.
13. *Карманов А. Г.* Челябинская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Елисеева В. Н.* Краткий очерк истории Челябинской области. [Челябинск]: Юж.-Урал. кн. изд., 1965. 516 с. С. 382–426.

14. Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / Л. Г. Майзель и др. Челябинск: ЧГПУ, 2008. 216 с.
15. *Корицунова Н. В.* Карманов Анатолий Георгиевич // Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2008. Т. 3. К. — Л., 832 с. С. 105.
16. *Корицунова Н. В.* Карманов Анатолий Георгиевич // Челябинский государственный педагогический университет: энцикл. / Гл. ред. и сост. Г. С. Шкробень. Челябинск: Б. и., 2009. 1444 с. С. 393–394.
17. Кто есть кто в Нижегородском государственном педагогическом университете. Научно-справочное издание / Под ред. В. А. Глуздова, А. А. Касьяна. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 168 с.
18. Молодой учитель. 1958. 30 апреля.
19. Наши кандидаты. Карманов Анатолий Георгиевич // Молодой учитель. 1960. 3 марта.
20. Нижегородский педагогический университет: этапы большого пути. 1911–2011 / Отв. ред. Л. Е. Шапошников. Н. Новгород: Изд. НГПУ, 2011. 168 с.
21. Нижегородский педагогический. Страницы истории. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. 313 с.
22. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.Р-1000. Оп. 1 л. Д. 828.
23. ОГАЧО. Ф.Р-1000. Оп. 1 л. Д. 955.
24. ОГАЧО. Ф.Р-1606. Оп. 1. Д. 318.
25. Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета / Под ред. В. В. Латышина, В. Г. Швеммера. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. 171 с. С. 85–96.
26. *Павленко Г. К.* Судьба воина и учителя истории: Е. Е. Колодеж. К 80-летию со дня рождения // Музейный вестник. Вып. 2 (19). Челябинск: ЧГПУ, 2004. 87 с. С. 33–40.
27. Псковская энциклопедия / Гл. ред. А. И. Лобачев. Псков: Псковское региональное общественное учреждение. Издательство «Псковская энциклопедия», 2007. 998 с.
28. Ульяновский государственный педагогический университет — старейший вуз Поволжья. Ульяновск: ОАО «Первая образцовая типография», филиал Ульяновский Дом печати, 2012. 216 с.
29. Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова. Ульяновск: Б. и., 2008. 224 с.
30. Челябинский государственный педагогический университет / Ред. А. Ф. Аменд и др. Челябинск: Б. и., 1999. 191 с.

31. Челябинский государственный педагогический университет. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 272 с.
32. Челябинский государственный педагогический университет: энцикл. / Гл. ред. и сост. Г. Е. Шкребень. Челябинск: Б. и., 2009. 1444 с.
33. Челябинский педагогический ... 80 лет успеха / Сост.: В. В. Садырин, Д. Е. Филиппов, Е. В. Озорнина. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2014. С. 296.
34. Шкребень Г. С., Новиков И. А. Исторический факультет ЧГПУ — путь в 75 лет // Вестник Челябинского областного общества краеведов. Вып. 17. Спецвыпуск «Музейного вестника ЧГПУ» Школа профессионального мастерства учителей истории и краеведения: материалы обл. ист.-краев. пед. чтений, посв. 75-летию исторического факультета ЧГПУ / Сост. И. А. Новиков, Д. А. Алпатиков; Науч. ред. В. М. Кузнецов, С. Н. Трошков. Челябинск: «АБРИС», 2011. 156 с. С. 6–22.
35. Шамова Н. П. Вузы Южного Урала: страницы истории ЧГПУ // Истор. чтения: Матер. науч. конф. Центра истор.-культ. наследия г. Челябинска «Культура Челябинска: поиски и находки» (1998). Челябинск: Центр истор.-культ. наследия г. Челябинска, 2000. 296 с. С. 74–78.

А. С. Тимофеев

ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».

E-mail: mic.art.ron@gmail.com

М. А. Антипова

Руководитель

ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».

E-mail: knijnicc@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ УВЕКОВЕЧИВАНИИ ПАМЯТИ ЮНОГО ПАРТИЗАНА ЛЕОНИДА ГОЛИКОВА

Представлена информация об увековечивании памяти о партизане Леониде Голикове, отсутствующая в СМИ и интернет-ресурсах, посвящённых партизану-герою.

Ключевые слова: *Лёня Голиков, партизан, корабль «Лёня Голиков», проект 301, память, Великая Отечественная война.*

Биография и описание подвига Лёни Голикова общеизвестны [1–3]. Перечислены памятники, улицы, переулки, носящие его имя, и корабль ВМФ «Пионер Лёня Голиков», переданный Новгородскому клубу юных моряков [4].

Работая в рамках проекта «Люди и корабли», я столкнулся с информацией, которая никак не представлена в СМИ и на сайтах, посвящённых юному партизану Лёне Голикову, памяти о нём.

Цель моей работы — дополнить информацию об увековечивании памяти Леонида Голикова. Работа велась в рамках проекта «75-летие Победы в Великой Отечественной войне» (руководитель преподаватель Антипова М. А.) ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».

В ходе вышеуказанной работы выяснилось, что не только один из кораблей ВМФ, переданный Новгородскому КЮМу, носил имя Лёни Голикова, — была построена целая серия кораблей гражданского флота типа «Пионер», проект 301, одним из кораблей которого был теплоход его имени [5]. Проект был разработан в КБ судовой верфи «Neptun» (ГДР, г. Росток). Серия строилась на этой же верфи в 1967–1972 гг. Всего было построено около 30 кораблей — все для ММФ СССР. В состав этой серии судов типа «Пионер» входили: «Пионер» — головное, «Валя Котик», «Лёня Голиков», «Зина Портнова»,

Герой Советского Союза
Лёня Голиков

«Марат Казей», «Лара Михеенко», «Саша Ковалёв», «Саша Кондратьев», «Галя Комлева», «Вася Шишковский», «Витя Хоменко», «Пионерская правда», «Коля Мяготин», «Юта Бондаровская», «Саша Бородулин», «Валерий Волков», «Вася Коробко», «Нина Куковерова», «Толя Шумов», «Нина Сагайдак», «Шура Кобер», «Боря Цариков», «Витя Чаленко», «Витя Ситница», «Толя Комар», «Павлик Ларишкин», «Тоня Бондарчук», «Аркадий Каманин», «Володя Щербацевич», «Саша Котов», «Пионерская зорька».

Удалось найти чертежи корабля этого проекта [6] и схему его устройства [7].

Тип судна «Лёня Голиков»: теплоход, сухогруз. Оно двухпалубное, с баком и удлинённым ютом, с надстройкой и машинным отделением, смещёнными в корму, с наклонным ледокольным носом и крейсерской кормой. Назначение: перевозка генеральных грузов. Район плавания: неограниченный. Дальность плавания: 6000–8000 миль. Экипаж: 34 человека (запасных мест — 11).

Технические данные:

Валовая вместимость: 3601 (брутто/регистрационные тонны)

Дедвейт: 4668 т.

Длина: 105,69 м.

Ширина: 15,60 м.

Высота борта: 8,00 м.

Осадка: 4,53/6,79 м.

Марка ГД: дизель MAN «K6Z 57/80A3» (ФЭБ «Машиненбау», г. Хальберштадт, ГДР).

Мощность ГД: 1 х 3250 л. с. (1 х 2390 кВт).

Скорость: 13,8/14,8 узлов.

4 грузовых трюма общей вместимостью 6060 куб. м (киповая), 6608 куб. м (насыпью).

8 лёгких грузовых стрел грузоподъёмностью по 5,0 т.

2 тяжеловесные грузовые стрелы грузоподъёмностью 20,0 т и 40,0 т.

Теплоход «Лёня Голиков»

На сайте Дальневосточного Морского пароходства (FESCO) удалось выяснить, что судно «Лёня Голиков» было построено в 1968 году в ГДР. Строительный номер 1227. В Дальневосточном Морском пароходстве находилось с 1968 по 1995 год. Порт приписки — Владивосток, затем — Находка. В 1996 году владелец судна Kovsheq Ltd переименовал судно и под новым названием «Санта» в середине 90-х годов оно было продано. К настоящему времени судьба этого корабля не установлена [8].

Кроме того, была ещё серия кораблей типа «Юный партизан», проект 740/2В, Румыния, 1974–1977 гг. На одном из кораблей этого типа («Вася Стабровский») ходил мой отец Тимофеев Станислав Евгеньевич в качестве судомеханика (моторист 1 класса). Перевозили пакетированный груз, хлопок в тюках, удобрения, чай листовый. Порт приписки корабля был Вентспилс. Впоследствии корабль был утилизирован в Пакистане.

В заключение хочу отметить, что вышеуказанные сведения о кораблях данных типов и, в частности, о корабле «Лёня Голиков» проекта 301 типа «Пионер» расширяют информационные возможности популяризации исторического прошлого и являются актуальными в связи с празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Бологов А. А.* Псков: Путеводитель. 3-е изд. Л.: Лениздат, 1988. С. 140.
2. [Электронный ресурс]: URL: https://pskov.aif.ru/society/people/naveki_16-letniy_75_let_nazad_pod_dedovichami_pogib_lenya_golikov — Еженедельник «Аргументы и Факты» № 5. АиФ-Псков 31/01/2018; доступ свободный.
3. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.province-pskov.ru/province/2011/36/492> — ПСКОВСКАЯ ПРОВИНЦИЯ. № 7 (9501), 23/02/2011; доступ свободный.
4. [Электронный ресурс]: URL: <https://ruspekh.ru/people/item/golikov-leonid-aleksandrovich>. Память о Лёне Голикове; доступ свободный.
5. [Электронный ресурс]: URL: <http://forums.spr.wrk.ru/topics/63121/best/48.html> — форум «Суда ММФ СССР»; доступ свободный.
6. [Электронный ресурс]: URL: <https://2014.f.a0z.ru/03/03-3388449-sukhogruz-pionerskaya-pravda.jpg> — чертёж корабля проекта «Пионер»; доступ свободный.
7. [Электронный ресурс]: URL: <https://konspekta.net/leksiiorimg/baza9/6503554801305.files/image193.jpg> схема сухогруза; доступ свободный.
8. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fesco.ru/about/history/fleet-roll/12217/> ДВМП Fesco; доступ свободный.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

УДК 908

Р. Г. Чернов

Союз краеведов России. Псков, Россия.

E-mail: kuschey2006@yandex.ru

БАКУНИНСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ИМЕНИЯ АННИНСКОЕ СЕБЕЖСКОГО УЕЗДА

Статья рассматривает историю имения Аннинское — одного из крупнейших и богатейших имений Себежского уезда в период с начала XVIII в. и до момента его продажи Бакуниными представителям польского дворянского рода Корсаков. Представлены новые материалы, часть из которых переведена с польского языка автором статьи. Работа открывает собой цикл статей по истории имения Аннинское, в перспективе — и других имений Себежского уезда.

Ключевые слова: Себежский уезд, имение, усадьба, Пётр Васильевич Бакунин (меньшой), Корсак, Немирович-Щит, Нищанское войтовство, Лиснянское войтовство, Клещинское войтовство.

Аннинское (Аннинск, Волино) — ранее имение в Себежском уезде Витебской губернии, ныне деревня в Долосчанской волости Себежского района Псковской области.

В XVIII веке территория имения Аннинское входила в состав Нищанского войтовства¹. Наиболее раннее упоминание этого войтовства в обнаруженных польских источниках относится к 1700 г., когда оно было исключено из состава королевских столовых имений и выведено из Полоцкой экономии. Изначально этими землями завладели представители рода Слушек (Słuszkowie) [14]. Одним из них был Доминик Михаль Слушка (1655–1713), получивший в 1686 г. должность полоцкого воеводы, а в ноябре 1700 г. бывший одним из командующих ополчением литовской шляхты в битве с Сапегами под

¹ Войтовство (староство) — одна или несколько деревень, которые были под надзором войта. Войт — городской глава либо выборный староста, или старшина в сельском округе.

Олькениками² [18]. Тогда же, около 1700 г., Доминик Слушка передал имения Нище и Клястицы Кшиштофу Бенедикту Немирович-Щиту (1660–1720), бывшему ротмистром панцерной хоругви (100 конных), выставленной от полоцкого воеводства для борьбы с Сапегами и, во главе её, также участвовавшему в Олькенинском сражении [20]. От своей второй жены, Анны Завиша-Кежгайло герба Лабендзь (1660–1736), Кшиштофу Бенедикту было передано также право на ясновское староство в Жемайтии, а 2 февраля 1717 г. вместе супруги получили консенс для сына Йозефа на имения Нищу, Клястицы, вотчину Лисно с деревнями Хоцемичи и Глинце. В сентябре 1744 г., также по консенсу, этот надел перешёл в собственность сына Йозефа — Кшиштофа Немировича-Щит герба Ястрженбец [19]. В его ведении эти земли пребывали вплоть до раздела Польши в 1772 году [16]. Нужно отметить, что в этот период речь идёт о землях Нищанского войтовства, — конкретно имение Аннинское не упоминается.

При разделе Польши в 1772 году Кшиштоф Щит отказался присягнуть на верность императрице Екатерине II, а вместо этого удалился в свои польские имения [20]. Его вотчины — войтовства Нищанское, Лиснянское и Клецинское (Клястицы) были сперва переданы в ведение казны, а год спустя, в 1773 г., их, за заслуги в воспитании цесаревича Павла, получил граф Никита Иванович Панин [9]. На следующий год он поделился монаршим подарком, пожаловав земли своим секретарям: Петру Васильевичу Бакунину-меньшому достался из Нищанского войтовства Окулинский десяток — с центром в Аннинском, а также часть Лиснянского войтовства — с центром в Лисно; оставшаяся часть Нищанского войтовства (Залуцкий десяток) — с центром в Рыкове и Лиснянского войтовства — с центром в Изубрице — были пожалованы писателю Денису Ивановичу Фонвизину; Клецинское войтовство — с центром в Клястицах и Хоцимицкий десяток, в полном объёме стали владениями Якова Яковлевича Убри. Условия раздела имений и согласованные границы владений сохранились в копии договора 1774 года, заключённого между собой тремя секретарями Панина, отложившегося в фонде Вяземских³ в РГАЛИ

² Битва под Олькениками состоялась 18 ноября 1700 г. Ключевое сражение в ходе гражданской войны в ВКЛ — Феодалной войны 1697–1702 гг., по итогам которого представители доминирующего в ВКЛ рода Сапег и их сторонники были разбиты коалицией шляхты и вынуждены бежать в Пруссию.

³ Князь Пётр Андреевич Вяземский — первый биограф Д. И. Фонвизина. Его труд «Фонвизин» был впервые издан в 1848 г. Довольно странно, что, имея копию договора панинских секретарей, он не стал использовать её

[13]. Кроме того, количественные данные по этим имениям и сведения об их принадлежности Петру Бакунину указаны в описях РГАДА к плану генерального межевания [10, 11].

Информация об Аннинском в многократно переизданном в советское время путеводителе по Псковской области ограничивается скудным упоминанием [17], что имением ранее владели Бакунины, однако никаких конкретных сведений по бакунинскому периоду не приводится. В фондах ГАПО удалось обнаружить несколько актовых записей себежского уездного суда, прямо относящихся к этому времени.

Первый документ [3] представляет собой запись контракта, заключённого между Петром Васильевичем Бакуниным и Степаном (Стефаном) Тимофеевичем Корсаком, сыном полоцкого будовничего⁴ [6], 25 февраля 1785 года. Последнему в ведение на трехлетний срок передавались деревни в Нищанском войтовстве Себежского уезда и Лиснянском войтовстве Дриссенского уезда. Он обязался следить за деревенской и домашней экономией и всячески защищать интересы Бакунина. За свои труды Стефан Корсак получал ежегодно по третям сто рублей деньгами, 6 четвертей ржи, 1 четверть гречневой крупы, 1 четверть гороха, 2 пуда коровьего масла, 4 баранов, 2 свиньи, 1 корову для молока на господском корме, 1 быка или корову на мясо, 3 четверика конопляного семя, 6 вёдер хлебного вина, 1 девку и 1 бобыля прислуги на господском хлебе, пару лошадей для разъездов по делам хозяйства или по приказу владельца, на его содержании и, сверх того, квартницу дров.

Ещё один документ [2], датированный февралём 1785 года, представляет собой список пунктов, данных Стефану Корсаку для исполнения. Непосредственно к себежским имениям относятся пункты: *«1. скотный дом построить приказали в Аненском на мызе,*

в итоговой версии издания. Тем не менее, сам документ отложился среди его бумаг в фонде Вяземских в РГАЛИ.

⁴ Будовничий осуществлял на вверенной территории попечительство над общественными зданиями. Упоминание Степана Тимофеевича Корсака как *«будовничича полоцкого»* встречается в актовой записи из книги Себежского уездного суда за 1791 г. Современный польский генеалог Марек Ежи Минаковский указывает будовничим полоцким Игнатия Корсака ~ 1740 г. р. Однако у Игнатия был родной брат Тадеуш (Тимофей) — скрабник полоцкий (1767), подчасий полоцкий (1775–1785), виленский земский судья (1787). Данных о его детях Минаковский не приводит, но если Степан Корсак с ним в родстве, то и в дальнем родстве и с Корсаками, которые владели имением Аннинск после Бакунина, т. к. обе ветви восходят к единому предку — Яну Корсаку, полоцкому хорунжему ~1500 г. р.

также и риги, потому что которые есть тые очень малы; 2. на Петровской мызе построить риги; ... 30. кирпичи приказали в Анинском делать...» и далее указаны дополнительные комментарии владельца по этим пунктам: «1. строение делать только нужное и стараться оным сколько можно меньше отягощать крестьян; 2. то же что на первый пункт, овин лучше риги; ... 30. хорошо из них делать от времени до времени хозяйские строения...». Эти пункты указывают на то, что на 1785 год и Аннинское, и Петровское являлись мызами, т. е. по сути хуторами: хозяйственные постройки в них имелись, но были очень малы и нуждались в расширении; было организовано кирпичное производство, продукцию которого предполагалось пустить на возведение хозяйственных построек. Всё это косвенно может указывать на то, что оба имения образовались непосредственно при Бакунине. Этот же документ позволяет понять положение бакунинских крестьян, так как содержит указания, необходимые для исполнения во всех имениях себежского и дриссенского уездов: «...27. крестьян, которые без продажи всякого скота могут платить оброк приказали сажать на оный; 28. крестьянам, которые живут во дворе нашем приказали быть плате; ... 32. деньги подушные приказали самим крестьянам собравши платить и квитанции получать или собирать на мызе мне (т. е. Корсаку — прим. автора) ...». Упоминают пункты и некоего Жарова⁵, судя по всему, прежнего управителя либо эконома, который собирал с крестьян, сверх положенного, по четверти ржи, на что Петром Бакуниным было приказано провести расследование, а позже предписано, что все излишки, взятые с крестьян, Жаров должен был отдать Стефану Корсаку водкой.

1 февраля 1786 года датирован третий документ [4], представляющий собой контракт Петра Васильевича Бакунина с белорусским шляхтичем и содержанием Долосчанской почтовой станции Осипом Петровичем Туловским. Согласно договору, он обязывался на три года принять управление белорусскими фольварками Петра Бакунина в Себежской и Дриссенской округах Полоцкого наместничества, а именно «фольварки Анинской, Петровской и Лиснянской со всеми к ним принадлежащими деревнями, в коих по второй переписи тысяча шесот девяноста душ мужеска пола». Осип Туловский обещал не только сохранять их в хорошем состоянии, но и приводить из года в год в ещё более лучшее, для чего принял на себя обязательства: иметь

⁵ В актовых книгах Себежского уездного суда есть несколько записей периода 80-х гг. XVIII в., упоминающих российских войск прапорщика Степана Васильевича Жарова, однако без привязки к Петру Бакунину.

попечение о наилучшем использовании земель, об утучнении полей, о хорошем содержании конского завода, рогатого и прочего скота. Старый и неспособный к приплоду скот надлежало откармливать и продавать. Также управитель был волен продавать весь скот, молоко, творог, сыр и масло, шерсть, молодую птицу и всё это, с прочими доходами, записывать в приход.

Но не только ведение сельского хозяйства поручалось новому управителю. В сферу его обязанностей входила также забота об увеличении полезного винокурения. Продукцию винокурень предполагалось продавать оптом, либо в розницу, в зависимости от наиболее выгодного предложения. Брагу, необходимую в процессе винокурения, предполагалось также использовать для содержания домашнего скота, господских волов для продажи, либо чужих волов за плату. В ведении управителя оставалась и продажа вина, пива, мёда и других товаров в корчмах в пользу владельца.

Отдельно контрактом оговаривались взаимоотношения с крестьянством и служащими. Осипу Туловскому запрещалось вводить в деревнях какие-либо новшества без ведома Петра Бакунина, а также отягощать крестьян какими бы то ни было поборами, либо работами сверх установленной хозяином нормы. Для нужд господского дома и на господское содержание Осипу Туловскому не позволялось брать лишних людей, а иметь лишь действительно необходимых. При потребности в новом работнике или работнице, выбирать их предписывалось из бобылей и других не занятых крестьян, не отбирая их из семей. Управитель принимал на себя ответственность за работу и лояльность местного писаря и *«всяких других частных смотрителей»*, которых имел право выбирать из вольных людей и обязан был содержать на свои средства. Наказание крестьян было прописано особым пунктом, которым предписывалось применять его с осмотрительностью и человеколюбием, совершившим же уголовные преступления меру наказания должен был назначать суд. О беглых крестьянах контрактом предписывалось подавать явки через три дня, если речь шла о собственных крестьянах. Чужих беглых нельзя было принимать и запрещалось содержать. О непригодных для работы из-за лени или пьянства крестьянах управитель должен был сообщать хозяину с тем, чтобы он нашёл возможность их употребления в других направлениях.

Контракт предъявлял Осипу Туловскому требования к ведению отчётности. По вступлению в должность он должен был провести ревизию всему имеющемуся хлебу, рогатому скоту и птице и немед-

ленно прислать её результаты Петру Бакунину. В ходе своей работы в качестве эконома Осип Туловский должен был завести приходные и расходные книги для записи денег, хлеба, вина, скота и прочего, а также окладную книгу на крестьян. Ежемесячно он предоставлял отчёт нанимателю либо его уполномоченному. В марте каждого года требовалось подавать годовые отчёты. Деньги с имений Петру Бакунину передавались дважды в год в ноябре и марте. По истечении срока договора, через три года, Осип Туловский должен был отдать нанимателю ровно такое же количество по каждой из статей, какое было им принято при вступлении в должность управителя и эконома. Со всего, что через три года имело бы количество сверх изначального, Осипу Туловскому позволялось взять десятую часть.

«Десятая деньга» полагалась эконому в награду со всех доходов, включая крестьянский оброк, за вычетом податей в казну; чистой прибыли от продажи вина и аренды корчем, если они будут сдаваться арендаторам; от продажи хлеба, льна, скота и птицы, исключая доходы от продажи лошадей. Свою плату Осип Туловский должен был получать следующим образом: в ноябре и в марте месяце, в случае если доходы, за вычетом домашних расходов и без учета затрат на содержание «вольных людей», бывших на обеспечении эконома, составят одну тысячу рублей, полагалось девятьсот рублей передать Петру Бакунину или его уполномоченным, а сто рублей управитель мог взять себе, записав их по личной статье расхода. По ней же отражалось всё, что Осип Туловский употреблял для собственных нужд из числа хлеба, вина, фуража и другого имущества своего нанимателя. В марте полагалось заканчивать годовую отчётность. Доходом, по контракту, признавались все деньги, получаемые с порученных эконому деревень, за вычетом податей в казну. Их должно было аккуратно уплачивать, не допуская недоимок. Отдельно эконому поручался контроль за отсутствием излишних требований и поборов со стороны духовенства, в случае подобных прецедентов, предписывалось оповещать Петра Бакунина и направлять сведения о них епископу.

Следующим обнаруженным документом является заключённый 6 мая 1786 года договор Осипа Туловского с евреем Гиршем Авсейовичем на аренду корчмы в деревне Грибельцы (относящейся к имению Аннинское), сроком на два года, считая от 1 февраля 1786 года. Корчма передавалась в ведение арендатора со всем имеющимся на дату заключения строением за суммы: в первый год — 110 рублей, а во второй — 140 рублей. Сумма в каждом году должна была оплачиваться двумя частями: в 1786 году в августе месяце 27 рублей

50 копеек за неполный год и в последних числах января 1787 года оставшиеся 82 рубля 50 копеек. За второй год — в те же сроки равными частями по 70 рублей. Плата допускалась серебром или ассигнациями. Арендное право распространялось на жителей деревень: Дроздова, Малая Селиба, Вартовица, Паскробки, Терехи, Язвина Большая, Язвина Малая, Мощона, Мятищи и Уклейница. Крестьяне этих деревень обязались покупать у арендатора вино, мёд, пиво и табак за наличные деньги, при этом им запрещалось, без дозволения Гирша Авсейовича и господского двора, самим заниматься винокурением либо покупать напитки в других корчмах, под страхом наказания. Арендатору позволялось отпускать напитки в долг, но не более чем на 1 рубль всякому хозяину, а беднейшему из них — на 50 копеек в год. Напитки для корчмы арендатор получал от господского двора и должен был иметь для них запечатанные ёмкости. Цена для хлебного вина устанавливалась равной 30 копейкам за гарнец, мелочными же мерами — аналогично ценам в окрестных корчмах. В случае снижения цены на хлеб в следующем году, предписывалось продавать гарнец по 35 копеек, а мелочными мерами так, чтобы гарнец выходил по цене 40 копеек, то есть имела место спекуляция. Гирш Авсейович отвечал за качество своего товара. В случае, если на него поступала жалоба, что его напитки хуже, чем в окрестных корчмах, что он применяет неверную меру и жалоба эта была доказана, он должен был платить штраф, размер которого устанавливался господским двором соразмерно преступлению. Арендатор обязался содержать корчму и ставку (квартиру) в чистоте и исправности. Важнейшей же задачей по содержанию корчмы было уберечь её от возможного пожара. Если бы пожар произошёл, то Гирш Авсейович обязался бы на свои средства отстроить корчму заново в трёх-четырёхмесячный срок, не требуя от господского двора ни малейшей помощи. Ему предписывалось не причинять притеснений крестьянам, а в случае нападков от них — искать справедливости и защиты у господского двора. Также позволялось совершать разъезды для поиска должников и сбора долгов, а в случае необходимости, арендатор мог требовать помощи в этом от господского двора.

Бакунины владели Аннинским всего 22 года. Получивший имение Пётр Васильевич Бакунин-меньшой застал из них лишь 12 лет, покинув этот мир 16 мая 1786 г. Оставшиеся 10 лет пришлось на наследовавшего ему сына камер-юнкера Модеста Петровича. Исходя из содержания обнаруженных документов, можно заключить, что он не стал менять сути порядков, установленных отцом, однако несколько

расширил и осовременил их. Так, 1 февраля 1788 г. уполномоченный управитель прапорщик Митрофан Иванов заключил контракт на аренду корчем с уже известным нам Гиршем Авсейовичем и другими мещанами-иудеями: Лейбой Нотковичем и его братом Абрамом; Гиршем Еселейовичем, с его товарищем Герцем Фалковичем; Йоской Берковичем и его братом Евсегом. Условия остались прежними, как и при Петре Бакунине, а география заметно расширилась — помимо Гребелецкой корчмы, в аренду передавались Луковская, Цилюзинская, кабацкая Салковишки в Себежском уезде, а в Дриссенском — Лиснянская корчма с выставками⁶ [5]. Ещё одним примером преемственности может служить религиозный аспект. Так, презентом от 28 февраля 1780 г. Пётр Бакунин и Денис Фонвизин просили полоцкого архиепископа Ясона Смогоржевского о назначении в униацкую Нищанскую церковь Покрова Богородицы, к приходу которой относились их крестьяне, рекомендованного им ксёндза Фёдора Антоновича Тыволовича [1]. Просьба эта была исполнена, в описях к планам генерального межевания указано, что на 1785 год церковный надел принадлежал именно ему [12]. Модест Петрович Бакунин, в свою очередь, подал аналогичное прошение 30 ноября 1791 г. в адрес полоцкого архиепископа Ираклия Одровужа Лисовского с просьбой на вакантное место настоятеля церкви утвердить сына Фёдора Тыволовича — Ивана, по знаниям и поведению своему достойного отцовского сана, места и должности [7].

Бакунинский период истории имения Аннинское завершился 8 августа 1796 года, когда Модест Петрович совершил купчую крепость [8] с сыном Трояна Корсака — шамбеляном⁷ польского двора, а на 1805 год — себежским уездным предводителем дворянства [15], Эзуебиушем Корсаком, продав ему все земли, полученные отцом от графа Никиты Панина, с имеющимися в этих вотчинах господски-

⁶ Выставка — здесь: место временной винной продажи.

⁷ Шамбелян — первоначально, высокопоставленный чиновник при французском дворе, позже титул был принят при дворах многих стран Европы. В Речи Посполитой введён в годы правления Яна III Собеского (польский король с 1674 по 1696 гг.). Титул по содержанию вначале был близок к камергеру или подкаморию монаршего двора, а со времени Станислава Августа Понятовского (польский король с 1764 по 1795 гг.) стал просто почётным придворным титулом. Во время проведения придворных церемоний шамбелян (если был на тот момент в столице) находился при королевских покоях для особых поручений. Отличительной чертой шамбеляна был особый образом расшитый мундир и позолоченный ключ, висящий сзади на левом бедре.

ми дворовыми, гуменными, брагиварными и прочими строениями, с разным скотом и птицей; со всей хозяйской и брагиварной посудой и иным имуществом; со всем имеющимся в наличии и посеянным в земле ржаным и яровым хлебом, со всеми принадлежащими к вотчинам пахотными и непахотными землями, санными покосами, лесами, озёрами (с возможностью использовать озёра, находящиеся в общих владениях), реками, мельницами, корчмами и прочими угодьями; со всеми крестьянами, указанными по третьей ревизии: в Нищанском войтовстве — 1019, в Лиснянском войтовстве — 197 мужского пола душами с их жёнами, братьями, племянниками и прочими, рождёнными после ревизии и прибывшими в имения при иных обстоятельствах и находящихся на момент продажи в бегах. По Генеральному межеванию проданное имение включало в себя в Себежском уезде при вотчине Аннинске с фольварками удобной, неудобной земли и лесов 8655 десятин 865 саженой и в Дриссенском уезде при войтовстве Лиснянском 5847 десятин 532 сажени. За всё проданное имение Модест Бакунин получил от Эузебиуша Корсака 88 тысяч рублей. Так началась новая глава, эпоха Корсаков, продлившаяся до самой революции 1917 г. и, несомненно, достойная отдельного исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед.хр. 3, Лл. 174–175 об.
2. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 11, Лл. 17–20 об.
3. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 11, Лл. 23–24 об.
4. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 11, Лл. 110–115.
5. ГАПО, ф. 836, Оп.2, Ед.хр. 13, Лл. 1–2 об.
6. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 17, Лл. 67, 68.
7. ГАПО, ф.836, Оп.2, Ед.хр. 18, Лл. 9–10 об.
8. ГАПО, ф. 836, Оп. 2, Ед. хр. 21, Лл. 50–53 об.
9. РГАДА, ф. 248, Оп. 64, Ед. хр. 5607, № 14, Лл. 122–128.
10. РГАДА, ф. 1354, Оп. 38, Ч. I, л. 12.
11. РГАДА, ф. 1354, Оп. 42, Ч. I, л. 1.
12. РГАДА, ф. 1354, Оп. 42, Ч. I, л. 22.
13. РГАЛИ, ф. 195, Оп. 1, Ед. хр. 1154, Лл. 1–9.
14. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: w 15 t. / red. F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski. Warszawa: Druk "Wieku", 1880–1902. t. 4. Warszawa, 1883. 119 str.
15. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: w 15 t. / red. F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski. Warszawa: Druk "Wieku", 1880–1902. t. 10 / B. Chlebowski, W. Walewski, według materiałów F. Sulimierski. Warszawa, 1889. 488 str.

16. Жукович П. Н. Сословный состав населения западной России в царствование Екатерины II. Часть I. Дворянство восточной Белоруссии / П. Н. Жукович // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. LV. 1915. № 1 (январь). С. 89
17. Никитин Е. И. Себеж / Е. И. Никитин // Достопримечательности Псковской области. Издание третье; Сост. Л. И. Маляков; Под ред. В. П. Краснопевцева. Л.: Лениздат, 1981. С. 308
18. Internetowy Polski słownik biograficzny / Dominik Michał Słuszka h. Ostoja. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/dominik-michal-sluszka-h-ostoja>
19. Internetowy Polski słownik biograficzny / Józef Szczytt Niemirowicz h. Jastrzębiec [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/jozef-szczytt-niemirowicz-h-jastrzebiec-1>
20. Internetowy Polski słownik biograficzny / Krzysztof Benedykt Szczytt Niemirowicz h. Jastrzębiec [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/krzysztof-benedykt-szczytt-niemirowicz-h-jastrzebiec>
21. Internetowy Polski słownik biograficzny / Krzysztof Szczytt Niemirowicz h. Jastrzębiec [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/krzysztof-szczytt-niemirowicz-h-jastrzebiec>

**УЧАСТИЕ ПСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГУБЕРНИИ, УЕЗДОВ
В 1-й ПОЛОВИНЕ XIX в.**

В статье рассматриваются вопросы общественной деятельности псковского дворянства в 30–50-е гг. XIX в. В заключение указывается, что формально в Псковской губернии были различные формы участия дворянства в самоуправлении, но к середине 50-х гг. XIX в. количество дворян, имевших возможность реально влиять на решение вопросов, значительно сократилось.

Ключевые слова: Псковская губерния, дворянство, дворянские собрания.

Согласно Жалованной грамоте, дворяне каждой губернии составляли особое общество со статусом юридического лица и с соответствующими привилегиями и атрибутами — правом владеть имуществом и капиталом, заключать имущественные сделки, вступать в обязательства, иметь собственное помещение для собрания, печать, делопроизводство и архив [7]. Представительными органами дворянского общества являлись губернские и уездные собрания. Участвовать в Собрании можно было в трёх формах: 1) присутствовать; 2) пользоваться пассивным избирательным правом — занимать выборную должность и голосовать за решения, принимаемые дворянскими собраниями, но без права выбирать должностных лиц; 3) пользоваться активным избирательным правом — голосовать, выбирать и быть избранным на должности [7]. На собраниях избирались депутаты, предводители дворянства, секретари, заседатели дворянской опеки, решались вопросы, предложенные правительством, заслушивались предложения губернаторов, распределялись земские повинности [7]. Присутствовать в Дворянском собрании имели право все потомственные дворяне мужского пола, записанные в родословную книгу губернии [10]. Правом голоса пользовались лишь лица, имевшие чин не ниже обер-офицера, не моложе 25 лет и владевшие деревнями в уезде или губернии, имевшие ежегодный доход не менее 100 р. [11]. Таким образом, для членов Собрания устанавливались цензы: сословный, возрастной и имущественный.

Раз в три года глава семейства мог принять участие в дворянском съезде, иногда входил в какую-нибудь комиссию Депутатского собрания, но всё это несло хлопоты и затраты. Выгоды от выборной службы не было, и в целом она сельских хозяев мало волновала. В конце XVIII в. был составлен список дворян Псковской губернии, которым предстояло принять участие в выборах губернского депутатского правления, но многие из них отказались приехать в Псков, ссылаясь на занятость по службе, болезни, невозможность отлучаться из дома [6]. Свою неявку на собрание дворянин должен был объяснить и уведомить об этом уездного предводителя дворянства письменно с объяснением причин. Дворянское собрание решало, считать ли эти объяснения удовлетворительными. За неявку дворянину могло быть вынесено замечание, денежное взыскание. Если же дворянин не являлся на собрания регулярно, то его могли временно из него исключить [9]. Известно, что на губернские выборы 1850 г. из восьми уездов Псковской губернии прибыло 114 представителей. Самое большое количество приехавших было из Новоржевского и Великолукского уездов — 20. Из Опочецкого — 16, Порховского — 15, Псковского и Островского — по 14 представителей, Холмского — 9, Торопецкого — 6 человек [3].

Дворянское собрание систематически на очередное трёхлетие утверждало смету доходов и расходов. Такой документ на 1835–1838 гг. был подписан гражданским губернатором Пещуровым, губернским предводителем дворянства Яхонтовым, вице-губернатором Деденёвым и управляющим делами удельной канцелярии Набоковым. Размер доходов составлял 1 256 339 руб., а расходов — 1 201 194 руб. [8].

Указом Екатерины II в 1778 г. для управления были учреждены депутатские Дворянские собрания, в него входили «депутаты от дворян, которых выбирали по одному от каждого уезда на 3 года» [13]. Председательствовал в Дворянском депутатском собрании губернский предводитель дворянства. Известно, что в 1853 г. им был камергер двора Его Императорского Величества действительный тайный советник Николай Сергеевич Беклешов [8]. Основными задачами Депутатского собрания являлись ведение дворянских книг, рассмотрение прав на дворянство и выдача необходимых документов.

Дворянское депутатское собрание рассматривало различные вопросы. Например, в начале XIX в. оно обсуждало кандидатуры молодых дворян, желающих обучаться в Сухопутном корпусе с последующим поступлением на военную службу: таковых оказалось 22 человека. Сыновья мелкопоместных дворян при этом направлялись на

учёбу за счёт губернии [6]. В 1806–1820 гг. производилась массовая запись дворян в Псковскую родословную книгу. Всех занесённых в неё Дворянское собрание утверждало в дворянстве [6]. В годы правления Николая I появились «Журналы присутствий дворянских собраний» с указанием дат заседаний, повестки дня и постановлений. Сохранился журнал присутствий Псковского губернского дворянского собрания за 1832 г. Этот журнал начали вести 7 января, последняя запись была сделана 25 октября 1832 г. [1]. Просматривая протоколы собраний, можно заметить, что основная часть дел касалась прошений о внесении в родословную книгу по новым правилам. Дворянским собранием также вёлся «Настольный реестр нерешённых дел Псковского Дворянского депутатского собрания». Он оформлялся по определённой форме. Состоял из пяти граф. В первую графу заносился номер дела, во вторую — год, месяц и число, в третьей раскрывалось содержание дела, в четвертой давалось пояснение, в связи с чем оно осталось нерешённым, в пятой предполагалось указывать дату завершения работы над делом [2]. Таким образом, с октября 1832 г. по декабрь 1836 г. нерешённых дел накопилось — 77 [2]. Из них большинство касались прошений о внесении в дворянскую родословную книгу — 50 дел, а также обращений с целью выдачи копий с различных протоколов, грамот и свидетельств о дворянстве. Самыми распространёнными причинами того, что рассмотрение дел было отложено, являлись: отсутствие разрешений Герольдии и необходимых документов. Поэтому Дворянскому собранию приходилось даже проверять правильность внесения дворянских фамилий в родословную книгу. Тщательно такая проверка проводилась в 1842 г., когда комиссия в составе надворного советника и кавалера Иллариона Клеменьевича Окунева, председателя, коллежского асессора Козьмы Афанасьевича Пастуховского и штабс-капитана Николая Клементьевича Савицкого пришла к выводу, что «ни одно дело нельзя передать в Герольдию для утверждения», так как их оформление не соответствует новым правилам, утверждённым в 1839 г. [6].

Приходилось Дворянскому депутатскому собранию рассматривать и так называемые «секретные дела». К ним относились дела о жестоком обращении помещиков со своими крестьянами. 28 мая 1836 г. одно из таких дел рассматривали на собрании губернского и уездных предводителей дворянства. Опочецкий помещик Тарасевич обвинялся в жестоком обращении с крестьянами. Но достаточных доказательств по данному факту выявлено не было. В результате, со-

брание определило Опочецкому предводителю дворянства вести бдительное наблюдение как за поведением помещика Тарасевича, так и за поведением самих крестьян [4].

В 1842 г. дворовые люди жаловались на своего помещика капитана Николая Ниловича Мягкова. Причиной обращения послужило недостаточное снабжение крестьян хлебом и продовольствием. Собранием было принято решение Островскому уездному предводителю дворянства вести наблюдение за помещиком Мягковым [4].

Похожее дело Дворянское собрание рассматривало спустя несколько лет, 9 января 1850 г. Причиной послужили действия порховского помещика отставного капитана Фёдора Александровича Крыштановского, отягощающего своих крестьян непомерными работами. По этому делу было проведено разбирательство, была выявлена вина помещика. В результате имение Крыштановского было подвергнуто опеке. Ему было запрещено находиться в имении и управлять им [4]. 8 февраля 1855 г. Собрание обсуждало дело о жестоком отношении со своими крестьянами новоржевского помещика Александра Ивановича Шушерина. Собрание определило: новоржевскому уездному предводителю дворянства сделать помещику Шушерину строгое внушение о перемене его образа жизни и обращения с крестьянами, объявив, что в противном случае имение его будет подвергнуто опеке [4].

Одно из «секретных дел» 1837 г. касалось «употребления излишеств горячительных напитков флота капитаном II ранга Матвеем Николаевичем Чихачёвым и об опасности нахождения при нём малолетних детей» [4]. Собрание постановило, что господин исправляющий должность новоржевского предводителя дворянства должен убедить Чихачёва в том, чтобы он избрал себе благонадёжного попечителя и опекуна для детей [4].

Из документов следует, что «секретные дела», рассматриваемые Дворянским депутатским собранием, в основном, касались вопросов поведения представителей дворянского сословия. В случае вопиющего беспредела со стороны помещика, приходилось принимать меры, но чаще всего старались не придавать огласке подробностей дела.

Также в каждом уезде под председательством уездного предводителя дворянства были созданы дворянские опеки для попечения о вдовах и малолетних дворянских сиротах, через особо назначаемых опекунов [12].

Ещё одним звеном в структуре дворянского управления были губернские и уездные предводители дворянства. Губернские предво-

дители дворянства являлись председателями в дворянских собраниях и руководили их заседаниями и выборами, а также председательствовали в дворянских депутатских собраниях, утверждали в дворянстве, записывали дворян в родословную книгу, давали справки о дворянстве [13]. Губернский предводитель был ближайшим советчиком и опорой губернатора. Уездные предводители дворянства председательствовали в уездных дворянских собраниях, вели списки дворянам, выдавали справки о дворянстве и являлись председателями в дворянских опеках [13]. Предводителями дворянства избирались наиболее авторитетные и состоятельные помещики. В их владении находилось, как правило, не менее 100 душ крепостных крестьян. Так, по данным на 1842 год, 7 предводителей уездного дворянства Псковской губернии в своём владении имели от 100 до 500 душ крестьян м. п., а один (Торопецкий уездный предводитель дворянства) имел свыше 500 душ крестьян м. п. Предводителем дворянства становились люди, достигшие зрелого возраста, средний возраст составлял 35–39 лет. Но были и исключения: например, Торопецкий уездный предводитель дворянства занял эту должность в 28 лет, а Порховский — в 56 лет. Должность эта была довольно хлопотливой, но престижной. Предводитель был обязан, не доводя дела до суда, улаживать конфликты между местными дворянами, унимать беспокойных.

Карьера молодого дворянина, как правило, начиналась с военной службы. Выйдя в отставку, он мог занять какую-либо должность в губернском или уездном управлении. Известно, что лишь три предводителя закончили учебные заведения, но впоследствии также служили. На примере восьми уездных предводителей дворянства Псковской губернии рассмотрим путь продвижения по служебной лестнице провинциального дворянина.

Островский уездный предводитель дворянства в 16 лет поступил на военную службу юнкером в почётную 162

Лейб-гвардии артиллерийской бригады во 2-ю учебную роту. Служил шесть лет, в чине подпоручика вышел в отставку. В период с 1825 по 1841 гг. занимал различные должности в Пскове и Острове. Изначально был выбран в Островский уездный суд дворянским заседателем, затем в том же суде стал уездным судьёй. Позже определён в штат канцелярии Гражданского псковского губернатора, в дальнейшем состоял в должности островского окружного начальника государственных имуществ, в 1841 г. был избран дворянством на должность Островского уездного предводителя дворянства [5].

Таблица 1

Уездные предводители дворянства Псковской губернии, 1842 г.

Уездные предводители дворянства	Количество душ, находящихся во владении	Военный или гражданский чин
Псковский уездный предводитель дворянства Александр Абрамович Фон-дер-Беллен	374	Артиллерии поручик
Островский уездный предводитель дворянства Евграф Семёнович Ладыженский	108	Гвардии поручик
Опочецкий уездный предводитель дворянства Иван Михайлович Демчинский	404	Артиллерии поручик
Новоржевский уездный предводитель дворянства Виктор Семёнович Мягков	100	Штабс—ротмистр
Порховский уездный предводитель дворянства Пётр Митрофанович Балавенский	425	Ротмистр
Великолукский уездный предводитель дворянства Николай Дмитриевич Порохов	310	Поручик
Торопецкий уездный предводитель дворянства Алексей Фёдорович Кутузов	621	Майор
Холмский уездный предводитель дворянства Аким Афанасьевич Войнакуринский	250	Статский советник

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 10–47.

Карьера молодого дворянина, как правило, начиналась с военной службы. Выйдя в отставку, он мог занять какую-либо должность в губернском или уездном управлении. Известно, что лишь три предводителя закончили учебные заведения, но впоследствии также служили. На примере восьми уездных предводителей дворянства Псковской губернии рассмотрим путь продвижения по служебной лестнице провинциального дворянина.

Островский уездный предводитель дворянства в 16 лет поступил на военную службу юнкером в почётную Лейб-гвардии артиллерийской бригады во 2-ю учебную роту. Служил шесть лет, в чине подпоручика вышел в отставку. В период с 1825 по 1841 гг. занимал различные должности в Пскове и Острове. Изначально был выбран в Островский уездный суд дворянским заседателем, затем в том же суде стал уездным судьёй. Позже определён в штат канцелярии Гражданского псковского губернатора, в дальнейшем состоял в должности островского окружного начальника государственных имуществ, в 1841 г. был избран дворянством на должность Островского уездного предводителя дворянства [5].

Великолукский уездный предводитель дворянства в службу вступил из воспитанников Императорского Царскосельского лицея в гренадерский полк прапорщиком Лейб-гвардии. Служил 4 года, был уволен со службы по домашним обстоятельствам в чине поручика. Спустя 8 лет был избран земским исправником, а затем уездным судьёй, позже Великолукским уездным предводителем дворянства [5].

Торопецкий уездный предводитель дворянства пять раз избирался на эту должность благородным сословием. В военную службу вступил Лейб-гвардии в гренадерский полк портупей прапорщиком и дослужился до чина капитана. Находясь в отставке, был избран земским исправником. «В проезд Государя Императора чрез город Торопец за устройство больших дорог получил высочайшее благоволение в предписании господина Псковского Гражданского губернатора» [5]. В дальнейшем был выбран уездным предводителем дворянства на 17, 18, 19, 21, 22-е трёхлетия [5].

Административно-полицейское управление в уезде возглавлял земский исправник. Многие из будущих уездных предводителей дворянства занимали эту должность — например, Великолукский, Торопецкий, Порховский предводители дворянства. Уже в начале XIX в. правительство стало замечать уклонение дворянства от местной службы и это, прежде всего, отражалось на должности земского исправника, в общем-то невысоко ценившейся обществом.

Таблица 2

Земские исправники в уездах Псковской губернии, 1842 г.

Земские исправники	Количество душ, находящихся во владении	Военный или гражданский чин
Опочецкий земский исправник Васюков Илья Арсентьевич	231	Подпоручик
Новоржевский земский исправник Николай Иванович Андреев	117	Штабс-капитан
Порховский земский исправник Николай Васильевич Сергеевский	80	Титулярный советник
Торопецкий земский исправник Николай Васильевич Поповцев	35	Коллежский секретарь
Холмский земский исправник Миракс Александрович Нащокин	106	Поручик

Источник: ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 254–294.

Из приведённой таблицы следует, что земские исправники обязательно являлись выходцами из дворянского сословия, но не всегда отличались высоким имущественным положением.

Новоржевский земский исправник Николай Иванович Андреев, дворянского происхождения, занял эту должность в 42 года. Свою службу он начал в Кадетском корпусе, в который поступил в 18 лет, дослужился до штабс-капитана. Участвовал в знаменитых сражениях Отечественной войны 1812 г., в том числе и в генеральном сражении при Бородине, был награждён орденом Святой Анны 4-й степени, в дальнейшем принимал участие в заграничных походах русской армии. Выйдя в отставку, принимал активное участие в общественной жизни губернии: служил по выборам дворянства в Порховском земском суде дворянским заседателем, избирался в Псковское депутатское собрание депутатом, благородным сословием дважды избирался на должность земского исправника.

Порховский земский исправник на военной службе не был вовсе. Вероятно, получив домашнее образование, в 14 лет поступил в Санкт-Петербургское правление канцеляристом, через два года стал воспитанником Главной контрольной Экспедиции, вскоре был произведён в 14 класс. В 23 года избран дворянством в Порховский земский суд дворянским заседателем, где служил 18, 19 трехлетие. В 1834 г. по выбору дворянства стал земским исправником. Находясь в этой должности, был представлен к суду по доносу, обвинялся в лихоимстве [5].

Таким образом, в Псковской губернии, равно как и в других губерниях, где существовало дворянское общество, были различные формы участия благородного сословия в дворянском самоуправлении. Это были дворянские и депутатские собрания, дворянская опека, должности губернского и уездного предводителей дворянства. Уже в первой четверти XIX столетия наметилась тенденция уклонения дворян от участия в собраниях и от службы по выборам. Служба в местных учреждениях не являлась привлекательной, в отличие от службы в центральных учреждениях. Для многих дворян выгоды от выборной службы не было вовсе, напротив она приносила только убыток и требовала дополнительных расходов. Процент дворян, имевших право подавать голос на выборах, уменьшился в связи с указом Николая I 1831 г., согласно которому имущественный ценз был увеличен. Дворянин имел право голоса, если в его распоряжении находилось не менее 100 душ крестьян. В Псковской губернии основная часть дворянства относилась к среднему и мелкопоместному дворянству. По данным на 1853 г., из 4 084 потомственных дворян право голоса на выборах имели лишь 692 дворянина, что составляло 17 % [8].

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1398. Л. 1–113.
2. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1400. Л. 1–26.
3. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1479. Л. 1–12.
4. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1413. Л. 1–2 об., 3–3 об., 12–14 об., 37.
5. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1432. Л. 18 об., 29–29 об., 30–35, 294.
6. *Маркова М. Т.* Из истории псковского дворянства // «Дворяне все родня друг другу», серия Псковская земля. История в лицах (редактор-составитель Т. Вересова). М., 2006. С. 10–12.
7. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. СПб., 2000. С. 29, 513.
8. Памятная книжка Псковской губернии на 1853 г., Псков, 1853. С. 12, 15.

9. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. С. 21.
10. *Соколова Е. В.* К вопросу о порядке присвоения и подтверждения дворянского достоинства в Псковском крае в конце XVIII — начале XIX вв. // Псков. 2008. № 28. С. 21.
11. *Соколова Е. В.* Выборы дворян в органы самоуправления и суда в Псковской губернии в 1789 г. // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции 24–25 ноября 2008 г. Псков, 2009. С. 110.
12. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. М., 1994. Т. 24. С. 232.
13. *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003. С. 514, 519.

ЛАТЫШСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СТРУГОКРАСНЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

В статье рассказывается о латышских поселениях, возникших во 2-й половине XIX века в пределах современной территории Стругокрасненского района. Описываются религиозные праздники, отмечавшиеся латышскими поселенцами, блюда латышской национальной кухни. Отдельно говорится об истории деревни Орехово, возникшей на месте скопления хуторов латышских поселенцев, о формировании и развитии латышской евангелическо-лютеранской общины.

Ключевые слова: латыши, переселенцы, латышские общины, лютеранство.

В Стругокрасненском районе Псковской области есть деревня Орехово, сейчас она относится к сельскому поселению «Марьинская волость». Многие даже не догадываются, что в этих местах на протяжении более ста лет проживали практически одни латыши. Деревня Орехово образовалась в 1931 г. вблизи центральной усадьбы созданного здесь латышского колхоза, а до этого здесь находилась латышская колония — скопление хуторов латышских поселенцев. В годы своего расцвета в деревне Орехово проживало более 80 жителей. Сейчас в Орехово остался один единственный постоянный житель — он тоже имеет латышские корни.

Латышские колонии на Стругокрасненской земле. В середине XIX века из Остзейского края началось массовое переселение крестьян в приграничные и внутренние губернии России. Миграция латышей в Санкт-Петербургскую и Псковскую губернии шла одновременно с переселением в те же края эстонского населения. Латышские переселенцы из Лифляндии, обосновавшиеся на современной территории Стругокрасненского района, были, в основном, родом из окрестностей Оппекальна (ныне г. Апе), Мариенбурга (г. Алуksне), Вендена (г. Цесис), Смилтена (г. Смилтене), Вольмара (г. Валмиера), Пальцмара (пос. Палсмане), Зигвальда (г. Сигулда), Шваненбурга (г. Гулбене), Диккельна (пос. Дикли). Небольшая

часть латышских крестьян прибыла сюда из Курляндской губернии — в частности, из окрестностей Дондангена (ныне пос. Дундага), Виндавы (г. Вентспилс), Бауска (г. Бауска) и Либавы (г. Лиепая). Сюда же переселялись латыши, чьи потомки — выходцы из окрестностей Мариенбурга, Оппекальна и Смитлена — ещё в 1850-е — 1870-е гг. обосновались в латышской колонии Лаура (Lauri) Паниковской волости Псковского уезда.

В пределах нынешней территории Стругокрасненского района ранее существовали две крупные латышские колонии — Катежно и Кудепо-Замошье, они включали в себя по несколько пустошей с латышскими хуторами. Латышские колонии в пустошах Понащбор, Лесково, Пустопержа и Холохино были поменьше. В одних местах латыши жили компактно гнездовыми хуторами, в других — латышские хутора были разбросаны среди эстонских хуторских хозяйств. Первые поселения латышей на Стругокрасненской земле были основаны в 1865 г., это были латышские хутора в смежных пустошах Замошье и Кочегоще Яблонецкой волости Лужского уезда. Позднее Замошскую латышскую колонию стали называть Кудепо-Замошской (Kuder-Zamošje), в честь владельцев здешней земли эстляндского уроженца Андрея Кудепа и его сына Ивана Андреевича Кудепа. Значительную часть Кудепо-Замошской колонии занимала пустошь Завижье. Северную часть пустоши Кочегоще (Kašegošča) примерно с 1913 г. стали именовать как пустошь Орехово.

Латыши, как и эстонцы, принесли на территорию Стругокрасненского района традицию жить хуторами. Латышская усадьба была, в основном, замкнутой, строения располагались по её периметру. Из хозяйственных и надворных построек латыши возводили хлева, конюшни, свинарники, хлебные амбары, риги и гумна, сенные сараи, бани. Хозяйственные постройки обычно строились из дерева, но некоторые латыши строили дворы для содержания скотины из камней-валунов. Основной сферой деятельности латышей было сельское хозяйство. Многие из них также занимались ремеслом: имели свои кузницы, изготавливали прялки, занимались дублением и выделкой кож, изготовлением обуви, столярным делом. Ткачество, вязание и пошив одежды были главными занятиями женщин. Мельников среди латышских поселенцев было в разы меньше, чем среди эстонцев.

Блюда кухни латышских поселенцев отчасти были схожи с блюдами их соседей — эстонцев-хуторян, но в отличие от эстонской кухни на столе латышей было больше блюд, в которые входила копчёная свинина. К Рождеству Христову латыши тоже резали поросёнка, де-

ляли холодец, кровяную колбасу, а также коптили сало. В пустошах Завижье и Орехово на Рождество готовили кровяную колбасу с очень мелкой перловой крупой или гречневой и ячневой крупой, луком и чесноком. В Катеженской колонии латышские поселенцы любили делать варёные рулеты из свиной брюшины и тминный сыр. В пустоши Завижье к Янову дню делали копчёные колбаски: бараньи кишки набивали фаршем из свинины с луком и чесноком и коптили. Также здесь пекли пирожки с мелко нарезанным копчёным салом, делали сыр с тмином и домашний паштет из свиной печени. Одним из самых популярных блюд была тушёная квашеная капуста со свиной, луком и перловкой. В Катеженской колонии квашеную капусту тушили с перловой крупой, луком и, обязательно, с кусочками копчёной свинины. В пустоши Орехово готовили так называемую «путру»: в молоко добавляли муку, размешивали до жиденького соуса, а потом в этот молочно-мучной соус клали отварной толчёный картофель.

В качестве повседневной еды латыши варили щи из кислой капусты со свиной и перловкой, готовили отварной горох с луком и копчёностями, пекли блины из гороховой муки. В Катеженской колонии латыши на сковороде обжаривали кусочки свинины с луком в мучном соусе и поливали этим соусом варёный картофель. В пустоши Орехово для приготовления щей из кислой капусты нарезанную кусочками свинину обжаривали на сковороде с мукой: от этого щи получались густыми. Также здесь варили молочный суп с мучными клёцками, пекли ржаной хлеб и ватрушки с вареньем из крыжовника и чёрной смородины, заваривали чай с тмином. При засолке огурцов сначала в дубовой бочке на пару часов заваривали ветки вереска, затем укладывали огурцы, заливали рассол, бочки закупоривали и опускали на зиму на дно пруда. Аромат вереска передавался огурцам, от этого они приобретали неповторимый вкус. Рецепты приготовления вышеперечисленных блюд в послевоенное время сохранялись в семьях потомков латышских поселенцев, проживавших в деревнях Катежно, Орехово, Новая Жизнь и Ровное.

Латыши, находясь вдали от своей исторической родины, сохраняли в России национальное самосознание, язык, религию, культуру и обычаи. Первоначально латыши более тесно общались с эстонцами, которые тоже жили на хуторах. Мужчины-латыши заключали браки с эстонскими женщинами и наоборот. Постепенно началось взаимодействие культуры латышей и местной русской культуры. Свои имена в быту латыши нередко произносили на русский манер. Не только в разговорной речи, но и в официальных документах: например, Яниса

(Яна) могли называть Иваном, Екобса (Якоба) — Яковом, Петерса — Петром, Язепса — Осипом, Мартиньша и Марца — Мартыном, Рейна — Андреем, Матиса — Матвеем, Теодора — Фёдором, Эрнеста — Ермолаем, Тома — Фомой. Также у латышей были распространены такие мужские имена, как Кристапс, Юлиус, Эдуард, Густ (Густавс), Андрис, Криш (Кристиан), Рудольф, Паулюс, Дав (Давид), Карлис, Отто, Маргерс, Август и др. Из женских имён чаще всего встречались такие, как Карлина, Эрнстина, Матильда, Зельма, Агнетта, Шарлотта, Трина, Берта, Анна, Ильза, Грета, Дарта, Зузанна, Отилия, Альма, Розалия, Мария, Паулина, Эмилия, Лизетта и др.

В своём большинстве латыши были лютеранами, они создавали в новых поселениях евангелическо-лютеранские общины, открывали лютеранские храмы. Для латышей лютеранство стало существенным фактором сохранения этничности. В латышских колониях Катежно, Кудепо-Замошье и Лесково одним из самых главных летних праздников был Янов день, его начинали отмечать в ночь с 23 на 24 июня. Зимой, несомненно, самым любимым праздником для всех латышей было Рождество. К середине 1920-х гг. на территории современного Стругокрасненского района латышские поселенцы располагали лютеранской церковью Святого Иоанна в колонии Кудепо-Замошье и двумя молитвенными домами в пустошах Катежно и Понашбор. Псковские и новгородские пасторы периодически посещали латышские колонии, проводили в лютеранских храмах богослужения, читали проповеди, крестили детей, подтверждавали, венчали, причащали, а также утверждали уже совершённые кистерами или простыми мирянами обряды крещения и отпевания. Исполнять некоторые церковные обряды простым мирянам разрешалось согласно лютеранскому вероучению о всеобщем священстве всех верующих.

Жизнь латышских поселенцев в советское время. По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., в Яблонцевой, Стругокрасненской, Соседненской и Заклинской волостях Лужского уезда и Горской волости Порховского уезда проживал 1971 латыш или 6,2 % от общего числа жителей этих волостей. В 1927 г. вышеуказанные волости в числе других волостей вошли в состав образованных Стругокрасненского и Новосельского районов Ленинградской области. По данным переписи 1926 г. на территории Стругокрасненского района насчитывалось 1269 латышей или 3,25 % всего населения, а на территории Новосельского района — 852 латыша или 3,04 % всего населения. В посёлке Струги Красные тогда проживало 74 латыша. Карлис Шкилтерс (1891–1941) в своей монографии «История

латышских колоний» указал о существовании в 1926 г. в пределах современной территории Стругокрасненского района 9 колоний, где проживали латышские поселенцы. В этих колониях насчитывалось 253 латышских хозяйства, в т. ч. в пустоши Кудепо-Замошье (пустошь Завижье — *А. Е.*) было 22 латышских хозяйства, а в пустоши Кочегоще (вкл. пустоши Орехово и Кириково — *А. Е.*) — 55 хозяйств.

Годы НЭПа были для латышского населения благоприятным временем. В этот период значительно оживилась экономическая жизнь латышских хуторов. В латышских колониях широко развивалась кооперация, промыслы и мелкое частное предпринимательство. Зажиточные хозяева владели 20–40 десятинами земли, 1–2 лошадьми, 4–5 коровами, имели сложные сельскохозяйственные машины, держали батраков. Среди национальных меньшинств в 1920-е гг. советские власти активно вели культурно-просветительскую работу. На территории современного Стругокрасненского района, по сведениям за 1927 г., работали Катеженская и Кудепо-Замошская латышские школы I ступени. В 1929 г. в Ленинграде были изданы латышская азбука и учебники на латышском языке для первых трёх лет обучения; для латышей здесь работали Дом просвещения, театр и педагогический техникум, готовивший кадры учителей для латышских школ, выходила газета на латышском языке. Школьные учителя из числа латышей развивали культурную жизнь в латышских колониях, ставили пьесы, руководили певческими хорами.

Верующие лютеранской церкви в 1920-е гг. чувствовали себя достаточно свободно. Однако с 1929 г. положение лютеран — так же, как и верующих других конфессий, — резко ухудшилось. Против лютеранских пасторов и верующих началась кампания массовых гонений, сопровождавшаяся закрытием церквей и молитвенных домов. К концу 1930-х гг. латышские евангелическо-лютеранские общины в Стругокрасненском и Новосельском районах в результате преследований и репрессий распались. Дольше всего просуществовала Кудепо-Замошская латышская община: по устным свидетельствам, приходскую церковь этой общины во имя Святого Иоанна закрыли в 1940 г. Религиозные праздники верующие продолжали отмечать в домашнем кругу, нелегально проводили богослужения в частных домах, собирались на кладбищах, чтобы вознести к Господу молитвы о упокоении усопших.

В 1929 г. советское руководство приняло решение о полной коллективизации крестьян. В местах компактного проживания латышей были созданы латышские коллективные хозяйства — колхозы. В мо-

нографии «Латышские колонии», написанной Викбертсом Краснайсом (1908–1942), и в других источниках указываются такие колхозы, как «Katežno» («Катежно»), «Blāzma» («Светоч»), «Latviešu Līdums» («Латышская пустошь») и «Jauns ceļš» или «Novij Putj» («Новый путь»), основу этих колхозов составляли только латышские хозяйства. В других колхозах латышские хозяйства перемежались с эстонскими и русскими. Во время коллективизации произошло коренное изменение уклада жизни латышских крестьян. Зажиточные крестьяне подверглись раскулачиванию, их имущество обычно конфисковалось в пользу колхоза, а их семьи высылались в Сибирь, на Урал или в Мурманский край. На 1 января 1934 г. в Стругокрасненском районе (вкл. упразднённый на тот момент Новосельский район) насчитывалось 1770 латышей.

В 1937–1938 гг. подавляющая часть взрослого мужского латышского населения подверглась репрессиям. В 1939 г. большинство латышских хуторов насильно были сселены на центральные колхозные усадьбы. Латышские колонии после ликвидации хуторской системы превратились в деревни. Целый социальный слой крестьян-единоличников с его культурой, нравственными устоями и ценностями был окончательно уничтожен. Ликвидация хуторского типа хозяйства у латышей — так же, как и у их соседей эстонцев, — повлекла за собой отмирание многих обрядов, традиций и домашних ремёсел. Это самым отрицательным образом сказалось на уровне самосознания и национальной латышской идентичности. В конце 1930-х гг. политика коренизации в стране была свёрнута. В марте 1938 г. все латышские школы в Ленинградской области были преобразованы в обычные школы. Были ликвидированы латышский Дом просвещения и латышский театр в Ленинграде, латышская редакция на Ленинградском радио.

В послевоенное время среди латышей — так же, как и среди эстонцев, — стал увеличиваться процент этнически смешанных браков. Многие латыши, желая сохранить этничность, после войны переезжали на жительство в Латвийскую ССР. Девушки и юноши поступали учиться в учебные заведения Латвии и оставались там, а потом, встав крепко на ноги, забирали к себе родителей. Те, кто оставался в России, забывали родной язык, приобщались к образу жизни и традициям окружающего русского населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Стругокрасненском районе насчитывалось 166 латышей, из них в посёлке Струги Красные проживали 24 латыша. Перепись населения 1989 г. зафиксировала на территории района только 36 латышей, в т. ч. в посёлке Струги Красные — 11.

Деревня Орехово. 2009 г.

Пустошь Орехово. Латышская семья. 1920-е гг.

Пурин Роберт Таневич. 1910-е гг.

Даугуль Иван Петрович.
1910-е гг.

Карл Даугуль, Иван Даугуль
и их мать. 1920-е гг.

Старш Оскар Адамович.
1920-е гг.

Старш Марта Августовна

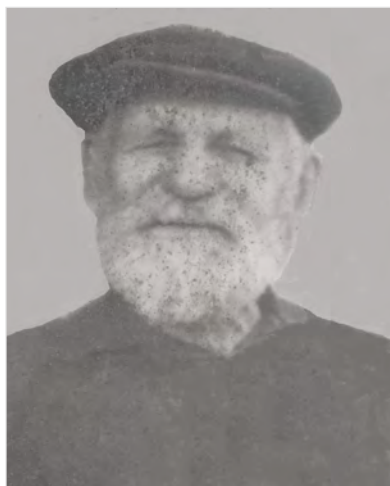
В 1991 г. граница разделила родственников, отделила многих людей от земли своих предков. Стало очень трудно или практически невозможно приехать и поклониться своим могилкам, пообщаться со своими оставшимися в России родственниками. Российские латыши практически растворились среди русской нации. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Стругокрасненском районе оставалось 24 латыша; по данным переписи 2010 г., латышами себя называли только 14 человек.

Кудепо-Замошская латышская колония. В 1865 г. первые латышские переселенцы поселились в пустоши Кочегоще (Kačegošča). В 1891 г. часть земли в пустоши Кочегоще уже принадлежала псковскому мещанину И. А. Кудепу, он эту землю продавал или сдавал в аренду латышским переселенцам. В 1891 г. из Лавровского прихода сюда переселился Петерс Яковлевич Даугуль, в 1893 г. — Янис Андреевич Аузин, в 1894 г. — Адам Адамович Старш, в 1897 г. — Роман (Рейн) Петрович Эльстин. В 1891 г. из окрестностей Пернау в пустошь Кочегоще перебрался Август Янович Сирмит. В начале прошлого века в пустоши Кочегоще находились хутора Петерса Межуля, Яниса Сирмита, Рейна Биндуля, Августа Сирмита, Петерса Аболкална, Александра Биндуля, Карлиса Даугуля, Яниса Рониса, Теодора Ландорфа, Августа Роона, Яниса Тентеля, Андрея Калнина, Петера Плукша, Фердинанда Ландорфа, Эдуарда Аугскальнета, Яниса Бал-

лода и др. В пустоши Орехово, составлявшей северную часть пустоши Кочегоще, в то время проживали семьи Юлиуса Александера Пурина, Яниса Аузина, Якова Суциса, Петерса Даугуля, Карлиса Аузина, Роберта Пурина, Яниса Роона, Эрнста Зарина, Яниса Клявина, Рудольфа Оскара Пурина, Яниса Даугуля и др. Известно, что братья Роберт Пуринь (1870–?), Рудольф Оскар Пуринь (1873–?) и Юлиус Александер Пуринь (1884–1938) переселились в пустошь Орехово из Лауры, а их отец Танна Пуринь (1838–?) был родом из Пальцмара. Яков Петрович Суцис (1832–1913) переселился в пустошь Орехово из Оппекальна, а Янис Яковлевич Балтин (1870–?) — из Лауры.

В первое время латышские поселенцы из пустошей Замошье и Кочегоще относились к латышскому приходу Святого Николая в Новгороде. Уже в 1899 г. Замошскую латышскую колонию называли Кудепо-Замошской (Kudepo-Zamošje) — тогда здесь действовал латышский молитвенный дом. А по сведениям за 1905 г., в колонии работало Замошское частное латышское училище. Скорее всего, латышское училище и молитвенный дом находились под одной крышей — это было деревянное здание на каменном фундаменте. До 1910 г. колонию Кудепо-Замошье два раза в год посещал новгородский пастор Пузоль, который также духовно опекал латышских поселенцев Новгородской губернии; затем в течение года сюда приезжал пастор Грюнберг. В 1910 г. было основано Кудепо-Замошское латышско-лютеранское Школьное общество. Для поддержания латышского училища с помощью Школьного общества были открыты библиотека-читальня и общежитие, устраивались литературные чтения, драматические и музыкальные вечера, концерты, спектакли, гуляния.

В июле 1910 г. Министерство внутренних дел разрешило построить «новый молитвенный дом в латышской колонии «Кудепо-Замошье» с отнесением исчисленного по смете расхода на средства прихожан...». В 1911 г. в колонии Кудепо-Замошье был устроен и освящён Кудепо-Замошский латышский евангелическо-лютеранский молитвенный дом. Его возвели в пустоши Завижье, на крутом берегу реки Плотиченки, вблизи латышского училища. Прихожанами этого молитвенного дома стали жители ближайших латышских пустошей Завижье, Кочегоще, Орехово, Кириково, Голубско, Троерожник, Заречье. Кудепо-Замошская община стала филиальной по отношению к Псковскому латышскому приходу Святого Иакова. С октября 1911 г. в метрических книгах Псковской евангелическо-лютеранской церкви Святого Иакова стали фиксироваться данные о рождении, смертях и браках в филиальном Кудепо-Замошском приходе. Известно, что с 1911 г. по 1914 г.

Сирмит Август Иванович

Сирмит Лилия Карловна.
1956 г.

Аузин Карл Карлович

Эльстин Роман Эдуардович

Дмитриева Валентина
Робертовна, урождённая
Пурин. 2011 г.

Цикулин Виктор Эрнестович.
1971 г.

Кудепо-Замошскую филию два-три раза в год посещал пастор Псковского латышского прихода святого Иакова Карл Иванович Лаппинг, в 1915–18 гг. — пастор Густав Матисон, с 1918 г. — пастор Я. Сандерс. С 1911 г. школьным учителем-кистером в колонии Кудепо-Замошье был Юлиус Адамович Бедрит (1874–?), который уже в 1899 г. проводил здесь обряды крещения и отпевания.

После 1917 г. Кудепо-Замошский молитвенный дом преобразовали в кирху Святого Иоанна, в одном из архивных документов за 1920 г. она названа Замошской церковью. По устным свидетельствам, кирха Святого Иоанна была деревянной, имела колокольню. В промежутках между приездами пастора обряды крещения, а также отпевание усопших по нужде совершали не только кистеры, но и простые прихожане Кудепо-Замошской общины, среди которых в метрических книгах Псковской евангелическо-лютеранской церкви Святого Иакова за 1911–17 гг. значатся Карл Эльстин, Петерс Межуль, Август Спалин, Янис Аузин, Петерс Аузин, Вольдемар Сникер, Теннис Бергсон, Янис Берзин, Петерс Ронис, Август Аболин, Эдуард Суцис, Карлис Цемин. В 1916–17 гг. церковным старостой был Пётр Иванович Межуль (1870–1938), с 1917 г. — Янис Аузин. В 1920 г. председателем Церковного совета Кудепо-Замошского евангелическо-лютеранского прихода являлся Пётр Межуль. Умерших родственников с 1904 г. хоронили на латышском приходском кладбище. В метрических книгах Псковского

прихода за 1911–17 гг. это кладбище называется по-разному: Замошским, Кудепо-Замошским, Кудепским, ныне его именуют как Ново-Жизненское, т. е. по ближайшей деревне Новая Жизнь.

Деревня Орехово. После образования Стругокрасненского района латышские хутора в пустоши Орехово стали относиться к Сковородненскому сельсовету. В феврале 1931 г. хуторские хозяйства в пустоши Орехово объединились в латышский колхоз «Jauns ceļš» («Яунас Цельш» или «Новый путь»). В том же году было раскулачено хозяйство Карла Ивановича Даугуля (1866–?), всю его семью выслали за пределы района. Центральная усадьба колхоза «Яунас Цельш» расположилась на опустевшем хуторе К. И. Даугуля. В 1933 г. раскулачиванию подверглось хозяйство Петра Андреевича Аузина (1884–?), его семью выслали в Кемеровский край. Семью Юлиуса Таневича Пурина (1884–1938) после раскулачивания выслали под Новгород, в Малую Вишеру. В 1929 г. был арестован школьный учитель-кистер Юлиус Адамович Бедрит — его выслали на 3 года в Северный край, затем Юлиус Бедрит вернулся домой. В 1935 г. его хозяйство раскулачили и всю семью выслали в Свердловскую область. В годы массовых репрессий 1937–1938 гг. были безвинно расстреляны жители пустоши Орехово Альберт Иванович Аузин (1902–1938), Иван Яковлевич Суцис (1892–1937), Юлиус Таневич Пуринь (1884–1938), Иван Петрович Даугуль (1897–1937), Александр Августович Сирмит (1909–1937), Иван Иванович Балтин (1885–1937) и др. Также был репрессирован младший сын Ю. А. Бедрита — Эдгар Юльевич Бедрит (1912–1937).

В 1939 г. 16 латышских хуторов в пустоши Орехово были сселены к бывшему хутору П. А. Аузина, находившемуся примерно в полутора километрах от центральной усадьбы колхоза «Яунас Цельш». Так возникла деревня Орехово — на начало 1941 г. здесь было 22 двора и 76 жителей. В 1940 г. в пользовании колхоза имелось 800 га земли, из которых пахотной было 145 га, сенокосов — 65 га, пастбищ — 180 га, под лесом — 300 га. Акт на вечное пользование земель был вручен колхозу в октябре 1934 г. В 1941 г. посевная площадь колхоза составила 61,25 га, в т. ч. озимой ржи — 23 га, пшеницы — 2 га, ячменя — 4 га, овса — 18 га, картофеля — 1,25 га, льна — 13 га. Из колхозных построек имелись скотный двор, 2 хлебных амбара, 10 сараев, кузница; из сельхозинвентаря — 16 конных плугов, 10 пружинных борон, 6 борон «зиг-заг», 5 веялок и сортировок, 2 косилки, 2 жнейки, 2 молотилки, льномялка и сеялка.

Главным престольным праздником для латышей из деревни Орехово, как и для всей Кудепо-Замошской латышской общины, был Янов

день, связанный с днём памяти Иоанна Крестителя. По воспоминаниям Эрты Эдуардовны Эльстин, ежегодно 24 июня, в Янов день на богослужение в латышскую церковь собиралось много народа. По свидетельству Валентины Робертовны Дмитриевой, урождённой Пуринь, в 1940 г., в день закрытия латышской церкви Святого Иоанна, с её колокольни сбросили колокол, от удара о землю часть колокола откололась. В таком виде его отвезли на центральную усадьбу совхоза «Вперёд», где колокол созывал людей на работу. Во время оккупации колокол бесследно исчез. По устным свидетельствам, церковь находилась слева от дороги, которая идёт от деревни Новая Жизнь в сторону Ново-Жизненского кладбища. На другой стороне дороги стояла латышская школа. Часовня на латышском кладбище сгорела за несколько лет до начала войны от пала травы, на её месте был поставлен металлический четырёхконечный крест, сохранившийся до нашего времени.

Деревня Орехово в годы войны не пострадала: в отличие от других окрестных деревень фашисты не успели её сжечь. В 1944 г. при деревне Орехово был воссоздан колхоз «Яунас Цельш», его председателем стал Эдуард Иванович Межуль. В деревне Орехово имелись колхозный скотный двор, конюшня, хлебный амбар, кузница. На месте Брунина хутора, Даугулева хутора, Сирмитова хутора и хутора Ределя с довоенного времени сохранялись гумна — здесь колхозники молотили зерно. В 1948 г. в деревне Орехово было 26 хозяйств и 82 жителя. Колхоз «Яунас Цельш» просуществовал до 1950 г., затем бригада Орехово вошла в состав колхоза «Первомайский». В 1949 г. в деревне Орехово насчитывалось 24 двора, среди которых были хозяйства Августа Ивановича Сирмита (1868–1968), Эмилии Давыдовны Аузин (1877–1967), Августины Рейновны Роон (1887–?), Аркадия Ивановича Клявина (1887–1974), Эдуарда Адамовича Старша (1895–1983), Эмилии Яковлевны Редель (1892–?), Альвины Романовны Эльстин (1898–1986), Каролины Терентьевны Цикулиной (1895–?), Эмилии Яковлевны Вимба (1893–?), Амалии Адамовны Межуль (1884–?), Альмы Осиповны Даугуль (1900–?), Карла Мартыновича Викмана (1908–?), Эдуарда Ивановича Межуля (1904–?), Эммы Терентьевны Суцис (1903–?), Оскара Адамовича Старша (1895–?), Марии Егоровны Лацит (1880–?), Зельмы Ивановича Балтиной (1888–1973), Августа Терентьевича Эльстина (1902–?) и др.

В послевоенное время лютеранские обряды крещения детей и отпевания усопших в Орехово исполняли три женщины: Амалия Адамовна Межуль (1884–?), Эмма Адамовна Межуль (1895–1987) и Августина Рейновна Роон (1887–?). По праздникам и будням они дома нараспев читали псалмы и молитвы. На бывшем Брунином ху-

торе жители деревни Орехово отмечали Янов день: накрывали праздничный стол, а рядом жгли большой костёр. Дети собирали хворост и поддерживали огонь в костре. К этому празднику готовили национальные блюда, детей угощали сладостями. Обычно Янов день организовывал Карл Карлович Аузин (1928–2002), он изготавливал временные столы и лавки и всегда доставлял на праздник бочку пива. В 1960 г. в Орехово было 20 хозяйств и 54 жителя. В 1963 г. в Орехово были хозяйства Эммы Терентьевны Суцис, Эмилии Яковлевны Вимба, Эммы Адамовны Межуль, Эдуарда Адамовича Старша, Зельмы Ивановны Балтиной, Августины Рейновны Роон, Августа Ивановича Сирмита, Эмилии Яковлевны Редель, Альвины Романовны Эльстин, Алисы Ивановны Аузин (1899–?), Алиды Васильевны Редель (1893–?), Аркадия Ивановича Клявина, Альмы Тимофеевны Кузьминой (1909–?) и Каролины Терентьевны Цикулиной.

На начало 1986 г. в деревне оставалось 3 хозяйства: Эммы Адамовны Межуль (1895–1987), Лилии Карловны Сирмит (1911–1997) и Карла Карловича Аузина (1928–2002), в семье которого проживала его мать Альвина Романовна Эльстин (1898–1986). В 2016 г. умерли сразу два постоянных жителя деревни Орехово — Зоя Константиновна Аузин (1934–2016) и её сын Юрий Карлович Аузин (1956–2016). Среди тех, кто был корнями связан с деревней Орехово, были и латыши, известные во всём Стругокрасненском районе. В 1956 г. дояркам колхоза «Первомайский» Лилии Карловне Сирмит и Эмме Терентьевне Суцис было присвоено звание «Лучшая доярка Псковской области». Передовиком животноводства была птичница Амалия Юрьевна Межуль (1905–?). Орденом «Знак Почёта» за доблестный труд были награждены в 1973 г. тракторист совхоза «Первомайский» Виктор Эрнестович Цикулин (1930–2001) и в 1986 г. доярка совхоза «Вперёд» Валентина Робертовна Дмитриева, урождённая Пуринь (1931 г. р.). Ольга Петровна Педасон, урождённая Даугуль (1937–2017), с 15 марта 1991 г. по 23 октября 1993 г. работала председателем Стругокрасненского Поселкового Совета.

Сейчас в Орехово проживает один единственный постоянный житель Андрей Моисеевич Сирмит (1946 г. р.). Летом в Орехово также приезжает на отдых семья дачников из Санкт-Петербурга, остальные 4 дома стоят пустыми. Народная память сохранила названия нескольких хуторов, располагавшихся в окрестностях нынешних деревень Орехово, Кочегоще и Кириково: хутор Ределя, хутор Пуриня, хутор Межуля, хутор Эльстина, хутор Старша, хутор Аболина, два Даугулевых хутора, Сирмитов хутор, Брунин хутор, хутор Цикули-

на и др. На хуторе Адама Старша сохраняется каменный погреб. На хуторе Роберта Пурия ещё не так давно был виден каменный фундамент дома, здесь росли старые дубы и клёны. Хутор Карла Ивановича Даугуля находился примерно в 1,5 км от деревни Орехово, около старой дороги на Новую Жизнь, здесь сохраняется каменный погреб, стены и свод которого сложены из камней-валунов. На краю деревни Орехово есть место, где стоял хутор Петра Андреевича Аузина. Здесь сохраняется высокий каменный фундамент дома с погребом, в послевоенное время каменный погреб служил колхозной силосной ямой.

Кудепо-Замошское латышское кладбище. В 1996 г. по инициативе Энгельса Ивановича Роднова, пастора латышской евангелическо-лютеранской общины при церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге, на Ново-Жизненском (ранее — Кудепо-Замошском) кладбище была построена деревянная латышская часовня. Её возвели два местных жителя в виде полукруглой шестиугольной постройки с шатровой кровлей, увенчанной четырёхконечным лютеранским крестом. Ежегодно в День Святой Троицы пастор Э. И. Роднов, который родился в здешних местах в 1932 г., проводил в часовне богослужения: он читал враспев молитвы, а остальные люди молились, стоя вокруг часовни. По его словам, в начале 2000-х гг. на Ново-Жизненском кладбище на богослужение собиралось до 70–80 человек, среди которых были не только потомки латышских и эстонских поселенцев, но и русские. В 2009 г. во время урагана часовня не выдержала порывов сильного ветра и рухнула, со следующего года массовые лютеранские богослужения на кладбище не проводились. По устным свидетельствам, свою руку к обрушению часовни приложили местные подростки, которые незадолго до этого сорвали с часовни несколько деревянных элементов, тем самым нарушив жёсткость её конструкции. В 2016 г. Энгельс Иванович Роднов вновь посетил Ново-Жизненское кладбище — он прочитал поминальную молитву на могилах своих родственников и похороненных здесь латышей и эстонцев.

Сейчас на Ново-Жизненском кладбище по-прежнему на земле лежит кровля латышской часовни, увенчанная четырёхконечным крестом — восстанавливать часовню теперь просто некому. По надписям на памятниках и крестах видно, что здесь похоронено немало уроженцев и жителей деревни Орехово: Роберт Таневич Пурий (1874–1936), Эльза Робертовна Пурий (1920–2012), Альвина Ивановна Даугуль (1910–1985), Август Иванович Сирмит (1868–1968), Марта Августовна Старш (1900–1988), Эмилия Давыдовна Аузин (1877–1967), Карл Карлович Аузин (1928–2002), Эмма Адамовна Межуль (1895–1987), Леонтин Адольфович Вимба (1932–1999), Виктор Эрнестович Цику-

лин (1930–2001), Роман Эдуардович Эльстин (1927–1990), Альвина Романовна Эльстин (1898–1986) и др. На этом же кладбище покоятся Анна Даугуль (1823–1907), Рейн Эльстин (1849–1910), Янис Роон (1816–1912), Янис Цикулин (1874–1912), Адам Андреевич Старш (1861–1916), Ян Андреевич Аузин (1870–1917), Яков Петрович Суцис (1832–1913), Ян Яковлевич Даугуль (1845–1916), Иван Андреевич Аузин (1870–1915), Вольдемар Петрович Даугуль (1909–1912), Янис Петрович Клявин (1866–1915), Зузанна Юрьевна Брунина (1872–1943), Лотта Юрьевна Старш (1867–1955) и др.

В апреле 2019 г. автору этой статьи удалось отыскать и обмерить фундамент латышской церкви Святого Иоанна. В этом помогли старожилы, устно описавшие то место, где она стояла. Внутри фундамента и вокруг него уже выросли большие ели. Сам фундамент сложен из булыжного камня, его размеры в длину вместе с притвором составляют 15,5 метров, в ширину — 10,8 метров. Сам притвор был размерами примерно 6,8х3,5 метров. Толщина кладки церковных стен составляет 50 сантиметров, в высоту фундамент возвышается на 40 сантиметров над землёй. Буквально в десяти шагах от церкви находится обрывистый берег реки Плотиченки. В 150 метрах от церкви стояло здание латышской школы, размеры которой, по устным свидетельствам, были примерно 6х15 метров. Эта школа работала какое-то время после войны в качестве обычной школы, затем её здание перевезли в деревню Сиковицы. Сейчас на месте латышской школы видны камни-валуны, оставшиеся от её фундамента, рядом растут два вековых дуба.

Послесловие. За прошедшие почти полтора века латыши, проживавшие в пределах современной территории Стругокрасненского района, пережили времена расцвета и благополучия, войны, гонения и репрессии. Несмотря на небольшую численность, латыши сыграли важную роль в этнокультурном и хозяйственном развитии Стругокрасненского края. Долгие годы латыши сохраняли идентичность и элементы своей этнической культуры — не забывали, что они родом из Латвии. В последнее время ассимиляционные процессы усиливаются, это может привести к окончательному исчезновению латышской этнографической группы в Стругокрасненском районе. Маргарита Августовна Андреева, урождённая Сирмит, однажды высказала такие слова: «Вот если бы не было раскулачивания, репрессий и войны, то наш Стругокрасненский край был бы сейчас многонациональным, богатым и цветущим». Возможно, это было бы так, однако ход истории уже не повернёшь назад.

Ново-Жизненское кладбище. Остатки лютеранской часовни.
Фото А. Н. Ефимова. 2019 г.

Бывшая пустошь Завижье. Фундамент латышской церкви
Святого Иоанна. Фото А. Н. Ефимова. 2019 г.

Р. С. Автор выражает искреннюю признательность за помощь в поиске архивных и исторических сведений Алексею Ивановичу Фёдорову, Инне Евгеньевне Ивановой и Светлане Владимировне Кобозевой, а также за предоставление собранных устных свидетельств и фотографий Энгельсу Ивановичу Роднову, Эрте Эдуардовне Эльстин, урождённой Старш, Валентине Робертовне Дмитриевой, урождённой Пуринь, Владимиру Романовичу Эльстину, Андрею Моисеевичу Сирмиту, Валентине Николаевне Автономовой, Галине Федосеевне Ивановой, Маргарите Августовне Андреевой, урождённой Сирмит.

ИСТОЧНИКИ:

1. ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, д. 9379; ф. 256, оп. 29, д. 345; ф. 262, оп. 107, д. 351.
2. ГАПО, ф. Р-347, оп. 1, д. 354; ф. Р-394, оп. 2, д. 1; ф. Р-1246, оп. 2, дд. 4, 5, 6, 47.
3. Архивный отдел Администрации Стругокрасненского района, ф. 138, оп. 3, д. 52.
4. Метрические книги евангелическо-лютеранского прихода Святого Иакова в Пскове. 1902–08, 1910–13 гг. // [Электронный ресурс]: URL: www.earchive-estlatrus.eu/web/guest/collections
5. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. XIII.
6. Частновладельческое хозяйство в Лужском уезде. СПб., 1891.
7. Optantide isiklikud toimikud Pihkva Kontroll-Opteerimise Komisjon Riigiasutused Saaga // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ra.ee>
8. Устав Кудепо-Замошского латышско-лютеранского школьного Общества. Луга, 1910.
9. Škilters Karlis Latkoloniju vēsture. M., 1928.
10. Vilberts Krasnais Latviešu kolonijas. Rīga, 1938.
11. Шкаровский М. В., Черепнина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004.
12. Солодовников В. В. Лютеранская диадема. Псков, 2010.
13. Возвращённые имена. Книги памяти России. Российская национальная библиотека. [Электронный ресурс]: URL: <http://visz.nlr.ru>

КРЕСТЬЯНСКИЕ МЯТЕЖИ 1919 ГОДА В НОВОРЖЕВСКОМ УЕЗДЕ

(по материалам Государственного архива Псковской области)

Рассказывается о крестьянских волнениях, вызванных раскулачиванием Советской властью «крестьянской буржуазии».

Ключевые слова: *крестьянское повстанческое движение, контрреволюция, Военно-революционная комиссия, банды «зелёных», Аксёновская, Новинская, Заханская, Жадрицкая, Горская волости, с. Ашево, Новоржевский исполком, Псковская губерния.*

Ещё 50 лет назад старшее поколение не хотело говорить на тему Гражданской войны. Кому-то было что скрывать, а кто-то просто боялся поплатиться за длинный язык. И не без основания. В результате Государственный архив Псковской области (ГАПО) является основным источником информации по данному вопросу.

13 мая 1918 г. ВЦИК принял декрет о продовольственном положении. Предполагалось вести беспощадную борьбу против крестьянской буржуазии — кулаков. Все, кто скрывал хлеб от Советской власти, объявлялись врагами народа. Декрет предоставлял нарком продовольствия чрезвычайные полномочия. Добывать хлеб двинулись рабочие продовольственные отряды. За сопротивление можно было получить и пулю в лоб. Вначале реквизировались излишки хлеба, потом — из того, что было оставлено на корм скоту, далее — из того, что было оставлено на каждодневное употребление самим хозяевам, и, наконец, стали реквизировать посевной материал. Разнообразное налогообложение ложилось тяжёлым бременем на ослабленные Первой мировой войной крестьянские хозяйства. Недовольство вызывало и то, что бедность становилась главным достоинством крестьянина. Бедные крестьяне освобождались от уплаты многочисленных налогов. Значительную часть бедных составляли лентяи и пьяницы. Мало того, что имущие крестьяне должны были кормить неимущих, так они должны были выполнять за них всяческие нормы, наложенные комитетами деревенской бедноты. К примеру, Комитет постановил свалить по 2 пары валенок для красноармейцев, а

три хозяйства не имеют овец. Их норма раскладывалась на имущих [1]. Аналогичная ситуация при снабжении Красной Армии сеном и соломой. Толпы голодающих ездили к справным хозяевам вместе с вооружённым продотрядом.

На съезде Северной области в январе 1919 г. делегатка Новоржевского уезда, жалуюсь на действия продовольственных отрядов, говорила, что последний раз ели хлеб весной прошлого года. Чтобы не умереть с голода, жители деревень Стега, Раково и других деревень Захонской и Горской волостей просили выдать паспорта для поездки в Украину [6].

В стране шла Гражданская война. Волостным Военным комиссариатом производилась вербовка в Красную Армию. Крестьяне массово дезертировали при перевозке к месту службы, а то и просто не являлись на сборные пункты. Дезертиры или укрывались дома, или бежали в леса, где пополняли ряды банд «зелёных». В борьбе с дезертирством Советами применялись экономические меры: оказывалась помощь семьям красноармейцев, проводились конфискации у семей дезертиров, брались заложники.

Наибольший размах крестьянское повстанческое движение приняло в начале 1919 г. В отрядах воевали офицеры и унтер-офицеры. Одни крестьяне добровольно пополняли ряды «Зелёной армии», других мобилизовали, угрожая оружием.

Псковский Губернский съезд продовольственников постановил уменьшить хлебный паёк до 20 фунтов. Уездный съезд поддержал и начал проводить решение в жизнь. Была организована Партийно-реквизиционная комиссия с целью правильного распределения продовольствия в будущем.

Это послужило поводом к крестьянскому повстанческому восстанию.

Из доклада Новоржевской Временной Военно-революционной комиссии при Новоржевском исполкоме, организованной 21.02.1919 г.:

20 февраля 1919 г. в Аксёновской волости вспыхнул контрреволюционный мятеж. На женское собрание, на котором выступала участница съезда Северной области, прибыли кулаки и дезертиры Дворицкой и Аполинской волостей, недовольные уменьшением пайка. Они не слушали выступающих, а требовали председателя волостного продовольственного отдела. Председатель разъяснил, что партийно-реквизиционная комиссия, установив правильную 20-ти фунтовую норму, разделит излишки между неимущими. Председателя продотдела стащили с трибуны, а председателя реквизиционной

комиссии Крылова разоружили. Исполком покинул своё место работы. В Аксёновской волости наступило безвластие. «Кулаки начали группироваться и, перебросившись, устроили контрреволюцию в Новинской волости, где восстание приняло серьёзный характер» *(Не верю, что, одержав победу, крестьяне в тот же день бросились громить Совет за 50 вёрст. Могли бы громить соседние — П. В.)*.

21 февраля была организована военно-революционная комиссия, председатель — Григорьев. Новоржевский исполком 22.02. объявил Аксёновскую и Новинскую волости на осадном положении. И сразу же отправили для расследования в Аксёново отделение Военно-революционной комиссии. Комиссия прибыла с вооружённым отрядом. Мятёжное крестьянство и дезертиры скапливались в с. Аксёново. Они устроили засаду за оградой церкви. Переговоры не удались. Повстанцы открыли огонь по отряду чекистов. В перестрелке убит коммунист Кудеверской волости, ранены член исполкома товарищ Вербицкий, член профсоюза Ламберг, 1 милиционер. Пулемётный огонь советского отряда рассеял повстанцев, 8 из них расстреляны на месте. Но силы были не равны, поэтому было принято решение отступить в Кудеверь. Собрав местные силы, отряд вновь вступил в Аксёновскую волость. Власть установили, произвели аресты. В том числе были арестованы некоторые члены волостного исполкома и доставлены в г. Новоржев.

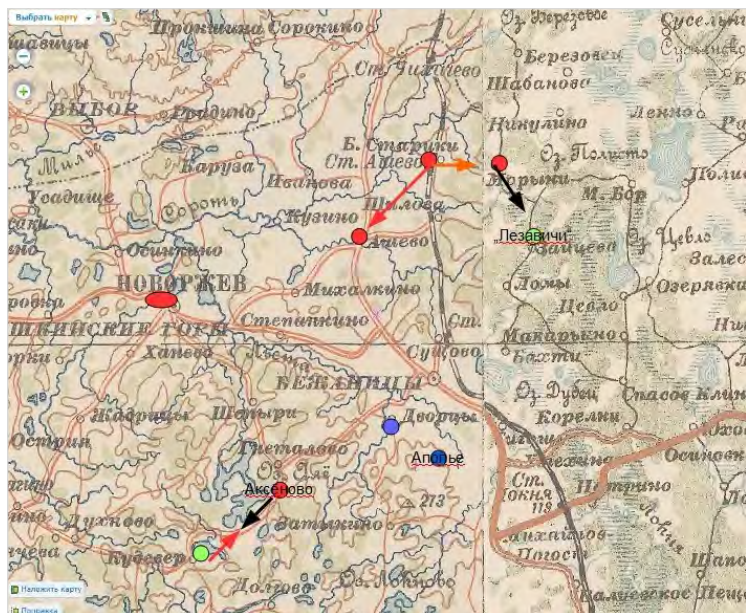
Второе отделение военно-революционной комиссии с вооружённым отрядом при пулемёте в количестве 30 человек отправилось в Новинскую волость, где местная власть уже была подавлена повстанцами. Расположились в местечке Марыни (центр Новинской волости). 23 вечером посты заметили наступление кулаков и дезертиров на волость. Завязался бой. В бою со стороны советского отряда погибли 3-е и 1 был ранен. Силы повстанцев превосходили в сотню раз. Тем не менее повстанцы были потеснены и выслали парламентёров. На переговоры пошёл Кузьмичёв с предложением добровольно сдать оружие, а дезертирам — явиться в уездный комиссариат по военным делам для отправки по частям. Ему наотрез отказали, и едва Кузьмичёв успел дойти до своих, как вновь разгорелся бой. Из-за перевеса сил противника советский отряд отступил к заводу «Лезавичи» (ныне пос. Красный Луч — П. В.) и сообщил о ситуации в Новоржевский уездный исполком. Уезд затребовал из Пскова войско, которое и прибыло по железной дороге на полустанок Ашевка со станции Дно с железнодорожной чрезвычайной комиссией (ЧК). Их встретили члены уездисполкома Осипов и Рыбаков и повели в бой на местечко Ма-

рыни. Красноармейцы московского полка при 2 пулемётах окружили Марыни. Пулемётная стрельба продолжалась 3 часа, в итоге банды были разбиты и в беспорядке отступили, оставив убитых и раненых. Со стороны советского отряда убит 1 человек.

23 февраля из Новоржева в с. Ашево (центр Горской волости) была выслана военно-революционная комиссия на автомобиле с 5 красноармейцами, которые имели несколько гранат и винтовок для поддержки ранее высланного отряда конных милиционеров. Во главе были члены исполкома Григорьев и Богданов. В Ашево организовали опорный пункт, выставили посты, так как в округе было неспокойно. Григорьев и Богданов отправились на полустанок Ашевка (в 12 верстах от с. Ашево), где соединились с дновской железнодорожной ЧК и отправились в с. Марыни для установки власти и производства дознания о восстании. Разбитые отступающие банды из Новинской волости, к которым присоединились банды Захонской и Горской волостей, внезапно напали на Ашево, где и разбили Горский исполком (*Или с числами в документе путаница, или банды из Новинской волости не напали на Ашево, так как 23 февраля банды в Новинской волости одержали победу, их разбили позже — П. В.*). Уничтожили все бумаги, продовольственные анкеты, похитили деньги, печати и засели в чайных. Остававшаяся в управлении милиции засада отстреливалась, но ввиду превосходства сил повстанцев в ночь на 24 февраля отступила.

24 февраля на полустанок Ашевка по линии железной дороги пришло сообщение о случившемся в с. Ашево. Здесь в то время были Григорьев, Богданов, комиссия по продовольствию войск Иванов, Осипов, Кузьмичёв. Решили двинуться на Ашево. Село заняли без боя, арестовав до 30 человек.

На тот момент Новоржевский уездный исполком остался с 2 членами: Никифоровым и Савельевым. Они созвали всех коммунистов и сочувствующих и решили: засесть в казначействе для охраны денег и ценностей, функции казначейства приостановить, город и уезд объявить на осадном положении. Выставленные караулы с помощью населения доносили об организации банд в селениях и деревнях, а именно в Слабоде, Волчицкое, Пещанке, Приветке, Мешточке. Положение было критическим. В 2 часа ночи вернулся отряд из 35 человек с товарищами Кузьмичёвым, Ивановым, Григорьевым. Они доложили, что обошли все опорные пункты, бой был только в Приветке, где убито 2 повстанца, да нашли убитого красноармейца Болтунова за деревней Волчицкое.

1 контрреволюция в Новоржевском уезде

Усматривая, что контрреволюционное движение ширится, военно-революционный комитет 26.02.1919 г. постановил: расстрелять 16 человек из них: 6 дезертиров, 10 контрреволюционеров, в том числе и попы: Преображенский и Триумфов. На полустанке Ашевская дновской железнодорожной ЧК совместно с членами уездной военно-революционной комиссии расстреляно 13 контрреволюционеров, участвующих в мятеже в селе Марыни. При отступлении банды были арестованы и расстреляны поручик Цветков и его помощник Карец. Были изданы приказы о добровольной сдаче огнестрельного оружия в 24 часа и о добровольной явке всех дезертиров в трёхдневный срок для отправки на фронт.

В это тревожное время было направлено уездным военным комиссаром Бузановым, Бегунским и Антоновым более 30 подвод с оружием в пункты сосредоточения повстанцев. Когда это выяснилось, от Бузанова потребовали немедленно вернуть оружие, на что он отвечал, что оружие не отправлялось. Так как с момента отправки прошло 1,5 часа, то оружие удалось вернуть в Новоржев буквально из-под носа повстанцев, а участники отправки были арестованы и препровождены в губернскую ЧК.

В период с 21.02.1919 по 18.03.1919 общая сумма арестованных 329 человек, освобождено за недоказанностью 144 человека, расстреляно 44 человека, передано губернской ЧК 3 человека, осуждены на разные сроки — 100, переданы в прифронтовой военно-революционный трибунал 50 человек [2].

Из телефонограмм узнаём, что в начале ноября 1919 г. в Горской, Заханской и Посадниковской волостях появились вооружённые банды «зелёных», численностью от 50 человек. Сделано нападение на агитатора, высланного из Новоржева, которого увели с собой, бандиты рвут телефонную сеть. Меры принимаются, но сил мало. В связи с этим председатель Новоржевского исполкома Федотов, опасаясь февральских событий, просил дать распоряжения Порхову и Острову, чтобы выслали свои отряды в указанные волости. Из Опочки ждали отряд в количестве 25 человек с 1 пулемётом 7 ноября. 7 ноября Посадниковскому исполкому из Острова пришла телефонограмма, что к ним из Заханской волости направляется банда в количестве 50 человек. Из Порхова в Посадниковскую волость был выслан советский отряд в количестве 31 человека с пулемётом. 11 ноября из Выбора сообщили, что на границе Заханской и Новинской волостей кочуют банды «зелёных», участвовавшие в восстании летом в Чихачёве. Обращалось внимание на пьянство властей [3].

24 ноября в Жадрицкий исполком из д. Антипово прибыл отряд красноармейцев во главе со старшим товарищем Громовым. С собою привели заложников за укрывательство своих сыновей-дезертиров. Громов вынул из кармана ручную бомбу и стал её заряжать. Бомба взорвалась (он успел положить её на стол, крикнув «ложись!»). Мебель разнесло в щепки — 2 стола, 2 шкафа, стулья, 6 окон, 2 двери. Повреждена стена. Ранено 3 красноармейца и 6 человек заложников [4].

Ночью 18 декабря 1919 г. 5-ю неизвестными, вооружёнными наганями и шашками, злоумышленниками произведено ограбление гражданина д. Федрицево (Федорцево) Новинской волости Петрова Григория. Похищены валенки и деньги. У гражданина д. Верендаля Ефима Игнатьева похищены валенки и шаровары. «Совершив гнусное преступление», бандиты взяли в д. Заболотье Новинской волости 2 подводы и последовали в с. Никольское Порховского уезда Городовицкой волости [5].

Крестьянское повстанческое движение пошло на убыль после отступления армии Юденича. Отряды «зелёных», прячась по лесам, соединялись с бандитскими и диверсионно-террористическими отрядами. С прекращением гражданской войны дезертиры стали возвра-

щаться к своим семьям. Бандитские отряды продолжали действовать до середины 1920-х гг. Следует отметить, что на границе Новинской волости Новоржевского уезда и Городовицкой волости Порховского уезда вблизи труднопроходимых болот остатки банд скрывались, пожалуй, до 1941 года.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАПО Ф. 286 О. 1 Д. 105. Л. 8, 9.
2. ГАПО Ф. 286 О. 1 Д. 110 Л. 31, 32.
3. Там же. Л. 18–29.
4. ГАПО Ф. 635 О. 1 Д. 34. Л. 1.
5. Там же. Л. 2.
6. ГАПО Ф. 980 О. 7 Д. 2. Л. 34, 68.

ПСКОВСКАЯ УЛИЦА В ПЕТЕРБУРГЕ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В статье рассказывается об истории Псковской улицы, начинающей с царствования Анны Иоанновны, когда она получила первое своё наименование — Большая Матросская.

Ключевые слова: *Малая Коломна; Грязная, Упразднённая улицы. Адмиралтейский район — Псковская улица.*

Псков и Петербург связаны множеством нитей: историческими событиями и судьбами людей. О Пскове в нашем городе напоминает Псковская улица, во Пскове — Ленинградская.

Всем краеведам нашего города Псковская улица знакома прежде всего потому, что на ней, в доме № 18, располагается Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Находится она в Адмиралтейском районе, бывшей Коломенской части, между Дровяным переулком и Лоцманской улицей. В прошлом — это район Малой Коломны. Первое своё название, Большая Матросская, она получила во время царствования Анны Иоанновны 20 августа 1739 г. Связанно это было с тем, что здесь предполагалось построить казармы для матросов Адмиралтейского морского ведомства¹. Об этом ведомстве напоминает и дошедшее до нас название Лоцманской улицы, в которую упирается Псковская. Это наименование улица получила тогда же, в 1739 г., по местоположению слободы лоцманов². Здесь уже больше 90 лет располагается головное здание Морского технического университета, бывшей знаменитой «Корабелки»³ — Ленинградского Кораблестроительного института. Однако название «Большая Матросская» осталось только на бумаге. Первое же реальное наименование нынешней Псковской — «Грязная улица» — возникло в конце XVIII в. и связано было с

¹ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб.: информационно издательского агентство «Лик», 2013. С. 367.

² Там же, с. 248.

³ Санкт-Петербург. Энциклопедия. СПб. — М.: Росг политическая энциклопедия (Росспэн), 2004.

неблагоустроенностью этой части города. Впрочем, подобные названия носили ещё несколько улиц бывшей российской столицы. В том числе и в самой Коломне⁴. С 1798 г. употреблялось ещё одно название — Упразднённая улица. Так в первой четверти XIX века называлось несколько близлежащих переулков: ныне Володи Ермака и Дровяной⁵. И лишь 160 лет назад, 14 июля 1859 г., Упразднённая улица получила название Псковской, в ряду близлежащих проездов, названных по губернским городам западной части Российской империи: Могилёвская (ныне Лермонтовский проспект), Витебская улица, Минский переулок⁶. С историей этого места связаны и названия пересекающих Псковскую Мясной улицы (по расположению вблизи её скотобойни)⁷ и Дровяного переулка (по местонахождению дровяного «западного магазейна», учреждённого Екатериной II для продажи дров зимой бедным людям по цене летней)⁸.

Псковская улица относительно небольшая: всего 30 домов (13 по нечётной и 17 по чётной сторонам). Из дореволюционной застройки до нашего времени дошёл 21 дом. По данным Атласа тринадцати частей Санкт-Петербурга Н. Цылова, в 1849 на тогда ещё Упразднённой улице стояли 6 одноэтажных, 15 — двухэтажных домов и 1 — четырёхэтажный. Кроме того, на плане улицы были отмечены три пустопорожних участка⁹.

С конца XVIII века сохранилось, лишь с незначительными изменениями, здание на Псковской улице, д. 14 — классический двухэтажный, с балконом, доходный дом, в 1862 г. перестроенный академиком архитектуры Георгием Андреевичем Прейсом (1820–1892)¹⁰. Другой старинный дом под № 1 — двухэтажный, на высоких подвалах, безордерной архитектуры, построен в 1839 г. по проекту военного инженера Александра Петровича Полякова (?–1861)¹¹. Наиболее интенсивное

⁴ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга, Указ. изд., с. 367.

⁵ Там же, с. 101 и с. 140.

⁶ Там же, с. 367.

⁷ Там же, с. 291.

⁸ Там же, с. 140–141.

⁹ Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга. Составил Н. Цылов. СПб., 1849 г. С. 73.

¹⁰ Архитекторы строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века Справочник. Под общей редакцией Б. М. Кирикова. СПб.: Пилигрим, 1995. С. 253. Это один из трёх домов улицы, включенных в свод вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность учётных зданий.

¹¹ Там же, с. 250.

строительство и перестройка старых зданий, часть из которых была включена во вновь возведённые, развернулось в эпоху Александра II, после крестьянской реформы 1861 г., вызвавшей массовый приток в город крестьян, освобождённых от крепостной зависимости, о чём свидетельствуют данные «Всеобщей адресной книги С.-Петербурга» на 1867–1868 гг.¹² С начала 1860-х по 1880 г. на Псковской улице было построено 9 доходных многоэтажных домов, ещё 5 возведено на рубеже XIX — начала XX вв., в царствование императора Николая II¹³.

Восемь домов на месте разобранных старых, в основном деревянных, и пустопорожних участков были построены уже в советское время. Если говорить о характерных особенностях архитектурного облика улицы, её преобладающий стиль — эклектика, от ранней до поздней. На фоне эклектической застройки выделяются дома № 5 А. Н. Балаева (1910 г. автор проекта гражданский инженер Сергей Владимирович Баниге (1862–1926)¹⁴), № 8/8 (1913 г., автор проекта архитектор Владимир Петрович Кондратьев (1867–1952)¹⁵, № 16 (1906 г., авторы проекта — военные инженеры Николай Михайлович Никифоров (1870–?)¹⁶ и Александр Яковлевич Родионов (1870–1917)¹⁷, а также единственное здание городского подчинения, в прошлом Коломенское отделение городского ломбарда, а ныне Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Псковская д. 18 (1905–1906), архитектор Ричард Андреевич Берзен (1868–1958)¹⁸. Традиционно для застройки Петербурга, сложившейся ещё в петровское время, дома здесь стоят «единою фасадом», «в красную линию». Разрывы образуют лишь две упомянутые улицы и переулок, пересекающие Псковскую. Подавляющее большинство дореволюционных зданий здесь — доходные дома с характерными для них дворами-колодцами, по всему периметру застроенными многоэтажными флигелями с въездными арками. У домов советского времени дворы без подобной уплотнительной застройки — простор-

¹² Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга на 1867–1868 г. в 5 отделениях СПб.: издание Корнфельда, 1867 раздел «Табель домов». С. 4–86.

¹³ По данным справочника «Архитекторы-строители» Санкт-Петербурга середины XIX — начало XX века. Указ. ип. 3.

¹⁴ Архитекторы строители Санкт-Петербурга середины XIX — начало XX века. Указ изд. С. 29–30. Это еще один дом, включенных в свод вновь выявленных объектов, представляющих художественную ценность.

¹⁵ Там же, с. 166–167.

¹⁶ Там же, с. 228–229.

¹⁷ Там же, с. 265.

¹⁸ Там же, с. 45. Это третий дом, включенный в свод вновь выявленных объектов, представляющих художественную ценность.

ные и зелёные. Хотя большинство домов на Псковской улице можно отнести к разряду так называемой рядовой архитектуры — в их строительстве, наряду с техниками городской управы, участвовали известные в Петербурге инженеры-архитекторы, выпускники Института гражданских инженеров и Николаевской инженерной академии, а также 5 академиков. Помимо уже упомянутого Г. А. Прейса, это Николай Фёдорович Беккер (1838 — после 1917), автор 37 доходных домов и особняков, в т. ч. дома № 12 по Псковской улице¹⁹; архитектор и художник-акварелист фон Геккер Василий Фёдорович (1828–1902) — на его счету 75 зданий (!), в т. ч. и дом № 20 по Псковской улице²⁰; Василий Васильевич Штром (1821–1896), перестроивший в 1879 дом № 25²¹; Август Иванович Ланге (1813–1881), в 1859–1860 г. возведший на Псковской улице дом 36/18²².

Участие этих и других авторитетных архитекторов в проектировании доходных домов на Псковской улице стало возможным благодаря значительным средствам, которые вкладывали в строительство их владельцы. А сами эти средства они могли получить, начиная с 1861 г., под залог земли и недвижимости в Санкт-Петербургском городском кредитном обществе сроком на 25, а позже и на 37 ½ лет. Один из архитекторов этого общества, регулярно в составе комиссии оценивавший стоимость земли и строений, Шагин Дмитрий Алексеевич, построил в 1902 г. на Псковской улице угловой дом № 2/7, включив туда уже существовавший ранее²³. Кто же были эти домовладельцы? За 280 лет существования улицы сменились десятки собственников. Из уже упомянутого «Атласа тринадцати частей Санкт-Петербурга» Н. Цылова известно, что в середине XIX века первыми домами на тогда ещё Упразднённой улице владели 16 чиновников — от титулярных советников до действительных статских, 2 военных, 6 купцов, 2 мещанина, 3 ремесленника и жена священнослужителя. По данным Всеобщей адресной книги С.-Петербурга на 1867–1868 гг., в это время заметно увеличилась доля домовладельцев купеческого сословия²⁴.

¹⁹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Указ. изд., с. 37–38.

²⁰ Там же, с. 89–91.

²¹ Там же, с. 341.

²² Там же, с. 190–191.

²³ Там же, с. 323–324.

²⁴ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга на 1867–1868 гг. указ. изд. с. м. Табель домов г. Петербурга, составленный в алфавитном порядке по фамилиям домовладельцев.

Псковская улица в Петербурге.
Общий вид

Псковская улица фронтальной
застройкой

Псковская улица, д. 14.

Псковская улица, д. 1

Псковская улица, д. 3

Псковская улица, д. 6

Псковская ул., д. 10

Псковская ул., д. 8-1

Псковская улица, д. 8-2

Псковская улица, д. 16

Псковская улица, д. 18

Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб)

Сквер в пространстве между Псковской и Витебской улицами

Из просмотренных нами адресно-справочных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград» с 1892 по 1917 гг. выявилась следующая статистика. Среди домовладельцев мы нашли имена потомственных дворян: князя Александра Львовича Гагарина, статского советника, в звании камергера, в 1910–1912 г., владевшего доходным домом № 3²⁵ (в 1913 г. он продал этот дом Дмитрию Фёдоровичу Фон Реке)²⁶; барона Фёдора Родионовича Бистрома, коллежского секретаря, члена Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете (с 1842 по 1900 г. он владел домом № 28 по Псковской улице)²⁷; Софьи Петровны Миллер, вдовы генерал-майора (ей с 1842 по 1907 гг. принадлежал дом № 14, в котором впоследствии размещалось так называемое Римско-католическое убежище для малолетних детей обоего пола)²⁸; Екатерины Платоновны Певцовой (с 1898 по 1917 г. она и её потомки владели домом № 5)²⁹. К дворянскому сословию принадлежал и архитектор Владимир Петрович Кондратьев, который в 1913 г. построил для себя доходный дом и владел им до 1917 г.³⁰ Этот домовладелец заслуживает особого внимания. Он был одним из инициаторов строительства благоустроенного жилья для рабочих, руководил собственной строительной компанией, с 1905 г. был гласным Городской думы, а после Октябрьской революции 1917 г. временно руководил наркоматом промышленности и торговли; в 1920-е гг. был главным архитектором Воронежской области, работал также и в Москве³¹.

Более 20 лет домом № 12 на Псковской улице владели Анна Карловна Шуппе, вдова действительного статского советника, и её потомки³², среди которых были потомственные дворяне, магистр фармацевтики, титулярный советник Николай Карлович Шуппе и коллежский советник, провизор, владелец Новознаменской аптеки

²⁵ Весь Петербург. Адресно-справочная книга «Весь Петербург» на 1910 г. СПб.: Издательство А. С. Суборина. С. 181, 354.

²⁶ «Весь Петербург» на 1914 г., с. 318.

²⁷ Адресная книга, г. С-Петербурга на 1892 г. под ред. П. О. Яблонского «Весь Петербурга» на 1900 г., с. 95, 318, 326, 396.

²⁸ «Весь Петербург» на 1898 г., с. 311, 348.

²⁹ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 382.

³⁰ «Весь Петербург» на 1907 г., с. 326–327, 189.

³¹ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. Справочник. Указ. изд., с. 166–167.

³² «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, с. 739, 93. Вдова проживала в Царском Селе на Средней улице, в доме Андреева.

Кирилл Николаевич Гранат³³ и др. Значительный процент домовладельцев на Псковской улице по-прежнему занимали представители купеческого сословия. Без малого четверть века домом 1/13 владела потомственная почётная гражданка Елизавета Павловна Москвина³⁴. Владельцами домов № 15 и 17 с 1890-х по 1917 гг. были представители купеческой семьи Шагиных, занимавшихся мясной торговлей³⁵. Ещё один купец, Фёдор Иванович Танский, в 1905–1907 г. владевший домами 19 и 21, держал магазин велосипедов и автомобильных колясок «Победа» и состоял членом Санкт-Петербургского автомобильного клуба³⁶.

В разные годы домовладельцами на Псковской улице были купцы и купчихи: Иван Григорьевич Торкачёв (д. 34), потомственный почётный гражданин, владелец многих доходных домов, дровяного двора, бань и ломового извоза, староста церкви Воздвижения Креста Господня³⁷; Александра Андреевна Истомина, потомственная почётная гражданка, владевшая мануфактурным производством (д. 4)³⁸; владельцами дома 11/22, а также пивной, были наследники Лукинские³⁹; содержал трактир на Псковской улице Василий Дмитриевич Рогозин (здесь в 1917 г. ему принадлежал дом № 3)⁴⁰, владельцем домов № 19 и 21 и бань в 1912 г. был купец Филипп Фёдорович Евстратов⁴¹; торговал рыбой на Литовском рынке Михаил Андреевич Углев, в 1890–1900 г. владелец дома № 10/15 на Псковской улице⁴², а Михаил Иванович Буланов, владелец дома № 25/16, содержал там же мелочную лавку⁴³; как и владелец дома 6 — Николай Михайлович Шиле, строительными подрядами занимался Родион Степанович Гробов, которому с 1892 по 1897 гг. принадлежал здесь дом № 21⁴⁴ и Яков Евдокимович Базанов, почётный гражданин, владелец дома № 16⁴⁵.

К представителям среднего класса мы бы сегодня отнесли вла-
³³ «Весь Петербург» Адресно-справочная книга на 1917 г., указ. изд., с. 181 (Шуппе), с. 98, 230, 315, 418.

³⁴ «Весь Петербург» на 1917 г., с. 315, 466.

³⁵ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 710.

³⁶ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 630.

³⁷ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 94, 210.

³⁸ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 266, 312.

³⁹ «Весь Петербург» на 1912 г., с. 301, 587.

⁴⁰ «Весь Петербург» на 1917 г., с. 315.

⁴¹ «Весь Петербург» на 1912 г., с. 54, 150, 298, 318.

⁴² «Весь Петербург» на 1900 г., с. 318, 583.

⁴³ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 84, 210, 318.

⁴⁴ Адресная книга С.-Петербурга на 1892 г., с. 39.

⁴⁵ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 37, 312.

дельцев недвижимости на Псковской улице из числа разночинцев инженерно-технической интеллигенции. Двое из них были инженерами Путей сообщения: Николай Григорьевич Резцов, директор правления Санкт-Петербургского благотворительного тюремного фонда (ему принадлежал дом № 19)⁴⁶, Алексей Петрович Даниловский (владел домом 10/15)⁴⁷. А совладелец этого дома, его родной брат, Пётр Петрович, надворный советник, врач, служил в Собственной Её Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии и занимался врачебной практикой⁴⁸.

Владелицей дома № 6 в 1917 г. была врач Надежда Константиновна Самойлович⁴⁹. В предреволюционные годы домами № 19 и 21 владел Василий Аксентьевич Красношеев, дамский портной⁵⁰. Большинство же домовладельцев на Псковской, как следует из просмотренных нами адресных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград», нигде не служили и жили за счёт прибыли от квартирной платы жильцов и аренды помещений под торговлю. К их числу принадлежали многолетние владельцы домов по нечётной стороне: № 3 — Яков Яковлевич Воронов⁵¹, 11/22 — Надежда Егоровна Семёнова⁵², 13/15 — Иван Васильевич и Анна Васильевна Васильевы⁵³, № 21 — Вячеслав Вячеславович Мяснов⁵⁴, № 23 — Пелагея Филимоновна, Иван Васильевич и Софья Васильевна Кирилловы⁵⁵; по чётной стороне: № 2 — Карл Фёдорович Шоффер⁵⁶ (с 1892 по 1910), № 22–24 — Мирон Сергеевич Сергеев⁵⁷, № 24/17 — Гавриил Петрович Воронов⁵⁸, № 26 — Акулина Архиповна Горбунова⁵⁹, № 32 — Иван Климович Климов⁶⁰, № 36 — Иван Сергеевич Тимофеев и его наследники⁶¹.

⁴⁶ «Весь Петербург» на 1914 г., с. 318, 576.

⁴⁷ «Весь Петербург» на 1912 г., с. 361, 461.

⁴⁸ «Весь Петербург» на 1912 г., с. 361, 461.

⁴⁹ «Весь Петербург» на ... «Весь Петроград» на 1917 г., с. 315, 605.

⁵⁰ «Весь Петербург», там же, с. 315, 352.

⁵¹ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 132.

⁵² «Весь Петербург» там же, с. 245, 312, 578.

⁵³ «Весь Петербург» на 1898 г., с. 311, 51, 366.

⁵⁴ «Весь Петербург» на 1903 г., с. 307.

⁵⁵ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 312, 291.

⁵⁶ «Весь Петербург» там же, с. 291.

⁵⁷ «Весь Петербург» на 1898–1914 г. (он владел домом более 20 лет!).

⁵⁸ «Весь Петербург» на 1905 г., с. 132, 312.

⁵⁹ «Весь Петербург» там же, с. 168, 312.

⁶⁰ «Весь Петербург» на 1912 г., с. 361, 414.

⁶¹ Адресная книга С-Петербурга на 1892 г., с. 39, «Весь Петербург» на 1917 г., с. 318.

Следует отметить, что лишь треть названных домовладельцев проживали в собственных домах.

Что касается жильцов дома, выявленных нами по адресно-справочным книгам, это были мелкие чиновники (коллежские регистраторы и секретари), жёны и дочери военных, торговцы, владельцы молочных и табличных лавок, чайных и бакалейной торговли, часовых мастерских⁶², ремесленники (сапожники, маляры).

Накануне 1917 года на Псковской улице проживал единственный помощник присяжного поверенного Борис Фёдорович Бохановский⁶³, зато 4 чертёжника (С. А. Кондратьев, И. Б. Лапкин, Г. А. Маляцинский и А. И. Угаров)⁶⁴, 8 акушеров (Е. К. Кравцова, Е. И. Беляева, М. Е. Никитина, Т. Е. Тихонова, А. К. Осипова, Л. Ф. Пучковская, М. Н. Осипова, А. Г. Францискевич-Яновская), один зубной врач (М. Г. Скляревский) и один специалист по нервно-душевым болезням⁶⁵.

Из людей, причастных к искусству, нами выявлены Алоиз Лукич Гарпф, проживавший в д. 2, музыкант оркестра Мариинского театра⁶⁶, а также артистки Императорской балетной труппы Большакова Галина Иосифовна и Большакова (Владимирова) Лидия Иосифовна. Они жили в доме № 6⁶⁷.

Из учебных заведений на Псковской улице в доме № 25 располагалась лишь одноклассная школа для девочек и мальчиков при Воскресенской Мало-Коломенской церкви⁶⁸. Единственным учреждением городского подчинения на улице был Коломенский ломбард, размещавшийся, как уже отмечено выше, в специально построенном для него доме № 18. Из адресно-справочной книги «Весь Петроград» на 1917 мы узнаём, что заведующим Коломенским отделением городского ломбарда был Михаил Иванович Гудков, а в его штате работали 15 конторщиков. Ломбард был открыт для выдачи ссуд от 10 часов утра до 6 часов вечера, кроме воскресенья и праздничных дней. Ежедневно проходила и аукционная продажа просроченных залогов⁶⁹. На улице было несколько молочных и бакалейных лавок и трактир.

Но не хлебом единым жили её обитатели.

⁶² По адресно-справочным книгам 1867–1868 гг., 1892, 1894–1917 гг.

⁶³ «Весь Петроград» на 1917 г., с. 829.

⁶⁴ Там же, с. 873.

⁶⁵ Там же, с. 779.

⁶⁶ Там же, с. 150.

⁶⁷ Там же, с. 73.

⁶⁸ Там же, с. 88.

⁶⁹ «Весь Петроград» на 1917 г., с. 206.

Поминальный крест

В сквере, в начале улицы, стоит поминальный крест с надписью: На этом месте стоял храм Воскресения Христова (Михаила Архангела), что в Малой Коломне. Приход церкви был основан в 1832 г., а сам храм по проекту известного архитектора Н. Е. Ефимова, представителя ранней эклектики, строили 40 лет, с 1847 по 1887 гг. храм имел также нижнюю пещерную церковь Рождества Христова с точной копией Владимирского вертепа (яслей) — места рождения Христа Спасителя. Трагически сложилась судьба последнего настоятеля храма, протоиерея Михаила Чельцова: в 1931 г., в праздник Рож-

дства Христова, он был расстрелян, а в наши дни Русской Православной Церковью причислен к лику святых. В 1932 г. был закрыт и взорван и сам храм⁷⁰.

Возможно, Псковская улица на окраине Малой Коломны так бы и оставалась мало заметной в тени более известных соседних улиц (Декабристов) и проспектов (Римского-Корсакова, Английского), если бы многократно упомянутое здание Коломенского отделения бывшего городского ломбарда не было бы передано в апреле 1926 года созданному ещё в 1918 г. Архивному бюро, переоборудованному под архивохранилище. За более чем 90 лет сюда были переведены многие тысячи ценнейших документов, относящихся от второй половины XVIII века до 1917 г. Сегодня Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) является крупнейшим центром научно-исследовательской деятельности в области краеведения. Ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, сюда приходят десятки исследователей — от известных краеведов и генеалогов до студентов и школьников. По архивным материалам ЦГИА СПб на Псковской улице написаны уже десятки монографий, энциклопедии и справочники по истории Петербурга, его улиц и проспектов, учебных заведений и промышленных предприятий, о деятелях культуры и науки⁷¹. В двух архивных фондах (511 — Городской управы и 515 — Санкт-Петербургского городского кредитного общества, хранятся дела, связанные с домами и на Псковской улице.

Адрес «Псковская, 18» стал знаковым для всех краеведов и музейных работников Петербурга, а вместе с ними особую значимость приобрела и сама Псковская улица.

⁷⁰ Антонов В. В. Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга, Христианско историко-краеведческая энциклопедия. СПб.: Лики России, 2003. С. 84.

⁷¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Путеводитель в двух томах, Т. 1. С. 3–25.

**СУДЬБЫ КРЕСТЬЯНСКИЕ
В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА ПСКОВЩИНЕ
(по воспоминаниям Василия Анисимовича Иванова)**

Статья основана на воспоминаниях отца автора, крестьянина деревни Зальсажье Палкинского района, на себе испытавшего горькую судьбу большей части «участников» коллективизации, которая в конечном итоге привела к гибели сельского хозяйства, деревни...

Ключевые слова: *крестьяне, деревня, родная земля, уважение к труду, драматические события, судьбы людские.*

Теперь забывают слово «крестьянин» — чаще зовут сельского хозяина фермером, хотя в России это иностранное слово плохо воспринимается.

Крестьянин — потому и крестьянин, что всегда был ближе к Богу. С Божьей помощью да с молитвой он совершал свои праведные труды на земле. Человек, живший на земле, нёс свой крест, своё послушание перед Богом, и тем был нравственен и велик. А фермер, в первую очередь, — собственник и бизнесмен, у которого душа болит о выгоде своего дела. Нет выгоды — и прощай, ферма, едем мыть золото! Хорошо это или плохо? Наверное, на мой взгляд, в быстро меняющемся, прогрессирующем обществе — это хорошо, но в патриархальном, статичном обществе — плохо. Любая ломка воспринимается болезненно, даже если она происходит во имя светлого будущего. Светлое будущее может и не наступить, а трагедия слома существующего бытия — вот она, сегодня. Хотя есть такая пословица: «Ломать — не строить, душа не болит». Но это если глянуть со стороны, чужими глазами. Но настоящий хозяин вряд ли решится сходу ломать то, что созидалось годами и своими руками.

Но сколько раз так бывало на Руси. Люди старались, обустроивались, но приходил агрессор, захватчик и всё уничтожал, людей убивали или уводили в полон. И земля, ещё недавно обетованная, пустела. Любое насилие, каким бы способом оно ни насаждалось, всегда приводило к утрате людей с их навыками, знаниями, традициями, обычаями.

Эта тема бесконечная, вызывающая глубокие душевные и негативные эмоции у людей, а потому её не принято ворошить. Но если не ворошить, всё плохое начинает забываться, а насилие может вспыхнуть снова, и в новых формах. И как это сделать — изобретателей достаточно. Современный человек должен знать не только героическое прошлое страны, но и те моменты и эпизоды, за которые стыдно и обидно. Наверное, жизнь человеческого сообщества не может быть без анализа прошлых ошибок, которые часто граничат с преступными действиями и которые не должны повторяться в будущем. В этом залог поступательного развития страны и уверенности граждан в завтрашнем дне.

Эти предостережения, в полной мере, относятся и к крестьянам, начиная, в первую очередь, с пренебрежительного отношения к ним со стороны людей иных сословий. «Чёрная кость», «сиволапые» — да мало ли прозвищ было у крестьян?! Но крестьяне сохраняли самоуважение и народную мудрость, передавая детям уважение к людям, труду и земле.

И вот в начале XXI века не стало деревни в её прямом смысле, когда земля была и поилица, и кормилица. В настоящее время в близлежащих к городам деревнях проживают летней порой лишь дачники. В глубинке в основном — брошенные деревни. Это лишний раз говорит о том, что процесс раскрестьянивания завершился.

Разобраться в некоторых причинах, приведших к столь печальному результату, помогут воспоминания моего отца Иванова Василия Анисимовича, 1919 года рождения, изложенные в его книге «Судьбы крестьянские» (Псков, 2017 г.). Родина отца — деревня Зальсажье Палкинского района Псковской области.

Нет необходимости пересказывать содержание всей книги — она многоплановая. Я остановлюсь лишь на судьбах людей — односельчан отца в период коллективизации.

В своей книге отец пишет о самых драматических событиях в Советской России, происходивших в конце 20-х — начале 30-х годов XX века, о коллективизации. Всё, увиденное глазами подростка; всё, услышанное чутким ухом крестьянского сына, — вложил он в свои, зачастую горькие, строки.

Воспоминания Василия Анисимовича — это, прежде всего, повесть о жизни его отца, а для моего дедушки, Иванова Анисима Ива-

новича, коллективизация и все выпавшие в то время трудности, порою невыносимые, стоили ему жизни. Автор на стр. 83 своей книги пишет: «Не все события, происходившие при жизни отца, сохранились в моей памяти, но что помню, я старался описать, ничего не выдумывая и не фантазируя... Воспоминания, разговоры взрослых о событиях начала тридцатых годов,— вот что хотелось бы напомнить».

Крестьянин-единоличник — кто он такой? Чем он отличается от обывателя, колхозника, индивидуального предпринимателя? А вот чем, с моей точки зрения: своим отношением к тому, что имеет, что даёт ему пропитание, что является смыслом жизни. А этот смысл подразумевает жизнь на родной земле, в родимой деревне, в налаживании простого и самоценного крестьянского быта. Так повелось из глубины веков: первое дело — обустраивать своё поле, свой дом, простой крестьянский быт. Именно это и делало наш край заселённым, ухоженным, красивым.

Советская власть, установившаяся в России с 1917 года, после изнурительной гражданской войны ввела НЭП и тем самым раззадоорила крестьянина, повернув его к активной работе. Но в конце двадцатых годов власть круто изменила политику в отношении крестьян в сторону ущемления их прав. А ведь одним из первых лозунгов Советской власти был и «Земля — крестьянам!».

Так что же получилось в процессе становления новой экономической политики? На мой взгляд, получилось так, что крестьянами-единоличниками стало трудно управлять, и государственная машина, пытавшаяся регулировать всё и вся, начала давать сбои. По мере консолидации власти вокруг Сталина росло и вмешательство государства во все дела, в том числе и крестьянские. В 1927 году землю в крестьянских общинах было решено поделить на «отруба». И об этом повествование Василия Анисимовича (с. 32): «Земли, принадлежащие деревне, по плодородию были разными: около деревни поля были плодородные, отдалённые поля — менее урожайные, поэтому большинство жителей ожидало результатов работы землемера с большой тревогой». Власть, в лице Сельского Совета, сделала всё для того, чтобы неугодные ей крестьяне получили худшие участки.

Эта работа продолжалась и в 1928 году, лето которого было холодным и дождливым. На многих участках — «отрубках» стояла всё лето вода, что-то сгнило, был неурожай зерновых, а часть урожая просто не успели убрать. В результате над деревней нависла угроза голода. Не лучше обстояли дела и в семье Иванова Анисима. При выпечке хлеба в муку добавляли «пёлы» — мякину, так назывались растительные остатки после провеивания ржи. Другие жители дерев-

ни добавляли в муку льняные головки, предварительно измельчив их в ступе, но хлеб получался горький. В некоторых домах ели два раза в день — и это при том, что надо было выполнять каждодневную тяжёлую крестьянскую работу. Вот такие это были кулаки деревни Зальсажье. Да, в некоторых хозяйствах применяли наёмный труд, но только в том случае, если не хватало своих работников, или была финансовая возможность нанять таких работников, что считалось незазорным поучиться уму-разуму у крепкого хозяина.

Политика государства в это время была направлена на проведение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, как класса. Ломка вековых устоев крестьянской жизни была полна трагедиями. Власти пытались изменить сознание крестьянина-единоличника, проведя обобществление имущества, — крестьянский двор фактически оставался пустым. Всё шло в общий котёл: скот, зерно, сельскохозяйственное орудия, и самое главное — земля, которая совсем недавно была нарезана на «отруба» каждому хозяйству. Весь этот процесс сопровождался полным равнодушием со стороны властей — для них это было как бы привычным делом, а крестьянин от сердца, можно сказать, отрывал то, что годами зарабатывал своим трудом. Вот как об этом пишет Василий Анисимович (с. 62): «Отец отвёл в колхоз молодую корову. В правлении колхоза «Безбожник» ему сказали: «Привёл корову — хорошо». Корову привязали к забору, даже расписки никакой не дали. После говорили, что корову зарезали и её мясом кормили колхозников во время заготовки сена».

Отдав своё хозяйство в колхоз, крестьянин становился, по сути, наёмным работником. В колхозах вводилось обязательное выполнение трудодней. Если колхозник не вырабатывал положенное число трудодней, его наказывали материально, снижали натуральную оплату за труд, что приводило многие семьи на грань выживания. «Искоренение кулачества, как класса» — одна из самых жестоких и трагических, по своим последствиям, формулировок советского периода России. Эта формулировка давала огромные возможности власти предрежущим распоряжаться судьбами людей, вплоть до физического уничтожения. Но самое прискорбное, что в этот класс кулаков попадали не только крестьяне, применявшие наёмный труд, зачастую из-за сложившихся семейных обстоятельств, но и крестьяне-середняки, которые не кланялись при каждом удобном случае представителям власти».

Отец подробно описывает те хозяйства в деревне, которые были выселены в первую очередь. Это были самые крепкие и богатые хозяева — мужики в деревне Зальсажье: Пантелей Матвеев и Алексей Петров — по-деревенски — Алёкса. Выдержка из текста воспоминаний

(с. 44): «В эти годы два хозяйства деревни лишились средств к существованию, только неясно, за какие такие грехи. Может, за то, что много работали и экономно жили. С этих лет началась ликвидация крестьянства. Алёкса вынужден был надеть суму и идти просить милостыню, но по ближним деревням не ходил. Говорили, что он встал в своей избе на колени перед семьёй, попросил у всех прощения, взял суму и пошёл просить милостыню».

Жил в деревне Зальсажье крепкий хозяин Митрофан Николаев, воевал на стороне красных в гражданскую войну. В начале 30-х годов Митрофана, по ложному доносу, арестовали, судили и дали тюремный срок. Семья, в которой было четверо детей, осталась без кормильца. Но всё равно власти забрали у них хозяйство и последнюю корову. Освободился Митрофан в 1935 году, но в деревне жить ему не разрешили — выслали в Старую Руссу. Впоследствии сам Митрофан и четыре его сына погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Невозможно понять, в чём состояла вина этих людей, почему им выпала такая тяжёлая доля».

В период коллективизации власти не давали покоя крестьянину-единоличнику. Он мог в любой момент попасть в кулаки или подкулачники. Люди жили в постоянной тревоге, даже свадьбы в деревнях стали большой редкостью.

Летом 1932 года в деревню Зальсажье вселили 5 семей из разных деревень Палкинского района. В чём были виноваты эти семьи, деревенские жители не знали. Но все эти семьи не были зажиточными. Их вселили в большие многодетные семьи. А вот как устроивались 12–14 человек на ночлег в избе размером 6х6 м, даже трудно представить. В деревне они прожили до марта 1935 года, а затем их выселили в Среднюю Азию. Из воспоминаний отца (с. 67): «К 1935 году власти уже накопили достаточно опыта по выселению жителей деревни, потому что выбрали март месяц. В какое время была высылка на Урал, не знаю, а вот высылка в Синявинские болота была в морозном феврале, и люди поморозились; на Кольский полуостров в Апатиты выселяли в июле месяце. К этому времени рожь выросла высокой и в ней некоторые парни попрятались. А в марте скрыться было негде: ещё было достаточно холодно, к тому же всех мужчин из выселенцев отвезли в тюрьму Пскова».

Трагедия крестьян со всей достоверностью видна из описания самого процесса выселения, сбора одежды, пожитков. Люди уезжали в неизвестность, было много слёз и человеческого горя. Отец вспоминает (с. 69): «Из нашей деревни Зальсажье выселяли четыре семьи, вселённых в деревню несколько лет назад из других деревень, и одну

семью из жителей нашей деревни. Сколько было запряжено лошадей для перевозки поселенцев, не помню, но не более десяти. Проводить выселяемых пришли все жители деревни. Было много слёз как у выселяемых, так и у провожающих. Выселяемые оплакивали свою горькую судьбу, а некоторые провожающие плакали по выселяемым, и о том, что и в их жизни, в недалёком будущем, может произойти подобная трагедия... Не помню выражения лица сидящей на телеге тёти Насти, на долю которой выпало много горя. Ещё до высылки она схоронила мужа и двоих взрослых сыновей, от неё власти забрали всё, что только можно было взять: светлую избу, всю надворную постройку, скот, одежду, хлеб... Какой идиот, человеконенавистник, по какому праву обрушил на русского крестьянина губительные наказания? Чем была виновата простая деревенская труженица Анастасия? Тем, что много работала»... В тот день выселяли крестьян из многих деревень. Обоз со скарбом и людьми растянулся на 1,5 км и стал двигаться по направлению к железнодорожной станции Черская, откуда лежал долгий путь в Среднюю Азию.

Как реагировал народ на эту акцию властей? «Народ долго стоял у дороги, провожая выселенцев; наконец, последние подводы скрылись в низине напротив деревни Гашнево, и люди с тяжёлым сердцем начали расходиться по домам» (с. 70).

Так происходила одна из трагедий русского крестьянства. Обещанная счастливая жизнь в колхозе во многих случаях не получилась. Колхозами зачастую руководили люди, как пишет отец (с. 83), «безграмотные, безнравственные, не умеющие работать даже в своём хозяйстве. Эти мелочные люди составляли фундамент, на котором строился колхоз»...

В 1927 году в деревне Зальсажье проживало 110–120 человек, а через 10 лет, в 1937 году, в деревне осталось уже 65 жителей. К 1937 году деревня уменьшилась на 8 дворов. К этому году, по наблюдениям отца (с. 123), «деревня Зальсажье потеряла свой прежний житейский вид, стала казаться сиротливой, обиженной. По обе стороны дороги, проходившей вдоль деревни, были пустые, поросшие травой, участки земли, на которых лежали камни-валуны, бывшие когда-то основанием для построек... Последний житель покинул деревню в 1984 году. И теперь, где была деревня, где веками рождались и умирали люди, где уходили на войну, пели и плясали в праздничные дни, где грустили и радовались, где рано поутру скрипели «журавли» колодцев и раздавались голоса людей, выгонявших скот на пастбище, стоит жуткая тревожная тишина».

Очевиден вывод: коллективизация, проведённая такими методами, привела не только к трагедиям и сломала судьбы многих чест-

ных тружеников и их семей, но стала, по существу, первой причиной ликвидации крестьянства и русской деревни.

Крестьянин, работая в колхозе, всегда был в тревоге за результат своего труда — и в случае урожая, и в случае неурожая, поскольку натуральная оплата производилась по остаточному принципу, что останется от госпоставок, которые строго соблюдались. Со своего хозяйства крестьянин продавал излишки продукции, а не наоборот. Проблема сытой, счастливой жизни труженика колхозом не была решена или решалась медленно. А там, где она никак не решалась, крестьянин стал искать лучшей доли в городах, на стройках, на целине. И деревня в течение нескольких поколений обезлюдела, а многие деревни, в том числе и Зальсажье, исчезли с карты России.

Россия всегда прирастала деревней, но в нашей нечернозёмной зоне деревень всё меньше. А если и есть, то коренных жителей очень мало — в основном, дачники. Где вы — герои Василия Шукшина, Василия Белова, Анатолия Иванова, Михаила Алексева?!

Они остались свидетелями ушедшей эпохи, как и воспоминания моего отца о той далёкой и такой горевой жизни русского крестьянства.

Уменьшение крестьянского населения сказалось и на численности населения Псковской области. Если в 1926 году на территории современной Псковской области проживало 1 млн 788 тысяч человек², то по последним данным, в 2019 году в Псковской области проживает 629 тысяч 651 человек, а сельское население составляет 181 тысячу 866 человек³. Псковская область отнесена к числу депрессивных регионов.

По отношению к поднятой теме очень подходят крылатые слова покойного премьера России Виктора Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось, как всегда». Большинство колхозов, не поддержанные новой властью, пришедшей в «перестройку», прекратили своё существование, их имущество было разворовано, техника сдана в металлолом, земля поделена на пай, большинство которых бывшие колхозники продали за бесценок, и крестьянин в очередной раз оказался беззащитным перед новой стихией — стихией рыночных отношений.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Иванов В. А.* Судьбы крестьянские: Рассказы. Исторические повести. Псков: ПОИПКРО, 2017. 144 с.
2. [Электронный ресурс]: URL: <https://pln-pskov.ru/society/175205.html>
3. [Электронный ресурс]: URL: <https://informpskov.ru/news/297518.html>

**ТОРГОВЛЯ В ЯУНЛАТГАЛЬСКОМ (АБРЕНСКОМ) УЕЗДЕ
в 1921–1940-х гг.**

Публикация посвящена различным видам торговли, торгово-закупочной и посреднической деятельности на территории современного Пыталовского района, который в 1920–1930-е годы входил в состав Яунлатгальского (Абренского) уезда Латвийской Республики.

Ключевые слова: Яунлатгале (Пыталово), Абрене, Вышигородок (Аугшпилс), Линово, Гавры, Носово (Пурмвала), торговля, магазины, ярмарки.

Небольшой городок Яунлатгале — Абрене — Пыталово, он и сейчас остаётся небольшим городским поселением. Значительную роль в жизни города и его округа играют различные виды торговли. Как же выглядело это в межвоенное двадцатилетие, 1921–1940 годы?

Данный материал подготовлен на основе опубликованных материалов «Описание волостей Салнайса и Малдуса», статей периодической печати тех лет и воспоминаний старожилов района, записанных мною в период с 1984 по 2007 год.

Пыталово (Абрене). Город тогда называли городом торговцев и предпринимателей. В нём было 58 мелких магазинчиков. Здесь торговали всем, чем только могли. Самая оживлённая и бойкая торговля шла на двух улицах: Калпака (Пушкинская) и Лачплеша (Красноармейская). Здесь размещались продуктовые лавки, магазины по торговле мясом и колбасой, ресторан и буфеты, магазины обуви и готовой одежды частных владельцев. Наиболее известная из них — булочная Тихона Рыжакова. Два брата купцы Подмошенские работали по приёме льна и здорово наживались за счёт крестьян, особенно тем, что снижали сортность льна при закупке.

В городке очень много в середине 30-х годов было торговых заведений. На улице Лачплеша (ныне улица Красноармейская) располагались магазины головных уборов — Шайи Левинса, шапочно-галантерейных товаров — Александра Соцкого, готовой верхней одежды — Михаила Капустина, обуви — Михаила Часовникова и второй

— Мирши Холповича, игольных товаров — Фомы Потапова, железоскобяной — Павла Фёдорова, государственный вино-водочный (казёнка) и частный вино-водочный — Екаба Крея, металлических изделий — Перля Шафса, мануфактурные — Павла Барсукова, Кейля Рейбруха, Анны Черняевой; галантерейных товаров — Евгении Станиславской, Освальда Имобертекса, мелких товаров — Антона Павловского и А. Купцова.

На этой же, и тогда центральной, улице находились три парикмахерские мастеров Мины Вестманис, Лилии Кушкис и Лейнесариса. Здесь же работал льнозерноприёмный пункт акционерного общества «Шкедра».

Очень много торговых заведений было на улице Пушкинской (тогда она называлась Калпака). Здесь располагались вино-водочный магазин Фёдора Иванова, магазин готового платья Никандра Ильина, мануфактуры и остальных товаров — Антона Палтмалникса, мелких товаров — Михаила Станиславского, льноприёмные пункты Яниса Мауриныша и Антона Пакалникса, зернозакупочный пункт Ивана Подмошенского.

Многие приезжие в город крестьяне пользовались магазинами, расположенными на улице Ритупская (ныне — Псковская): посудноскобяным — Езупа Шехте, мелкооптовым — Пейсы Израэлитиса, мелочных товаров — Рейсы Ноткина, мануфактурным — Дмитрия Шелгунова. Кроме того, в городке были посещаемыми, в основном горожанами, мясные и колбасные магазины Анны Чернявой, Серафимы Короновой, Семёна Кузнецова, Татьяны Березкиной, Надежды Васильевой, Ивана Шнеерсона. К услугам горожан и гостей города была городская баня на улице Яна Чаксте (ныне ул. Победы) в районе перекрестка с улицей Латгальская (ныне ул. Советская) Степана Долгевича.

Современную жизнь любого города трудно представить без работы рынков и проводимых, особенно осенью и весной, ярмарок. Не отличалась в этом плане и жизнь нашего города в 1930-е годы. Каждую среду горожане и приезжие гости спешили на Базарную площадь (ныне парк им. Юнкерова) на недельный базар. Пятого числа каждого месяца любители лошадей спешили на конский базар. Кроме того, в течение года с большой помпой и активной торговой жизнью проходило шесть ярмарок: 14 января, 15 февраля, 7 апреля, в Петров день — 12 июля, 4 ноября и 19 декабря.

г. Абрене. Улица Калпака. Магазин Никандра Ильина.
Конец 1930-х годов

г. Абрене. Ул. Калпака. Городская ярмарка. Конец 1930-х годов

Вышгородок (Аугшпилс). Когда в 1925 году образовался новый Яунлатгальский уезд с центром в селении Яунлатгале, которое находилось в 6,5 километрах от посёлка, то торговая деятельность стала перемещаться туда. В результате в посёлке в 1930-е годы оказалось 9 магазинов и хлебопекарня Эллы Блаубрикс. Владельцами продовольственных и мелкооптовых магазинов были Феодор Иванов, Евдокия Веселова, Константин Шипков, Иван Марков, Анастасия Титова, Сара Рубина и Мария Соммер. Виноторговлей занимались Анастасия Феодорова, Роберт Балодис и Малвина Страупе. Лекарственными препаратами в собственной аптеке торговала Ханна Вулфсонс. Были торговые заведения или, как ещё говорили, лавки на дому деревень и хуторов волости. Перечислим их: мелкооптовый магазин в д. Гашнево в 5 км от центра волости (хозяйка Лужаевс Анна); мелкооптовый магазин в д. Речено (хозяин Михайлове Микелис) в 8 км от волости; мелкооптовый магазин на хуторе Суворовас в 5 км от центра волости (хозяйка Максимова Акулина); мелкооптовый магазин в д. Горбатица в 5 км от волости (хозяин Вульфс Константин); мелкооптовый магазин в д. Стехны в 9 км от волости (хозяйка Жарковас Анастасия); мелкооптовый магазин на станции Пирог в 9 км от волости (хозяин Богданов Дмитрий); мелкооптовые магазины в деревне Стержнево в 5 километрах от центра волости (хозяйка Сосипатровс Татьяна), в деревне Пирог (хозяин Липшиц Дверис) и на хуторе Крусос (хозяин Драгунс Волдемар).

Ярмарки в Вышгородке проводились вдоль Латгальского шоссе в Борисов день в мае, Иванов день в июле, осенью и зимой 20 февраля.

По воспоминаниям Нины Владимировны Суворовой из д. Яшково, «Ближе к осени и весной на два-три дня приезжали евреи и закупали шерсть, щетину, тряпки, телят и тому подобное. В округе, а потом у них к постам брали на две-три семьи бочку селедки».

Определённую роль в торговой жизни уезда играли и другие центры волостей. Начнём с Линовской волости. В 1920–1930-е годы жители деревни Линово и округи обслуживали мелкооптовые и мануфактурные магазины Веры Хмельёвой, Анастасии Макаровой, Алексея Тихомирова, Спиридона Смирнова и Николая Макарова. В середине 1930-х годов в деревне появился небольшой ресторанчик.

Стремительно растущая деревня Носово вблизи железнодорожной станции Пурвмала — центр Пурвмалской волости — имела три магазина, в том числе мелкооптовый с разнотоварной продукцией и небольшой ресторан Киселёва.

с. Аугшпилс (Вышгородок). Магазин Высоцкой. 1930-е годы

г. Яунлатгале. Ул. Лачплеша. Магазин Шкедра.
Начало 2-й половины 1930-х годов

С 1934 года в д. Носово (Пурвмала) стали проводиться ежегодные ярмарки — 19 января и 6 мая. До этого времени более активная торговля была связана с погостом Верховье (Вознесение). Небольшие магазины на дому были в деревнях Стульпино, Сидорёнки и Арманова Гора.

Некоторым образом в торговом отношении отличалась Гавровская волость — из-за близости к такому торговому центру, как Корсовка (Карсава). Здесь располагался лишь один магазин богатого купца Мухина. Торговцы из Корсовки покупали в волости излишки мясной продукции, ранние огурцы и капусту, щетину и кожи животных и сами занимались вывозом скупленного. Взамен под заказ они привозили мануфактуру и железные изделия, а в отдельных случаях — «Латвела» и швейные машинки. По воспоминаниям Николая Алексеевича Киселёва из деревни Чернолесье, «много в семьях выращивали свиней на бекон для экспорта в Англию, от 90 до 100 кг. Мясо принимали на железной дороге прямо в вагоны, создавалась даже очередь, потому что платили сразу и хорошо.

Определённый доход крестьянским семьям могло принести коневодство. Два раза в год в газетах публиковались объявления о закупках для нужд армии лошадей на железнодорожных станциях Ритупе, Яунлатгале, Пундури и Скангали.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аграрная энциклопедия сельских поселений (волостей) Пыталовского района Псковской области. М., 2013.
2. Воспоминания старожилов Пыталовского района (архив Н. А. Цветкова).
3. Всеобщий календарь за 1931 год. Рига, 1931 (отпечатано готикой).
4. История пыталовских деревень. Пыталово, 2018.
5. *В. Салнайс, А. Малдус*. Описание волостей. Рига, 1937 (на латышском языке).
6. «Сегодня». Газета за 1935–1938 гг.
7. *Цветков Н. А.* Вышгородок — форпост древнего Пскова. Пыталово, 2005.

ЛИШЁННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В КУДЕВЕРСКОЙ ВОЛОСТИ в 1930-е г.

В данной статье представлен материал о людях, лишённых избирательных прав в Кудеверской волости Новоржевского уезда. Приводятся конкретные примеры и факты о раскулаченных и высланных за пределы Кудеверской волости в 1930-е годы на основании той части Конституции РСФСР 1918 г., в которой говорится о лицах, не имеющих права избирать и быть избранными в Советы.

Ключевые слова: Кудеверская волость, Новоржевский уезд, Бежаницкий район, конституция РСФСР 1918 года, лишённые избирательных прав.

Во все времена основным занятием населения Кудеверской волости Новоржевского уезда являлось сельское хозяйство. Кустарный промысел считался подсобным заработком. После Великой Октябрьской революции в сельской жизни наступили перемены, коснувшиеся практически всех жителей волости.

Согласно Конституции РСФСР 1918 года ряд лиц не имел права избирать и быть избранным в Советы. К этой категории относились люди, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли; живущие на нетрудовой доход, частные торговцы, духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции. В 20-х годах на территории Кудеверской волости таких людей проживало достаточно много.

Во-первых, это дворянское сословие. В Знаменском — Константин Якубович, в Енькове — Елена Любимова, в Заречье — братья Коротовы, в Скрыплях — Зинаида Мейер. Семья Елены Михайловны Любимовой состояла из шести человек, а сама она в 1920 году работала учительницей в Еньковской советской школе 1-й ступени [1], в которой учились крестьянские дети из соседних деревень. Землю она сдавала в аренду гражданам деревни Карпыли. В имении «Скрыпли» проживало 4 человека — Зинаида Мейер и Елена Бергман с семьёй; они имели небольшое хозяйство, состоящее из лошади и двух коров,

и тоже сдавали свою землю в аренду [2]. В 1924 году все они были лишены избирательных прав, а к 1928 году по решению уездного Земельного управления выселены из Кудеверского района.

В 1924 году лишили избирательных прав двух священнослужителей, живших в Кудевери, — священника Ивана Григорьевича Чернозерского и дьякона Дмитрия Ивановича Богданова [3].

Сначала Дмитрия Ивановича выселили в Аксёново, по месту службы. Несколько раз он арестовывался ГПУ за антисоветскую пропаганду, а в 1927 году был выслан на Соловки [4].

Чернозерский Иван Григорьевич — священник Кудеверской церкви, 25 февраля 1930 года добровольно сдал всё своё имущество Райисполкому. В составленной описи указано, что его дом состоял из четырёх комнат и сеней. Из хозяйственных построек имел три хлева, два сарая, амбар, баню. Держал корову и телёнка. В описи перечисляются разные предметы быта, а также пианино красного дерева, 11 венских стульев, граммофон. Некоторые вещи продали (два маленьких самовара, утюг, перину), другие были переданы в колхоз «Безбожник» (корова, телёнок, котёл чугунный, 25 пудов картофеля, 40 пудов сена, 10 пудов капусты, солома). Кое-что поступило в пользование РИКу: диван мягкий, часы стенные, 3 венских стула, шкаф посудный. Всё имущество по описи приняла на хранение жена агронома, живущая в том же доме, Наумова Александра. Иван Григорьевич пишет заявление:

«Сим почтительнейше заявляю Кудеверскому районному Земельному отделу при Кудеверском райисполкоме, что, не имея других средств платить арендную плату за земельный участок, занятый моими жилыми и хозяйственными постройками в селении Кудевере, а равно и индивидуальное самообложение — я продаю Вам или лучше уступаю Вам все мои постройки, находящиеся в Кудевери с обстановкою прописанною описью 13 февраля сего 1930 года, чтобы мне не быть в долгу пред правительством.

При сем прошу Вас оставить мне из описанного инвентаря: шубу и старый армяк, потому что мне в настоящее студеное время не в чем выехать из Кудеверя, ещё прошу перину, подушку и одеяло, на которой в другом месте я имел бы возможность лечь и чем укрыться.

Кроме того, у меня затрачены средства на покупку 7 саженей березовых дров, а сам теперь не имею денежных средств для выезда из Кудеверя, поэтому прошу Вас разрешить мне продать эти дрова или сами купите, чем дадите мне средства выбраться из Кудеверя. И ещё прошу Вас позволения жить в одной из тёплых комнат моего дома. 26 февраля 1930 года.

К сему подписуюсь гражданин селения Кудеверя Иван Григорьевич Чернозерский» [5].

В конце февраля священник Чернозерский уехал из Кудевери. 7 марта 1930 года Президиум Псковского окружного исполнительного комитета постановил: ввиду того, что церковь в селе Кудеверь бездействовала из-за отсутствия служителя культа и ввиду острой потребности в хлебохранилище разрешить Кудеверскому РИКу временно занять под хлебохранилище церковь в селе Кудеверь. Дальнейшая судьба Ивана Григорьевича Чернозерского неизвестна.

Уроженцы деревни Дубково, братья Тимофей Алексеевич и Илларион Алексеевич Дубковские, также являлись служителями религиозного культа. По данным Духовного ведомства 1911–1913 гг., Илларион Алексеевич был наставником общины Поморского согласия в д. Михалкино (ст. Ашево). Избранный в Духовную комиссию, он участвовал на Втором Соборе Поморцев в 1912 году. Его брат Тимофей Алексеевич до революции имел 180 десятин земли, состоял волостным старшиной и судьёй. В начале 20-х г. Дубковский Т. А. уезжает в Ленинград, где начинает служить при Волковской старообрядческой богадельне священником. Трагично сложилась судьба его сына Петра. В документах указано, что Пётр Тимофеевич, гражданин деревни Дубково, имел под лесом 70 десятин земли и 40 десятин сдавал в аренду за 135 рублей. Как сын священника, он был лишён избирательных прав, раскулачен и выслан за пределы Кудеверского района [6]. Пётр с женой Федосьей и детьми уехал в Павловск-2. Работал частным извозчиком. 8 февраля 1938 года арестован и 6 марта расстрелян в Ленинграде. Известна судьба сына Петра Тимофеевича. Яков Петрович Дубковский более 25 лет был чтецом в Рыбацком приходе.

Тогда же, в 1924 году, были лишены избирательных прав не только помещики и священнослужители, но и зажиточные крестьяне, использующие наёмный труд: Градусовы, Мейнерты, Белавинские, Зимарев и другие.

Зимарев Владимир Васильевич родился в деревне Зимари Вороницкой волости Опочецкого уезда. Переехав в Кудеверь, купил 100 десятин земли, содержал одного работника, а в 1908 году для обработки земли нанял двух исполовщиков. Имел три дома. Был церковным старостой. Зимареву принадлежало каменное здание пивоваренного завода в Кудевери. Он являлся одним из совладельцев этого завода. После конфискации дома Владимир Васильевич (на тот момент ему исполнилось 86 лет) переселился к дочери и зятю Константину Михайлову [7]. О Константине Михайлове известно, что в

Иосиф Рудольфович Шаварда.
Фото из личного архива
А. Л. Шаварды

прошлом он работал полицейским, потом служащим почтового отделения, также являлся церковным старостой и членом церковного совета. Избирательных прав лишали не только крупных землевладельцев, но и всех членов их семей. Так поступили и с семьёй Зимарева, лишив избирательных прав его дочь, зятя и внука [8].

Иосиф Рудольфович Шаварда, чех по национальности, мещанин г. Новоржева, пивовар, а в дальнейшем заведующий Кудеверским почтовым отделением, также лишен избирательных прав в 1924 году. Иосиф Рудольфович родился 7 июня 1884 года в г. Великие Луки. Учился в Кудевери в 3-х классной сельской школе, а затем окончил Великолук-

ское городское училище. Его отец имел в Кудевери в аренде кустарное производство пива. После учёбы Иосиф Рудольфович работал вместе с отцом на пивоваренном заводе, а после смерти отца продолжил его дело. С 31 июня 1912 года по 1 февраля 1916 года состоял заведующим вспомогательным почтовым пунктом в с. Кудеверь, затем четыре месяца изучал телеграфную службу, потом с 3 июня 1916 г. по 28 июня 1919 г. заведовал Аксёновским почтовым отделением. После был переведён в почтовое отделение в Кудевери. С 1917 года состоял членом Всероссийского Союза работников народной связи. 15 сентября 1918 года Бежаницкой почтово-телеграфной конторой был делегирован на 4-й съезд почтовых служащих Петроградского почтово-телеграфного округа [9]. После 1925 года Иосиф Рудольфович уехал в Ленинград, устроился пивоваром на завод «Красная Бавария», где и проработал до пенсии. Умер в 1973 году.

А вот характеристика, написанная в 1930 году на гражданина деревни Бор Бардовского сельсовета Андрея Ивановича Булле: «Гражданин Булле до революции и теперь имеет крупную водяную мукомольную мельницу двухпоставную, шерстечесалку, сукновальню с электрическим освещением. Имел батраков до революции и вплоть до 1929 года, влияет на окружающую бедноту. Штрафовал-

ся за не сдачу гарнцевого сбора. Индивидуально обложен налогом. Лишен с семьей избирательных прав. Беднота требует немедленного выселения его из пределов округа» [10].

В 1925 году в деревне Бор проживало 24 человека, а семья Андрея Ивановича состояла из 4 едоков.

Сохранилось описание мельницы при селении Бор:

1. Здание мельницы полукаменное, крытое лучинкой.
2. Наливное колесо с железным валом.
3. Трансмиссия с чугунным шкивом, подшипниками кольцевого смазывания.
4. Мукомольный подстав с полным оборудованием.
5. Круподерный подстав с полным оборудованием, элеватором и ситами.
6. Сукновалка с ремнем.
7. Перловый подстав с шариковыми подшипниками и рижскими жерновами.
8. Передаточная короткая трансмиссия с чугунным шкивом.
9. Пеклевочный ящик с шелковым ситом.
10. Станок для производства лучинки.
11. Ремни для шерстечесалки.
12. Шерстечесальная машина с полным оборудованием.
13. Дружильня с оборудованием.
14. Молотилка-соломотряска.
15. Трансмиссия с деревянным шкивом для молотилки.
16. Трансмиссия с деревянным и чугунными шкивами для шерстечесальни.
17. Баня каменная под одной крышей с мельницей и котел в 12 ведер.
18. Вейлка.
19. Верстак, шкаф, лом, пешня.
20. Столярный инструмент на один верстак (комплект).
21. Весы сороковые клейменные с гирями на 20 пудов старых и на 10 кг новых.
22. Ларь [11].

Весной 1930 года была разрушена плотина мельницы. Для осмотра плотины выезжала комиссия в составе уполномоченного от РАЙЗО Таубе, председателя Бардовской коммуны «Большевик» Дмитриева Григория и секретаря Бардовской ячейки ВКП(б) Рождественского. Осмотрев плотину мельницы, принадлежавшей Андрею Булле, комиссия установила следующее: промыт правый берег плотины,

Эдуард Иванович Вискнэ. Фото из личного архива
С. Э. Ивановой

снесены яловые ворота и стронут с места водосточный мост, верхние концы свай гнилые. Материальный ущерб оценили в 300 рублей. Причину прорыва точно установить не удалось. Отметили, что сильного напора воды не было, потому что выше, около озера Каменного, имелась вторая плотина, через которую для эксплуатации мельницы пропускалось нужное количество воды. Комиссия полагала, что вода в заливе спала, лёд около яловых ворот и свай не был обрублен. При остановке мельницы вода начала подниматься и вместе со льдом подняла мёрзлую землю, что и послужило причиной разрушения плотины. Со стороны мельника Булле меры к уменьшению разрушения приняты не были, даже не открыты яловые ворота. Комиссия сочла, что со стороны Андрея Булле это было сделано с целью вредительства, так как мельница переходила в государственное пользование [12].

В августе 1945 года в связи с тем, что не хватает оборудования для ремонта мельницы «Бор» и колхоз «Большевик» Бардовского сельсовета отказался от восстановления последней, исполком Кудеверского райсовета принял решение о передаче всего мельничного оборудования в

пользование райпромкомбинату в Кудевери. Так закончилось существование этой мельницы [13].

Ещё один крупный собственник — Осыпкин Николай Васильевич, уроженец деревни Павлово Савкинского сельсовета, лишён избирательных прав и обложен индивидуальным налогом в 1930 году. Имел 50 десятин земли в Павлове и около 15 десятин в Кудевери, а также производство по обжигу извести. Семья состояла из семи человек. Жили в двухэтажном доме, первый этаж которого был кирпичный, а второй деревянный. Владели хорошим садом. После раскулачивания семьи дом отдали под школу. До революции Николай Васильевич несколько лет служил управляющим у барона Вильгельма Рудольфовича Энгельгарда в имении «Савкино». У них с бароном завязались дружеские отношения: они ездили друг к другу в гости, вместе ходили на охоту. До 1930 года Осыпкин использовал наёмный труд, на обжиге извести работало до 7 человек.

Сохранилась архивная справка о том, что его сын Николай Николаевич Осыпкин служил в Красной Армии и в сентябре 1919 года во время боя пропал без вести. После раскулачивания Николай Васильевич уехал в Ленинград и устроился на работу в Горжилстройтрест мастером по обжигу извести, где проработал почти два года, в 1933 году уволен по сокращению штатов. Вернулся в деревню, в которой уже организовали колхоз «1 мая». Колхозники, бывшие батраки и исполовщики, вышли с ходатайством о выселении Осыпкина Николая Васильевича за пределы района. В своём заявлении они пишут о том, что Осыпкин эксплуатировал наёмный труд, давал хлеб под залог на кабальных условиях, называют фамилии батраков, работавших у кулака, обращают внимание на его враждебное отношение к Советской власти [14].

Не могли избирать и быть избранными частные торговцы, торговые и коммерческие посредники. Гусев Пётр Васильевич имел собственную землю в деревне Агафонково в количестве 35 десятин; продав её в 1915 году, он переехал в Кудеверь. Ему принадлежала красивая мастерская, где трудились два наёмных работника. Кроме того, он занимался скупкой и перепродажей скота, получая доход 300 рублей в месяц. Содержал ямщину и специальный дом для картёжной игры. Спекулировал хлебом: весной давал зерно беднякам, а осенью забирал долг в двойном размере. В 1932 году Пётр Васильевич лишен права голоса [15].

Не часто, но бывали случаи, когда человека восстанавливали в правах. Согласно Конституции 1918 года лишались избиратель-

ных прав служащие бывшей царской полиции. В Кудеверской волости такой пример был. Кириллов Пётр Кириллович — крестьянин из деревни Дорохово. Образование низшее. Маломощный середняк. Проходил службу в 119 пехотном Коломенском полку царской армии, 2 рота, младший унтер-офицер. С 1913 по 1917 г. служил стражником в полиции в Кудеверском волостном правлении. В 1918 году являлся членом Школьного совета при Дороховской школе. По ходатайству местных организаций восстановлен в правах в 1931 году [16].

Люди, признанные кулаками и выселенные за пределы Кудеверского района, переезжали на новое место жительства. Однако некоторые из них по истечении срока ссылки возвращались в родные места. Уроженец деревни Брылево, проживавший в 1930 году в Медведове, Эдуард Иванович Вискснэ — владелец крупной водяной мукомольной мельницы и кирпичного завода. На мельнице и в хозяйстве всегда имел двух-трёх батраков. Председатель Кудеверского РИКа в характеристике отмечал, что Эдуард Иванович держит в руках целую бедняцкую деревню Медведово, благодаря чему все мероприятия Советской власти, проводимые в этой деревне, срываются. Поэтому колхоз и беднота потребовали выслать его за пределы округа. Вискснэ ходатайствовал о восстановлении в правах и даже писал жалобу в Москву в Кремль Сталину. Ходатайство было отклонено [17]. 5 июля 1938 года Эдуарда Ивановича арестовали, а в декабре 1939 года осудили на 5 лет ссылки в Казахстан. Из Казахстана в 1943 году призван в ряды Красной Армии. Рядовой 121 Гвардейского стрелкового полка 43 Гвардейской стрелковой дивизии 2 Прибалтийского фронта. При освобождении Латвийской ССР был тяжело ранен. В апреле 1945 года его семья получила на него похоронку. Но оказалось, что участник боёв с немецкими захватчиками выжил. За отвагу и храбрость Эдуард Иванович награждён орденом Славы 3 степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Красного Знамени. После войны и до конца жизни жил в деревне Скрыпли, работал счетоводом в колхозе имени Сталина. Реабилитирован 8 декабря 1989 г. (Псков, КП-4).

Количество лиц, лишённых избирательных прав, в каждом населённом пункте Кудеверской волости оказалось различным. В Бардове их было четверо: священник Михаил Тимофеевич Чистовский, торговцы Фёдор Иванович Клебах, имевший чайное заведение и пивную лавку [18]; Яков Гинден, зажиточный крестьянин Иван Ратьковский. В некоторых деревнях раскулачено и выслано всего по одной семье: например, семья Николая Васильевича Пояркова из деревни

Боровые, имевшего двухэтажный дом, кирпичный завод, 500 десятин земли, 40 коров и 8 лошадей [19]. Наряду с этим были деревни, в которых не раскулачили ни одной семьи. А больше всего репрессировано семей в волостном центре, в селении Кудеверь.

В конце 20-х годов председателем комиссии по выселению крупных землевладельцев назначили Зайцева Ивана Семёновича. Он же являлся заведующим районным Земельным отделом. Об Иване Семёновиче известно следующее. Он родился в 1899 году в селе Посадниково Новоржевской волости. С 1913 по 1919 г. работал в Петрограде на заводе. Член ВКП(б). В Кудевери работал и после Великой Отечественной войны, заведовал Отделом сельского хозяйства [20].

ИСТОЧНИКИ:

1. Отделение ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области» в г. Великие Луки (ВЛО ГАПО). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 32. Л. 88.
2. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 38.
3. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
4. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 104. Л. 5
5. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 167. Л. 1, 2.
6. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 51. Л. 8, 15.
7. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 104. Л. 5.
8. ВЛО ГАПО. Ф. Р-892. Оп. 1. Д. 186. Л. 121.
9. ВЛО ГАПО. Ф. Р-548. Оп. 1. Д. 15. Л. 48.
10. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.
11. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 18. Л. 21, 22.
12. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.
13. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 3. Д. 5. Л. 81.
14. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 114. Л. 3, 7, 39–42.
15. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
16. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.
17. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.
18. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
19. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
20. ВЛО ГАПО. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 186.

ПСКОВСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ «СНЯТНАЯ ГОРА» НА ЗАВОЛЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

В статье рассказывается о неизвестной странице в истории Снетогорского монастыря, в стенах которого, оказывается, до Великой Отечественной войны находился Детский дом, с началом войны эвакуированный в Ивановскую область.

Ключевые слова: Детский дом «Снятная гора», война, совхозы Заволжья, помощь.

Всё дальше уходят в историю годы Великой Отечественной войны. Но она по-прежнему остаётся неисчерпаемой темой для исследований. Война изменила жизнь каждого, будь это участник военных действий или тот, кто остался в тылу, старые, молодые или дети. Дети, потерявшие родителей, и в военные годы не оставались без внимания. Их определяли в детские дома. Таких детских домов было много по всей стране. Угроза оккупации западных районов страны потребовала немедленной эвакуации в первую очередь детей. Так в начале Великой Отечественной войны на территории нашего села тоже появился Детский дом с необычным названием «Снятная гора».

Наше село носит красивое название — Заречный. Но в военные годы села ещё не было — было всего несколько домов возле построенного в 1905 г. здания текстильной фабрики ивановского купца А. В. Константинова, которое в начале войны никак не использовалось. Территория же входила в состав Чегановского сельского совета Кинешемского района Ивановской области. Географически это левобережье Волги чуть ниже Кинешмы — там, где в Волгу впадает река Мера.

Поиски информации о Детском доме оказались нелёгкими, так как помнят о нём лишь единицы. Среди них Махлычев Б. Н., Яковлева А. А., Разгулин В. Н., Туркина В. И. В Кинешемском городском архиве удалось найти ряд документов разных организаций, а также статей в районной газете «Приволжская правда» военных лет, касающихся жизни детских домов Кинешемского района и нашего в частности. Из Ивановского государственного архива мы получили короткую справку о нашем Детском доме.

Появление Детского дома «Снятная гора» на территории с. Заречный

В годы Великой Отечественной войны в нашем поселении произошли большие изменения. Прежде всего — это организация трикотажного производства в здании бывшей Константиновской фабрики. Оборудование для производства и персонал были эвакуированы из Ленинграда [9]. Можно было предположить, что Детский дом был также эвакуирован оттуда. Но первая же статья в «Приволжской правде», в которой упоминался наш Детский дом, разрушила эти предположения. В ней Детский дом «Снятная гора» был назван псковским. Он был эвакуирован из Пскова 4 июля 1941 года. А прибыл к месту своего временного размещения 11 июля 1941 г. [7].

В справке о работе детских учреждений Кинешемского района на 10 июня 1943 г. [4] указано местоположение детского дома «Снятная гора» — п. Жилкоопстандарт.

Так в 30-е годы назывался в некоторых документах деревообделочный завод, который располагался до войны в здании бывшей Константиновской фабрики. Возле завода сформировался рабочий посёлок, который получил неофициально то же название.

Под Детский дом были отведены разные помещения. На заседании сессии Чегановского сельского совета 29 декабря 1944 года директор Детского дома, докладывая об итогах работы за 1944 год, о размещении детей, говорила так: «Дети живут в разных домах по очень малой жилищной площади [3]. Один из домов, в котором размещались дети, сохранился до сих пор. Часть детей располагалась в соседней деревне Пырёшево [1]. Руководителем Детского дома была Смирнова Ираида Васильевна.

Состав воспитанников Детского дома «Снятная гора»

Детский дом «Снятная гора» был предназначен для детей дошкольного возраста. В ГАИО¹ хранятся списки воспитанников Детского дома, благодаря которым мне удалось узнать, по каким причинам дети попадали в детдом, и какая судьба их ждала, когда они достигали школьного возраста.

Первые воспитанники детдома приехали из Пскова. Их было 163 — в основном 1934, 1935, 1936 годов рождения [7]. В Детдом они попали ещё до начала войны. В основном они были брошены родителями, либо родители находились в местах лишения свободы. Меньшая часть ребят были сиротами или их родители не могли воспитывать детей по состоянию здоровья. Поступали в псковский дет-

¹ ГАИО — Государственный архив Ивановской области.

дом дети преимущественно из Ленинграда и Ленинградской области. Детей из самого Пскова было всего пятеро [9].

Со временем в Детдом стали поступать дети, чьи родные служили в Красной Армии, погибали на фронте или умирали в тылу. Были также случаи, когда мать передавала детей в детдом из-за материальной необеспеченности или вообще оставляла где-нибудь на вокзале. Вновь поступавшие дети были, в основном, из Ивановской и близлежащих областей. Двое детей поступило из Ленинграда в связи с гибелью родителей во время блокады [10].

По достижении школьного возраста дети преимущественно переводились в другие детские дома. Часть детей возвращалась к родителям или передавалась на усыновление или патронат [11].

Когда я изучала списки воспитанников Детдома, меня привлекла одна запись. У воспитанников Сверчковых, Льва и Ирины, 1940 и 1941 года рождения в графе «откуда поступили», записано: «г. Кинешма, трикотажная фабрика», а в графе «сведения о родителях»: «отец — инженер фабрики, мать умерла». Трикотажная фабрика, о которой говорится в записи, — это наша фабрика, она называлась Кинешемской, так как формально считалась цехом Кинешемской фабрики «Красная Ветка», но находилась она в двух шагах от Детского дома, на территории будущего села Заречный [13]. Получается, что отец, будучи занят на производстве, не мог заниматься воспитанием своих малолетних детей и передал их в местный Детдом в 1944 году, а в декабре 1945 года дети были вновь переданы отцу.

Количество детей в Детдоме не было постоянным: в 1941 году оно составляло 163 человека [7]; летом 1943 года в нём воспитывалось 112 детей [5], в 1944 году — 102, 32 из которых ходят в школу (очевидно, Чегановскую) в 1 класс [3]. В списке воспитанников на 20 октября 1946 года уже 55 детей [13].

Организация жизни воспитанников и работников Детского дома

Дети поступали в Детдом очень слабые, и изменить в первое время ситуацию было сложно: снабжение детдомов продовольствием в 1943 г. было неудовлетворительным. В вышеназванной справке читаем: «Детские дома систематически недополучают по фондам продукты питания, в силу чего установленные нормы в среднем выполняются на 35–50 %». Вместе с другими продуктами детей снабжали американской тушёнкой в жестяных банках, а ещё был американский яичный порошок, который использовали при приготовлении пищи[1]. Но этого всё равно не хватало.

Потребность в продовольствии удовлетворялась частично за счёт подсобного хозяйства. В феврале 1942 года Детскому дому «Снятная гора» было выделено 6 гектаров пахотной земли [2]. Очевидно, вся работа на подсобном хозяйстве ложилась на плечи сотрудников Детдома, ведь его воспитанники — дошкольники. Подсобное хозяйство использовалось под посевы овса, картофеля и пшеницы. Главной проблемой было отсутствие семян. В хозяйстве Детдома имелось также 4 поросята, куры и 5 коз, планировалось приобрести ещё 6 поросят, 6 овец.

Соседний Чегановский колхоз оказывал Детдому помощь в изыскании семян и обработке земли. В то же время директора обязали срезать верхушки с картофеля, для последующего их использования в качестве посадочного материала [4].

Не менее важной хозяйственной проблемой была проблема обеспечения Детского дома топливом. Она рассматривалась на сессии Кинешемского районного Совета 22 июля 1942 г. Из материалов сессии видно, что эта проблема стояла остро во многих детских учреждениях района. «Отдельные предприятия и учреждения (в том числе Детдом «Снятная гора») запаса дровотоплива совершенно не имеют и живут подвозом потребного количества на текущий день» [2]. В 1944 году эта проблема стояла не менее остро. К зиме было заготовлено 300 кубометров дров при потребности в 500. Ещё 100 кубометров сухих дров выделил Райисполком [3].

В 1944 году назрела ещё одна проблема — снабжение детей одеждой и обувью, потому что старая просто приходила в ветхость. С ней директор детдома Смирнова И.В. обратилась в Чегановский сельсовет, где было решено помочь Детдому в пошиве белья [3].

Кроме решения хозяйственно-бытовых вопросов, персонал Детдома должен был заниматься также воспитанием детей, организацией их досуга. О том, как это удавалось педагогическому коллективу, говорил секретарь Райкома ВКП(б) Котов Д. А.: «В детдоме «Снятная гора» состояние ребят удовлетворительное. Здесь хорошо налажена воспитательная работа, ребята чувствуют себя хорошо, любо на них посмотреть» [2].

В газете «Приволжская правда» от 18.08.1943 г. есть статья заведующего районным Отделом народного образования Л. Хохренко «Праздник в детдоме», посвящённая Детскому дому «Снятная гора». Поводом для праздника стало то, что 38 детей, которым исполнилось 8 лет, становились школьниками. «Педагогический коллектив пригласил на праздник шефов — представителей колхозов Луговского сельсовета и Чегановского колхоза имени 17-го партсъезда. Колхозники

приготовили детям подарки, выделили молоко, мёд, яйца... Напекли пирогов, ватрушек. На праздник пришёл председатель Луговского сельсовета Баскаков, председатель колхоза «Большевик» Муравьев и человек 40 колхозников. Праздник явился для ребят радостным днём. Дети почувствовали, что они не сироты, что у них есть родные, любящие их люди, которые о них заботятся и радуются, глядя на них так же, как радуются, глядя на собственных детей» [15].

В тяжёлых условиях военного времени детским домам жизненно необходима была поддержка. Получали ли они её? Многое зависело от местной власти, от расположенных поблизости от детских домов организаций или колхозов. В «Приволжской правде» от 13 июня 1943 г. в статье Н. Мезениной «Это наши дети...» приводятся вопиющие примеры безобразного отношения отдельных руководителей к детским домам. Но детскому дому «Снятная гора» этого испытать не пришлось. В статье говорится, что «есть руководители колхозов, которые понимают свой долг и обязанность перед детьми-сиротами и делают очень много для того, чтобы улучшить их жизнь. Мы имеем в виду, в первую очередь, председателя Чегановского колхоза В. Ф. Смирнова, который только с февраля нынешнего года отпустил псковскому детскому дому «Снятная гора» безвозмездно: 245 кг пшеницы, 100 кг мяса, 65 кг гороха, 2 тонны капусты, 2 254 литра молока, 100 кг зеленого лука и 100 кг картофеля. Тов. Коновалов — председатель М. Борятинского колхоза тоже бесплатно отпустил этому же дому 315 кг зерна, 500 литров молока и 5 кур» [14]. Из «Приволжской правды» от 15.09.1943 г. узнаём, что над Детдомом «Снятная гора» шефствовал также Фатихинский колхоз Луговского сельсовета [16].

Помощь этих колхозов заметно облегчала жизнь детей, но всё же не решала всех проблем. Чегановский сельский совет принял решение оказывать любую помощь Детскому дому, в том числе — хорошо обеспеченным семьям взять шефство над отдельными ребятами, установить общественный контроль за деятельностью Детдома и назначить ответственных — Гусеву Е. Я. и Захарову А. Г. Эти женщины, а вместе с ними Лебедева З. Г. и Цветков И. С. здесь же на сессии заявили о решении взять шефство над ребятами [3]. Эти решения можно считать откликом на статью Н. Мезениной, а именно на эти слова: «Пусть их (Чегановского и Луговского колхозов) пример найдет себе подражателей не только среди руководителей колхозов, но и предприятий, в помощи которых детдома также нуждаются. Пусть, наконец, подумает о детях-сиротах и каждая женщина-мать и задаст

себе вопрос «Не могу ли я чем-нибудь помочь детскому дому? Ведь такая же беда могла случиться и с моим ребенком...» [14].

Детский дом просуществовал в нашем селе непродолжительное время. Из воспоминаний земляков не удалось получить информации о прекращении его работы или перемещении куда-либо. Из архивных документов следует, что в 1945 году Детский дом продолжал работать. Он, как один из социальных объектов, упоминается в плане обеспечения топливом на 1945–1946 отопительный сезон [6]. В трудовой книжке Махлычевой Е. Н. запись об увольнении из Детского дома датирована 13 октября 1946 года. Причина увольнения — сокращение контингента детей [8].

Таким образом, с окончанием войны Детский дом «Снятная гора» не был сразу расформирован или отправлен на другое место, а продолжал действовать на территории нашего поселения, хотя количество воспитанников сокращалось.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в нашем селе в годы Великой Отечественной войны действительно располагался Детский дом под названием «Снятная гора», эвакуированный из Пскова в самом начале войны. Детский дом был предназначен для детей дошкольного возраста. Дети, достигавшие школьного возраста, поступали учиться в местную Чегановскую школу или переводились в другой Детский дом. В селе Заречный сохранилось одно из зданий Детского дома. Детский дом получал помощь от государственных организаций, а также от соседних колхозов Чегановского и Луговского сельского советов. Местные жители брали под опеку ребят из Детдома. С окончанием войны Детский дом продолжал работать в нашем селе. Наши земляки не остались равнодушными к оставшимся без родителей малышам, а проявили милосердие и сострадание, взяв на себя заботу о них, несмотря на свои трудности и проблемы, связанные с войной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Воспоминания Махлычева Б. Н. Записаны 13.11.2018 г. и 20.11.2018 г.
2. Кинешемский Городской Архив (далее КГА) Ф. 148, оп. 1, д. 208 Приложение к протоколу 13-й сессии районного Совета депутатов трудящихся от 10 июня 1943 г. Прения по докладу тов. Шпаковского «О практических мероприятиях по улучшению работы детских учреждений и охране детства».
3. КГА Ф. 124, Оп. 1, д. 125 Протокол № 7 заседания сессии Чегановского сельского совета депутатов трудящихся от 29.12.1944 г.

4. КГА Ф. 157 Оп. 1 д. 135 Протокол заседания районной комиссии по устройству детей оставшихся без родителей от 10 марта 1943 г.
5. КГА Ф. 157, оп. 1, д. 135 Справка о работе детских учреждений Кинешемского района на 10 июня 1943 г.
6. КГА Ф. 148, Оп. 1, д. 220 Протокол № 16 Исполкома Кинешемского районного Совета депутатов трудящихся от 8 июня 1945 г.
7. Архивная справка от 26.12.2018 г. № 972-06 Государственного архива Ивановской области
8. Личный архив Махлычева Б. Н.
9. ГАИО. Ф. 1707, д. 83. Списки воспитанников детских домов, эвакуированных за 1941–1942 г. Из Мурманска и Пскова.
10. ГАИО Ф. 1707, Д. 36. Список воспитанников детских домов «Снятная гора» и Шуйского № 1, май 1945 — январь 1949 г.
11. ГАИО Ф. 130, Оп. 1, Д. 58. Тетрадь по учёту выбывших детей из детского дома «Снятная гора».
12. ГАИО Ф. Р 1707, Д. 36 Список воспитанников детского дома «Снятная гора» на 20.10.1946 г.
13. *Ерофеева А.* Исследовательская работа «Заречная фабрика в годы Великой Отечественной войны». Заречная средняя школа. 2012 г.
14. *Н. Мезенина.* «Это наши дети...», «Приволжская правда» № 73 (6460) 13 июня 1943 г.
15. *Хохренко Л.* «Праздник в детдоме», «Приволжская правда» № 100 (6487) 18.08.1943 г.
16. «Помогают детдому», «Приволжская правда» № 112 (6499) 15.09.1943 г.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ:

1. *Акатов В. А.* Первые дни Великой Отечественной войны в Пскове (из воспоминаний) Псков, № 40. 2014: [Электронный ресурс]: URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/ps40/ps_40_02.pdf
2. Википедия. [Электронный ресурс]: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Снятная_Гора
3. История Пскова и Псковской области: [Электронный ресурс]: URL: http://pskovgrad.ru/data_images0/pskov1/image_594.jpg
[Электронный ресурс]: URL: <https://cdn.gufo.me/images/bse/4b22544496670cee68ce45af70dca570b45adf42-n66.jpg>
[Электронный ресурс]: URL: <http://kartinki.luki.ru/afs/bbf5161b17a3a00e7c1de72919da3a0a12:resize:640x400:same:79ab5a>
[Электронный ресурс]: URL: https://icdn.lenta.ru/images/2018/01/17/15/20180117150631707/pic_1306d3799dd7737c0949de0e89ce93e5.jpg

ЗАРЕЦКО-РУСАКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ В ИЮЛЕ 1943 г.

В Пушкиногорском районе во время оккупации немецкими захватчиками наиболее активно и результативно действовала 3-я Ленинградская партизанская бригада. Летом 1943 г., несмотря на потери и гибель двух командиров полков, партизаны продолжали дерзкую маневренную войну под руководством легендарного комбрига. 11–14 июля 1943 г. к северу от Сороти бригада нанесла поражение крупной карательной экспедиции врага и в очередной раз вырвалась из кольца окружения. Впервые вопрос рассмотрен комплексно с применением документов противника. Впервые в научный оборот введен ряд источников NARA и ЦГАИПД по партизанскому движению.

Ключевые слова: Псковская область, Пушкиногорский район, Русаки, 3-я партизанская бригада, ленинградские партизаны, 1943 год.

Летом 1943 г. многие партизанские соединения оказались под ударами карательных войск противника. Для оказания помощи охранным войскам немцы снимали с фронта регулярные части, танки, артиллерию. Увеличился набор в коллаборационистские формирования из эмигрантов и пленных. Для успешного проведения летней кампании РККА (были запланированы Мгинская, Смоленская операции, начались бои на Курской дуге) 7 июля 1943 г. Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) потребовал от партизан «выходя из-под ударов численно превосходящих сил... избегать открытых боев с противником, одновременно стремясь наносить ему удары с наименьшей потерей сил и материальных средств, добиваясь этим максимального оперативного эффекта» [3, с. 294–295]. Одновременным ударом по транспортным узлам противника планировалось дезорганизовать оперативные переброски войск. Операция носила наименование «Пустыня» и предшествовала знаменитой операции «Концерт». Одновременно вышло распоряжение Начальника ЦШПД

о борьбе с формированиями «власовцев» [3, с. 297–300]. 3-я Ленинградская партизанская бригада (ЛПБ), несмотря на сложные условия, в которых она находилась, внесла свою лепту в операцию «Пустыня».

Весной-летом 1943 г. немцы провели против 3-й ЛПБ ряд масштабных карательных операций. Основным противником партизан стала 281-я охранная дивизия вермахта. К июлю 1943 г. её сфера ответственности охватывала Островский, Сошихинский, Новоржевский, Пушкинский (Пушкиногорский), Кудеверский, Опочецкий и Красногородский районы, где действовали в тот момент четыре партизанские бригады [11, с. 162–168]. Самой крупной была именно 3-я Ленинградская. Кроме регулярных ежедневных боёв с охранными и полицейскими силами противника, в июне против бригады с целью разведки и компроментации партизан в глазах местного населения в Ругодевские леса была направлена «ягдкоманда Мартыновского» (около 300 чел. в советской форме). При встрече с ними погибла партизанская разведка. При нападении германского карательного отряда на штаб погиб командир 1-го полка А. Н. Ситдинов. Немцами были захвачены рация и штабные документы. 31-й и 33-й отряды понесли тяжёлые потери и были разбиты при проведении боевых акций [1, с. 114–116]. Бригаду спасло постоянное маневрирование по Новоржевскому, Сошихинскому, Островскому и Пушкиногорскому районам. 21 июня она оторвалась от преследователей, форсировала Сороть и расположилась на отдых в Усадище. Здесь в бригаду, в 4-й полк Г. И. Ефимова, был осуществлён приём 130 бойцов из местного населения [2, с. 287]. 1 июля к бригаде присоединился 1-й полк, действовавший поотрядно, под командованием начальника штаба полка И. Н. Синяшкина [1, с. 114–116]. Общие силы бригады составили свыше 1600 человек — в основном все местные. Вооружение, с учётом переброшенного с «Большой земли», насчитывало 10 станковых пулемётов, 60 ручных пулемётов, 25 — 50-мм миномётов. 3 июля бригада после боёв с карательной экспедицией провела первую диверсию [4, с. 46–48]. В этот период командир бригады А. В. Герман вылетел в Ленинград для встречи с командованием Ленинградского ШПД (ЛШПД). Временно командовать бригадой был назначен начштаба И. В. Крылов.

В начале июля 3-я ЛПБ расположилась в Пушкиногорской и Новоржевской Заретчине. Здесь в июле 1941 г. шли ожесточённые бои, после чего район был оккупирован врагом [5; 6]. До прихода бригады Германа партизанских формирований здесь почти не было из-за отсутствия лесов.

Пользуясь относительным затишьем на Ленинградском и Калининском фронтах, антипартизанская активность германских войск летом традиционно возросла. С 5 июля началась новая карательная экспедиция. Против партизан вступила в бой находящаяся в резерве ОКХ регулярная 223-я пехотная дивизия. Она была выведена на отдых в Новоржев из-под Ленинграда из-за больших потерь осени-зимы 1942–1943 гг. Несмотря на это, командир дивизии, только что получивший звание генерал-лейтенанта, К. Л. Э. Узингер, выделил для антипартизанских действий четыре из семи пехотных батальонов [11, с. 152–161]. Из полиции, жандармерии, охранных войск и подразделений коллаборационистов в большинстве населённых пунктах, на станциях, в узлах дорог, были организованы крупные гарнизоны. Кроме охраны и разведки перед ними были поставлены задачи предотвращения поставок продовольствия местным населением партизанам. В крупных сёлах и волостных управах были созданы ударные мобильные группы с пулемётами, миномётами и артиллерией, призванные оперативно реагировать на любое появление партизан [2, с. 291–295].

Против партизан было задействовано три основных карательных фельдгрупп (в скобках указана численность) [11, сс. 125–129, 152–161]:

Воронцовская: 1-й батальон и учебная рота 368-го гренадерского полка 281-й охранной дивизии (263), 842-й северокавказский полубатальон (467), 1-я рота 843-го северокавказского полубатальона (121), 1-я рота 691-го батальона фельджандармерии (91), подразделения 707-й ортскомендатуры и гестапо (64), при поддержке 5-й батареи 207-го арtpолка (3 — 75-мм полевых пушек FK.16 nA) — общими силами около 900 чел. с 3 полевыми пушками, 90 пулемётами, 30 миномётами (в т. ч. 10 — 81-мм); в районе Маршавицы — Шики — Владимирец находился в готовности 1-й батальон 3-го велосипедного полка (687);

Выборская: 3-й батальон 344-го гренадерского полка 223-й пехотной дивизии с приданными огнемётными трофейными танками 2-го тяжёлого разведывательного батальона (570), 12-я рота 107-го охранного полка (82), 2-я рота 843-го северокавказского полубатальона (295), 2-я ягдкоманда, группа 714-й группы гестапо (48, в т. ч. 41 ЕКА) — общими силами около 1000 чел. с 2 танками, 120 пулемётами, 30 миномётами, 6 противотанковыми пушками; в районе Новоржева находились в готовности 3-й батальон 425-го гренадерского полка, 1-й армянский батальон 198-го гренадерского

полка, ягдкоманда Мартыновского, 569-я фельдкомендатура и 265-я ортскомендатура (1,5 тыс. чел.);

Пушкиногорская: учебная рота 107-го охранного полка с приданными огнемётными трофейными танками 2-го тяжёлого разведывательного батальона (181), 291-я ортскомендатура и гестапо (144, в т. ч. 53 ЕКА), 3-я эйнзатцкоманда СД (74, в т. ч. 45 ЕКА и 25 эстонцев), 2-е отделение 313-й группы Абвера — общими силами около 400 чел., 40 пулемётами, 10 миномётами (в т. ч. 6 — 81-мм), 2 танками, 6 противотанковыми пушками.

Кроме боевых сил, в районе действия партизан находились 5-я рота 130-го полка связи ВВС с тремя лёгкими самолётами связи (аэродром Софино), 4 строительных отряда организации Тодта 1-го инженерного штаба по строительству укреплённой линии «Пантера», группа заготовки кормов для лошадей 218-й пехотной дивизии — всего до 400 человек с лёгким вооружением. При подсчёте не учитываются местные полицаи, относившиеся по учёту не к военным, а административным структурам.

Таким образом, мы видим активное использование немцами национальных коллаборационистских формирований, составивших почти треть от всех задействованных в антипартизанской операции сил. Это представители народов Северного Кавказа, армяне, эстонцы и свои русские — «власовцы» и полицаи. Как минимум, 139 из них были представители ЕКА — местных боевых отрядов — новоржевцы и пушкиногорцы.

7 июля 3-я ЛПБ располагалась в районе Кашино — Вишлево — Усадище. Здесь находилась посадочная площадка для приёма партизанских самолётов. Днём партизаны были обнаружены 2-й ягдкомандой, выдвигавшейся по дороге Выбор — Кашино [11, с. 379]. В 13.00 немецкие охотники атаковали партизан в Вишлеве. Бригада, заняв жёсткую оборону в селе, двумя полками полуокружила противника, но ягдкоманда по болоту смогла выйти из окружения и вызвать на помощь 3-й батальон 344-го гренадерского полка из Выбора. С 16 до 20 часов шёл ожесточённый бой [4, с. 46–48]. 3-я ЛПБ отбила вражеское нападение и обеспечила посадку самолёта. Немцы отошли в Выбор. Ночью отряд 4-го партизанского полка направился в сторону Острова для проведения диверсий на железной дороге.

8 июля разведка учебной роты 107-го охранного полка, продвигаясь от Пушкинских Гор к Выбору, получила сведения от местных жителей о местоположении 3-й ЛПБ и о проведении набора в партизаны [11, с. 378]. На следующий день группы 727-го батальона

фельдполицей выдвинулись по дорогам Зарецкого края в поисках партизан и организации взаимодействия местных гарнизонов. Отряд комиссара 4-го полка И. А. Ступакова, находившийся в засаде у д.Смыки, атаковал одну такую группу. По сведениям партизан, вернувшихся в полк 12 июля, отряд уничтожил 8 немцев при своих потерях 2 убитых, 2 раненых [7, л. 20]. По немецким данным, погиб один фельдполицей [11, с. 377]. Ночью в 3.00 на железной дороге Псков — Остров у д. Ершово группой Найденко 4-го полка был спущен под откос немецкий поезд из 13 вагонов с живой силой.

10 июля, возвращавший с задания отряд 4-го полка был обнаружен в д. Подсевы патрулем фельджандармерии. На уничтожение отряда из Острова была выдвинута фельдгруппа в составе 842-го северокавказского батальона и роты 691-го батальона фельджандармерии [11, с. 376].

10–12 июля формирования 3-й ЛПБ располагались следующим образом: 1-й полк И.Н.Синяшкина — в д. Тучи; 2-й полк Г. А. Ярославцева — в д. Редкино; 3-й полк Худякова — в д. Крюково; 4-й полк Г. И. Ефимова — в д. Никулино [10, л.17; 11, с. 976].

11 июля 1943 г. 3-я ЛПБ провела ряд нападений на отряды противника, выдвигавшиеся для охвата партизан.

Установив расположение бригады, немцы силами Пушкиногорской фельдгруппы в составе учебной роты 107-го охранного полка, 8-й роты 344-го гренадерского полка, двух танков, противотанковой батареи и миномётов попытались уничтожить партизан. На рассвете 11 июля они переправились через Сороть у Песечка, заняли Пентеши и направились в Кашино и Поповню. Здесь они были внезапно контратакованы 4-м партизанским полком. С 7.30 по 20.20 партизаны вели двенадцатичасовой бой за деревни Кашино, Поповня, Пентеши [4, с. 46-48]. В ходе боя враг был сброшен в Сороть [1, с. 313]. Уничтожено 154 солдата и офицера, миномёт, 2 станковых пулемёта. Взято в плен 4 солдата, захвачены 37-мм пушка, 48 снарядов к ней, радиостанция, 9 винтовок, 1 автомат, патроны и документы. Свои потери составили 3 убитых, 13 раненых [7, л. 20]. По другим данным, уничтожено 80 гитлеровцев, 2 огнёмётных танка, 1 автомашина. Свои — 8 убито, 3 ранено [8, л. 101]. Преследуя отступивших гитлеровцев, 4-й полк переправился через Сороть и к утру 12 июля вошёл в Боруны у озера Белагуль [11, с. 972].

В это время 1-й полк И. Н. Синяшкина провёл ряд акций на ж/д Псков — Пушкинские Горы. В 10.00 группы П. А. Васильева и Н. Е. Ерофеева из 27-го отряда наткнулись на немецкую разведку Во-

ронцовской фельдгруппы в д. Ульяненки, всего в 3 км. от лагеря партизан, и в ходе боя отогнали её к железной дороге [9, л. 20].

В 1.00 12 июля 1943 г. группа Злобина сожгла 2 длинных и разобрала 1 короткий мост на большаке Махновка — Сорокино.

В ночь на 12 июля немцы форсированно выдвинули антипартизанские группы для уничтожения 3-й ЛПБ. В Вишлево прибыла Выборская фельдгруппа. Ей на помощь в Выбор направился 425-й гренадерский полк с армянским батальоном. На станцию Русаки прибыли основные силы Воронцовской. Батальон 368-го гренадерского полка с подразделениями 842-го и 843-го северокавказских батальонов при поддержке фельджандармерии заняли сильными гарнизонами деревни Смыки, Лаптево, Вече, Подосье, Туловец, Орлы, Шубки, Лозовка, Ульяненки, Васуткино, Леонково и станцию Русаки [11, с. 375]. Связь с штабом операции обеспечивалась 822-м батальоном связи и самолётами 5-го полка связи ВВС. В 3.00 12 июля 1943 г. группа Н. Е. Ерофеева, преследуя немецкую разведку, атаковала железнодорожный гарнизон в д. Орлы. В ходе боя ерофеевцы уничтожили 9 немцев при 1 погибшем партизане [8, л. 98].

В 5.00 12 июля гитлеровцы 2/207-го арtpолка из района Врева открыли артиллерийский огонь по месту дислокации 2-го полка. В 11.00 разведка 2-го полка доложила командованию бригады об окружении партизан с севера, разведка 4-го — с юго-запада и востока, разведка 1-го — с запада. Из-за наличия крупных сил 223-й пехотной дивизии на юге, И. В. Крылов решил прорываться бригадой на север, с нанесением отвлекающих ударов по железной дороге. В 14.00 основные силы бригады выдвинулись к д. Моисеево. 27-й отряд 1-го полка под командованием А. Ф. Меньшикова, шедший на левом фланге, в 18.00 атаковал гарнизон Лозовка. В ходе пятичасового боя было уничтожено 6 немцев [8, л. 98]. По другим сведениям, — 8 [9, л. 20]. Пробриться не удалось, и отряд Меньшикова вернулся в Редкино.

25-й отряд 2-го полка заминировал шоссе Русаки — Выбор у деревни Моисеево. В 14.30 на минах подорвались 2 германские автомашины. Группа прикрытия под командованием Будаева одну из них с 15 гитлеровцами уничтожила [8, л. 96]. В 15.00 в д. Барсуки прибыл немецкий карательный отряд 344-го гренадерского полка с ротой 843-го северокавказского батальона на 10 автомашинах, которые начали наступление на 25-й отряд. Отряд принял бой и сдерживал противника до прохода через шоссе всей бригады. В ходе боя, длящегося с 15.00 до 22.00, партизаны 25-го отряда уничтожили 2 автомашины с 52 гитлеровцами. Ночью отряд отошёл в Гришманы. Потери партизан

составили 3 раненых [10, л. 22]. По немецким данным, партизаны потеряли 30–35 человек, свои же потери немцы оценили в 3 убитых и 16 раненых [11, с. 374].

Основные силы бригады выдвинулись на Леонково, обнаружили крупные силы противника, болотом перешли к большаку у д. Моисеево, натолкнулись на засаду в Моисеево и с боем прорвались в д. Бухары [4, с. 46–48]. К исходу дня 3-я бригада, кроме прикрывающей роты С. П. Павлова из 1-го полка, сосредоточилась в районе Бухары — Гришманы — Владимировка. Из-за чувствительных потерь, высокой активности партизан и потери основных сил бригады вследствие множества отвлекающих ударов гитлеровская операция по уничтожению 3-й ЛПБ была отменена. В узловых пунктах дорог Русаки — Выбор и Русаки — Пушкинские Горы были оставлены замаскированные огневые группы.

13 июля 1943 г. в 13.30 27-й отряд Меньшикова прорвался через большак Леонково — Моисеево, уничтожив огневую точку с тремя гитлеровцами [8, л. 98]. В 2.00 14 июля 1943 г. рота прикрытия под командованием С. П. Павлова из 13-го отряда 1-го полка совершила налёт на разъезд Русаки. В ходе боя был уничтожен самолёт разведки и связи Нс. 126 «Костыль» и 33 немца [8, л. 96]. Потери — 1 партизан [9, л. 15]. Этот бой, вместе с Кашинским, вошли в донесение начальника ЛШПД М. Н. Никитина в ЦШПД за июль 1943 г. [2, с. 291–297]. Рота кружным путём вышла в район сосредоточения основных сил бригады. По немецким данным, представленным 15 июля, указано ещё нападение на легковой автомобиль 313-й абвергруппы у д. Носово с потерей 2 абверовцев [11, с. 371].

13–15 июля 4-й полк Г. И. Ефимова совершил 60-тикилометровый марш Боруны — Барсуки — Котельно — Владимирец, где встретился с основными силами бригады [11, с. 972].

18 июля немецкое командование вывело 223-ю пехотную дивизию из зоны действий группы армий «Север» и направило её в район Идрицы и Пустошки в оперативный район группы армий «Центр». В Пушкинском, Сошихинском и Новоржевском районах 281-я охранная дивизия перешла к тактике блокпостов и мобильных групп [11, с. 137–149].

3-я Ленинградская партизанская бригада в полном объёме выполнила распоряжение ЦШПД. Она с минимальными потерями вышла из планируемого немцами окружения, нанесла ряд поражений превосходящим силам противника, провела несколько диверсий на магистралях противника, сохранила боеспособность, провела попол-

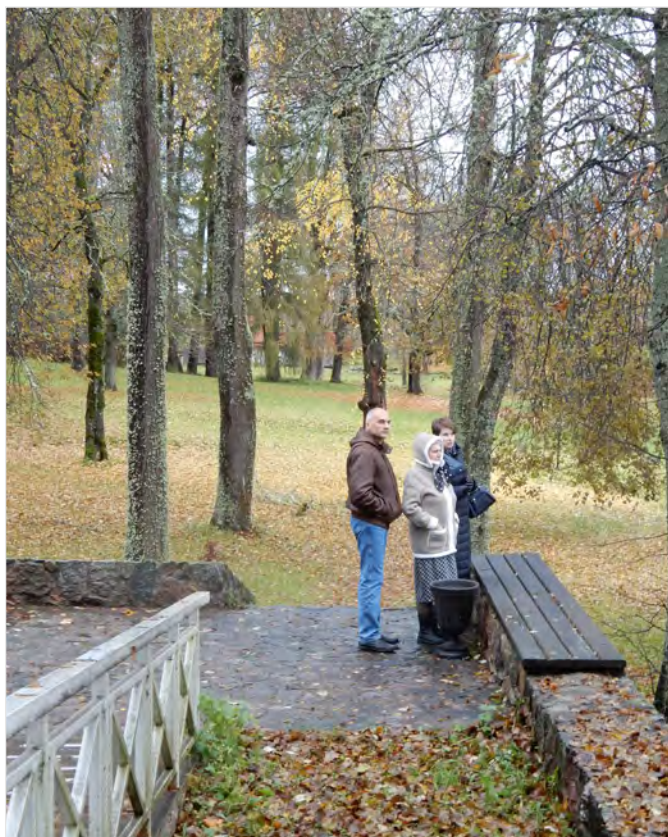

нение из местного населения. Всем этим она оказала заметное влияние на морально-психологическое состояние как местных жителей, так и коллаборационистов. Следствием успехов партизан стало значительное увеличение численности бригады к осени 1943 г., в том числе за счёт целых подразделений коллаборационистов, переходящих на сторону Советской власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1943. Сб. документов. Л.: Лениздат, 1983.
2. Непокорённая земля Псковская. 1941–1944. Документы и материалы. Псков: Псковская правда, 1964.
3. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Терра, 1999. С. 294–295.
4. Седунов А. В. Дневник фронтового корреспондента // Псков. 2010 г. № 4 (32).
5. Терентьев В. О. Девять дней 1941 года (Из истории обороны Селиховского моста на Пушкиногорском направлении 8–17 июля 1941 года). СПб.: Нестор, 2008.

6. *Терентьев В. О.* Боевые действия 806-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии на Островском направлении в июле 1941 года // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 дек. 2016 г.). В 2 тт. Т. 1. Чебоксары, 2016. С. 48–50.
7. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД). Ф.Р-116 л. Оп. 1. Д. 503.
8. ЦГАИПД. Ф.Р-11, 6л. Оп. 1. Д. 506.
9. ЦГАИПД. Ф.Р-11, 6 л. Оп. 1. Д. 1644.
10. ЦГАИПД. Ф.Р-11, 6 л. Оп. 1. Д. 1657.
11. The National Archives and Records Administration (NARA). T. 315. R.1874.

**ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ
ОСТРОВА И ПСКОВА в 1944 году**
(The French press on the liberation of Ostrov and Pskov in 1944)

В статье анализируется освещение прорыва советскими войсками северной части Восточного вала, немецкой оборонительной линии «Пантера», во французской периодической печати. Примечательно, что названия «Пантера» и «Восточный вал» не упоминались во французских газетах 1944 г., а факт освобождения Острова и Пскова с дальнейшим развитием наступления советских войск в глубь Прибалтики по-разному освещался в трёх сложившихся в оккупированной Франции группах периодики. События лета 1944 г., связанные с открытием Западного фронта, значительно изменили приоритеты многих газет, и это отразилось в том числе на степени внимания к германо-советскому противостоянию.

Ключевые слова: «Пантера», Франция, французская пресса, Псковско-Островская наступательная операция, Остров, Псков, коллаборационизм, Виши, Сопротивление.

Специфика освещения событий Великой Отечественной войны во французской прессе до сих пор остаётся практически неизученной. В то же время эта тема обладает как исторической значимостью, так и актуальным политическим звучанием. Её исследование позволяет, в числе прочего, судить о том, какие настроения бытовали во французском обществе времен войны, о восприятии Советского Союза и Красной армии; о том, воспринимались ли они как угроза цивилизованной Европе или как освободители — и кем именно.

Ситуация, в которой французская периодика оказалась к июлю 1944 г., сложилась в ноябре 1942 г. [6; 7]. С того момента, как страна была оккупирована полностью и разделена на Северную и Южную оккупационные зоны, правительство Виши окончательно утратило даже номинальную независимость. Ещё в июне 1940 г., после Компьенского перемирия, часть старых французских периодических

Первая полоса газеты
"Пти паризьен". № 24415.
12 июля 1944 г.

изданий пошла по пути коллаборационизма, транслируя официальную немецкую точку зрения, за что получила название «немецкой франкоязычной прессы». Другие периодические издания, не вернувшиеся в оккупированный Париж или продолжившие выходить в южных регионах, признав правительство Виши, также стали коллаборационистскими и известны как «вишистская пресса». Третьи закрылись (некоторые из них возобновили деятельность после освобождения страны). Наконец, с началом Сопrotивления во Франции возникла и развивалась подпольная пресса Сопrotивления, к 1944 г. получившая уже весьма широкое

распространение и выходившая довольно внушительными тиражами (до 150 000 экземпляров) [10]. Внутри каждой группы изданий существовала дифференциация по степени идеологизированности публикаций, преимущественному интересу издания к внутривполитическим или международным новостям, тиражу и популярности у читателей.

Ультракoллаборационистская пресса северной части Франции находилась под полным контролем немецких властей и фактически входила в систему пропаганды Третьего Рейха [10]. Самое агрессивное пронацистское и откровенно юдофобское издание, которое позиционировало себя как еженедельник международной жизни, «Же сюи парту», с началом неудач вермахта публиковал всё меньше международных новостей. Поэтому об освобождении Острова и Пскова на его страницах предсказуемо не появилось ни строчки.

Раньше всех упомянула боевые действия в районе Пскова и Острова парижская «Пти паризьен». 12 июля (когда в ходе боевых действий были освобождены Пушкинские горы [2]) в статье «На русском фронте» описывалась «извилистая линия фронта», которая про-

Заметка «На русском фронте». Газета «Пти паризьен». № 24415. 12 июля 1944 г. Первая полоса, фрагмент

19 июля (через два дня после начала Псковско-Островской операции [3]), эта оценка не претерпела изменений, хотя Остров был упомянут уже как регион атаки: «К востоку от Вильны, в озерной местности южнее Двинска, севернее Двины, в Опочечком кармане, а также к югу от Острова большевики попытались вчера прорвать наш фронт, однако все их атаки были отбиты, и они понесли тяжелые человеческие потери» [14. № 24421. Р. 1]. В день освобождения Острова, 21 июля, сообщалось о том, что «между Двиной и Островом мощные советские штурмовые колонны были наголову разбиты после длительных тяжелых боев с переменным успехом, и несколько прорывов были блокированы» [14. № 24423. Р. 1]. Однако 24 июля, уже на следующий день после освобождения Пскова, то есть практически своевременно, «Пти паризьен» сообщила об оставлении обоих городов: под заголовком «Немцы оставляют руины Острова и Пскова» сообщалось: «Руины Острова и Пскова были оставлены после того, как все военные объекты были уничтожены. Эскадрильи боевой авиации эффективно вмешались в наземные бои и нанесли противнику тяжелые потери в людях и технике» [14. № 24425. Р. 1]. Как и всегда при упоминании поражений или неудач вермахта, коллаборационистская пресса смягчала эту информацию подробным перечислением потерь противника, а также полное разрушение оставленных населённых пунктов, что должно было подчеркнуть их непригодность к

тянулась «на 600 км через географические пункты, известные теперь всему миру. На севере она проходит по течению Нарвы, через озеро Пейпус [Псковско-Чудское — *Е. Т.¹*], Псков, Остров до Полоцка на западе» [14. № 24415. Р. 1]. Однако в качестве основного направления наступления советских войск в северном регионе Восточного фронта было указано «к западу от Полоцка». Через неделю,

¹ Во французской прессе использовались географические названия, применявшиеся немцами. Псковско-Чудское озеро фигурировало под эстонским названием «озеро Пейпус».

Первая полоса газеты «Матен».

№ 21850. 24 июля 1944 г.

Активно сотрудничавшая с немецкими властями газета «Матен» была вторым изданием, которое начало выходить в оккупированном Париже [10. Р. 42] и второй газетой, упомянувшей в июле 1944 г. события, развернувшиеся вокруг Острова и Пскова. 19 июля в статье «Большевики отброшены от Немана в центральном секторе фронта» повторялась информация, в тот же день помещённая в номере «Пти паризьен» о потерях большевиков южнее Острова при безуспешных попытках прорвать фронт [13. № 21846. Р. 1]. 21 и 24 июля в «Матен» также появились материалы, дублировавшиеся в те же дни в номерах «Пти паризьен», — о разгроме советских атакующих колонн между Двиной и Островом [13. № 21848. Р. 1] и оставлении немецкими войсками руин Острова и Пскова [13. № 21850. Р. 1] соответственно. 25 июля в статье «Советское наступление развивается значительными силами» линия фронта признавалась проходившей «от южной оконечности озера Пейпус к западу от Пскова и Острова, к востоку от Резекне» [13. № 21851. Р. 1], — и это был последний материал, в котором упоминались указанные города.

какому-либо использованию. Ещё через два дня, 26 июля, в статье «Общий характер войны на востоке» линия фронта обрисовывалась «в нескольких километрах к западу от Острова и Пскова до южной оконечности озера Пейпус» и говорилось о том, что накануне «советское наступление еще далее продвинулось к северу» [14. № 24427. Р. 1]. «Пти паризьен» считалась наименее коллаборационистской из газет Северной зоны. И хотя в условиях оккупации не приходилось говорить об объективности разрешённой прессы, своевременная публикация в «Пти паризьен» актуальных новостей подтверждает такую её оценку.

В отличие от «Пти паризьен» и «Матен», которые в 1944 г. упоминали Остров и Псков лишь в июне-августе, «Пари-суар» многократно писала об этих городах (около 30 раз с января по июнь 1944 г.; это было связано с тем, что бои по прорыву линии «Пантера» начались с февраля 1944 г. [1; 4]). Однако в июле наступило молчание. Только в номере от 21 июля газета дословно повторила сообщение немецкой ставки, в тот же день опубликованное и «Пти паризьен» и не соответствовавшее действительности, — о том, что «между Двиной и Островом [...] мощные советские колонны подверглись децимации» [15. № 1309. Р. 1]. Об освобождении Острова и Пскова газета сообщила на день позже «Пти паризьен», 25 июля, с комментарием о плановом характере этого шага: «Уход из Острова и Пскова, покинутых согласно предусмотренному плану, не дал врагу значительных территорий, поскольку немецкие войска отошли на лучшие оборонительные позиции» [15. № 1312. Р. 1]. На следующий день газета заговорила о немецком контрнаступлении, добавив, что «...советские войска с тяжелыми боями немного продвинулись между Двиной и Псковом» [15. № 1313. Р. 1]. И хотя 27 июля линия фронта обрисовывалась «в нескольких километрах к западу от Острова и Пскова» [15. № 1314. Р. 1], 31 июля «Пари-суар» вновь противоречила себе (и истинному положению вещей): «линия Двинск — Псков — Нарва все еще держится» [15. № 1317. Р. 1]. В таком явном отказе признавать факты проявился ультраколлорабационизм газеты, которая позиционировалась немецкими властями как французская газета, издаваемая французами [10. Р. 43].

Любопытно, что центральные коллаборационистские органы печати Южной зоны («вишистской прессы») значительно осторожнее подошли к освещению событий, связанных с прорывом «Пантеры». Умеренные «Журналь» и «Пти журналь» воздержались от публикаций на эту тему. И, не считая отдельных случаев в небольших провинциальных газетах, об освобождении Острова и Пскова писали только активно коллаборационистские «Журналь де деба политик э литерер» и «Овр».

20 июля «Журналь де деба политик э литерер» опубликовала ту же информацию немецкой ставки, что и «Матен» и «Пти паризьен» накануне: «к югу от Острова большевики попытались вчера прорвать наш фронт, однако все их атаки были отбиты, и они понесли тяжелые человеческие потери» [11. № 1385. Р. 2] — к тому же, в отличие от всех вышеописанных газет, не на первой полосе. На следующий день (также на второй странице) со ссылкой на Виши сообщалось,

что «на восточном фронте центры тяжести сражений вчера были расположены [...] и к югу от Острова» [11. № 1386. Р. 2]. 22 и 25 июля «Журналь де деба» перепечатывала опубликованные накануне материалы «Пти паризьен» [11. № 1387. Р. 3; № 1389. Р. 1, 3]. Таким образом, информация об оставлении вермахтов Острова и Пскова «после уничтожения всех военных объектов» [11. № 1389. Р. 1] появилась на её страницах 25 июля. 26 июля эта информация была дополнена: «Вермахт оставил Псков и Остров. Линия фронта проходит [...] в нескольких километрах к западу от Острова и Пскова [11. № 1390. Р. 2].

«Овр» была ещё более скупа на информацию. Сообщения, в которых упоминались Остров и Псков, появились на её страницах только 21 и 24 июля 1944 г. Первое сообщение (не на первой полосе) дословно повторяло ложную информацию, впервые появившуюся в «Матен» и «Пти паризьен» 19 июля о разгроме советских штурмовых колонн [12. № 10317. Р. 2]. 24 июля сообщалось, что «руины Острова и Пскова были оставлены после уничтожения всех военных объектов» (дословное повторение сообщений «Матен» и «Пти паризьен» от того же числа) с дополнением на второй странице: «На востоке продолжается мощное советское давление к северу от Лемберга. В районах Брест-Литовска, Гродно и Ковно ситуация спокойнее; в районе Острова немецкое отступление продолжается без помех со стороны красных армий» [12. № 10319. Р. 1, 2].

Подпольная пресса Сопротивления на всём протяжении периода немецкой оккупации Франции уделяла основное внимание внутриполитическим событиям в стране. Это определялось её основным назначением — борьбой с немецкими захватчиками и немецкой пропагандой. Однако как раз последняя из указанных задач вполне удачно решалась публикацией новостей о поражениях немецкой армии на Восточном фронте, которые не могла себе позволить даже нейтральная, или условно коллаборационистская пресса (как, например, газета «Круа», которую даже Шарль де Голль считал невиновной в коллаборационизме, хотя она и выходила некоторое время после полной оккупации страны [9. Р. 114]). Сообщения об успехах советского оружия стали появляться в газетах Сопротивления ещё до коренного перелома в Великой Отечественной войне, как только стало очевидно, что план молниеносной войны сорван, а взятие Москвы не состоится [6]. «Либерасьон», «Дефанс де Франс» и «Комба» продолжали печатать сообщения о событиях на советско-германском фронте вплоть до весны 1944 г., остальные подпольные газеты вернулись к

преимущественно внутренней жизни страны. Однако летом 1944 г. ситуация в корне изменилась.

Лето 1944 г. Второй мировой войны для Франции стало переломным: создание Временного правительства Французской республики в Алжире 3 июня вместо Французского комитета национального освобождения, признание его союзниками, через несколько дней — высадка в Нормандии и открытие Западного фронта, приведшее к освобождению Парижа в конце августа. Все это, безусловно, оказало огромное влияние на внутрисполитическую жизнь страны и стало пищей для живого отклика всей существовавшей к тому моменту периодической печати. Отклик этот разнился в зависимости от того, к какой из существовавших к этому времени групп периодики относилось то или иное издание, и оказался напрямую связан с интенсивностью публикаций, посвящённых событиям на Восточном фронте.

После начала высадки в Нормандии и освобождения Франции газеты Соппротивления охватила эйфория. Осознав близость победы над Германией, они заговорили не только об освобождении родины, но и о послевоенном устройстве мира и месте в нём Франции, об ответственности коллаборационистов [8] и т. д. Более отдалённые (и географически, и политически) поражения немцев оказались за пределами круга интересов прессы Соппротивления, до выхода которой из подполья оставалось в момент освобождения Пскова и Острова чуть больше месяца. В течение июля на страницах газет Соппротивления ни разу не упоминались события на Восточном фронте, включая и военные действия, связанные с прорывом линии «Пантера».

Таким образом, в июле 1944 г. во французской периодике сложилась парадоксальная ситуация. Об успехах Красной Армии, связанных с прорывом оборонительной линии «Пантера» и освобождении Острова и Пскова в ходе Псковско-Островской наступательной операции РККА, сообщала только официальная коллаборационистская пресса — как Северной, так и Южной оккупационных зон. Причём чем более активно коллаборационистским было издание, тем вероятнее было появление в нём информации о прорыве северной части Восточного вала. Конечно, оценки изменения линии фронта в печатных органах Северной и Южной оккупационных зон вполне отвечали информационной политике Германии: в сводках постоянно подчеркивалась подготовленность отступления немецких армий и использовалась ставшая к концу войны традиционной риторика целесообразного выравнивания вермахтом линии фронта. Однако собственно информацию об освобождении Пскова и Острова, которое означало

прорыв северной части Восточного вала (линии «Пантера»), французы могли получить именно (и только) из коллаборационистских изданий. Причина этого парадокса кроется в открытии Западного фронта в Европе. Газеты Сопротивления именно в нём черпали материалы для статей — как новостных, так и пропагандистски-политических, — и поэтому не уделяли внимания событиям на Восточном фронте. И наоборот: именно для того, чтобы отвлечь внимание читателя от событий на Западном фронте, коллаборационистские газеты много писали о событиях на Востоке, благодаря чему французы могли узнать о падении очередного рубежа немецкой обороны, первую линию которой составлял Псковско-Островский регион.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Бирюк С.* Март 1944. Битва за Псков. М.: Яуза, 2019. 256 с.
2. *Терентьев В. О.* Боевая работа 9-й Новгородской штурмовой инженерно-саперной бригады РВГК на Пушкиногорском направлении в июле 1944 г. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Вольск: ВВИМО, 2017. В 2 т. Т. 2. № 11 (11). С. 70–75.
3. *Терентьев В. О.* Бои 53-й Гвардейской стрелковой дивизии по прорыву линии «Пантера» в июле 1944 года // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. С. 42–49.
4. *Терентьев В. О.* Прорыв подготовленной обороны в ходе преследования немецких войск в феврале 1944 г. на примере 42–1, 67–1 Общевоинских и 1-й Ударной армий // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. К 75-летию освобождения Пскова от немецких оккупантов. Материалы научно-практической конференции «Псковско-Островская наступательная операция и освобождение Северо-Запада России от вражеской оккупации в 1944 г.» 6 мая 2019 г., Санкт-Петербург. 2019. № 3 (16). С. 67–79.
5. *Терентьева Е. А.* Освещение Курской битвы во французской прессе // Коренной перелом: к 75-летию Курской битвы / Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2018 г. // Гос. Воен.-ист. музей-заповедник «Прохоровское поле». Сост. С. В. Бородина, О. С. Мишкина, ред. Н. И. Овчарова. Прохоровка: ГВИМЗ «Прохоровское поле», 2018. 696 с. С. 71–83.

6. Терентьева Е. А. «Свои» и «Чужие»: советские войска в сражениях Великой Отечественной войны глазами французских журналистов // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России / Под ред. Т. Л. Лабутиной. СПб.: Алетейя, 2019. С. 472–491.
7. Терентьева Е. А. Прорыв и снятие блокады Ленинграда в освещении французской прессы // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв Блокады: материалы и исследования / Сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. СПб.: Издательство «ГАЛАРТ» СПб, 2019. С. 378–395.
8. Combat: organe du Mouvement de libération française. 1944. № 58.
9. De Gaulle Ch. Mémoires de guerre. Tome 3. Le salut. 1944–1946. Paris: Librairie Plon, 1960. 653 p.
10. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome IV. De 1940 à 1958. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 486 p.
11. Journal des débats politiques et littéraires. 1944. № 1385–1390.
12. L'Oeuvre. 1944. № 10317, 10319.
13. Le Matin. 1944. № 21846–21851.
14. Le Petit Parisien. 1944. № 24415–24427.
15. Paris-Soir. 1944. № 1309–1317.

**УЧАСТНИКИ
IX ПСКОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ**

1. **Аверина Эллина Юрьевна (Вильнюс, Литовская Республика)**, научный сотрудник Литературного музея им. А. С. Пушкина.
2. **Аксельрод Владимир Ильич (С.-Петербург)**, кандидат педагогических наук, методист, декан Юношеского университета дополнительного образования СПбургского Дворца творчества юных; заместитель председателя Петербургского отделения СКР, член Совета СКР.
3. **Алексеев Юрий Николаевич (Новосокольники)**, учитель истории МБОУ «Средняя школа г. Новосокольники», член Псковского регионального отделения Союза краеведов России (ПРО СКР).
4. **Анисимова Надежда Владимировна (Бежаницы)**, хранитель фондов Бежаницкого ИКЦ Философовых, и. о. директора ИКЦ Философовых, член Псковского регионального отделения СКР.
5. **Антипова Марина Алексеевна (Псков)**, преподаватель ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».
6. **Балакирев Геннадий Всеволодович (Великие Луки)**, ведущий инженер локомотивного депо «Великие Луки», член ПРО СКР.
7. **Беляева Лидия Александровна (Великие Луки)**, краевед, редактор группы ВКонтакте «Кудеверская волость».
8. **Буренков Владимир Алексеевич (С.-Петербург)**, историк.
9. **Васильев Андрей Михайлович (Пушкинские Горы)**, начальник Отдела краеведения, истории и археологии Пушкинского Заповедника.
10. **Васильев Владимир Иванович (Псков)**, главный архитектор проектов по сохранению объектов культурного наследия ОАО института «Псковгражданпроект», член Союза архитекторов и Союза реставраторов Российской Федерации, председатель Псковского отделения Союза архитекторов и Союза реставраторов России.
11. **Васильева Полина Ивановна (Бежаницы)**, краевед.
12. **Вересова Тамара Васильевна (Псков)**, председатель ПРО СКР, член Совета СКР, член Союза писателей и Союза журналистов России.
13. **Грушина Любовь Евгеньевна (Таллинн / Изборск)**, историк, археолог.

14. **Егорова Нина Фёдоровна (Бежаницы)**, корреспондент газеты «Сельская новь».
15. **Ефимов Алексей Николаевич (Псков)**, краевед.
16. **Желамский Александр Гаврилович (Невельский р-н)**, геоморфолог, канд. географических наук, действительный член Русского Географического общества, основатель Музея пейзажного наследия Псковской земли «Окоём», член ПРО СКР.
17. **Иванов Иван Васильевич (Псков)**, поэт, член Союза писателей России.
18. **Касаткина Светлана Вадимовна (Заволжск Ивановской обл.)**, кандидат исторических наук, директор Городского Художественно-краеведческого музея.
19. **Козмина Мария Альбертовна (Пушкинские Горы)**, искусствовед, старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника.
20. **Кондратенко Алексей Иванович (Орёл)**, доктор филологических наук, профессор Кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, председатель правления Областного отделения РОИА, член Союза писателей России.
21. **Кондратенко Галина Ивановна (Орёл)**, краевед.
22. **Кондратеня Александр Владимирович (Опочка)**, главный хранитель фондов Краеведческого музея МБУК «Опочецкий районный Центр культуры», член Совета ПРО СКР.
23. **Конов Юрий Геннадьевич (Псков)**, старший научный сотрудник отдела «Псковский Кремль» Музея-заповедника.
24. **Костючук Лариса Яковлевна (Псков)**, доктор филологических наук, профессор Кафедры русского яз. и русского яз. как иностранного ПсковГУ.
25. **Кривуля Ирина Владимировна (Псков)**, старший преподаватель Кафедры географии Естественно-географического факультета ПсковГУ.
26. **Ксенофонтова Светлана Викторовна (Бежаницы)**, директор Бежаницкой районной библиотеки.
27. **Лилейкина Валентина Анатольевна (Псков)**, старший преподаватель Кафедры географии ПсковГУ.
28. **Меньшов Николай Петрович (Москва)**, кандидат исторических наук, архивист, член ПРО СКР.
29. **Нестеров Андрей Евгеньевич (Опочка)**, ведущий инженер-электрик Западных электрических сетей ПАО «МРСК Северо-Запад» филиала «Псковэнерго».

30. **Новиков Игорь Александрович (Челябинск)**, кандидат исторических наук, доцент Кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, член Совета СКР.
31. **Орлов Дмитрий Игоревич (Псков)**, студент ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».
32. **Пахоменкова Марина Михайловна (Новоржев)**, заведующая Краеведческим музеем, член ПРО СКР.
33. **Петрова Светлана Викторовна (Бежаницы)**, директор Бежаницкого Историко-культурного центра Философовых.
34. **Петровская Ольга Николаевна (Москва)**, историк, член Союза журналистов России.
35. **Саюнов Игорь Олегович (Великие Луки)**, преподаватель общественных дисциплин ГБПОУ ПО «Великолукский медицинский колледж», член Совета ПРО СКР.
36. **Смирнова Татьяна Михайловна (пос. Чихачёво, Бежаницкий р-н)**, учитель истории средней школы.
37. **Соколова Ирина Георгиевна (Псков)**, кандидат биологических наук, доцент ПсковГУ.
38. **Теренина Наталья Константиновна (Псков)**, кандидат географических наук, доцент Кафедры географии Естественно-географического факультета ПсковГУ, член Совета ПРО СКР.
39. **Терентьев Вячеслав Олегович (С.-Петербург)**, кандидат исторических наук, доцент Кафедры отечественной истории, политологии и социологии, заведующий музеем ГУМРФ им. Адмирала С. О. Макарова, начальник Отдела военной истории общественной организации «Историческое сознание», руководитель филиалов в С.-Петербурге и Псковской обл.
40. **Терентьева Екатерина Анатольевна (С.-Петербург)**, кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории и регионоведения СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Учёный секретарь Отдела политической истории и руководитель Совета общественной организации «Историческое сознание».
41. **Терентьева Наталья Матвеевна (Пушкинские Горы)**, директор школьного музея «Дом русского быта» Пушкиногорской школы-интерната, Заслуженный учитель Российской Федерации.
42. **Тимофеев Артём Станиславович (Псков)**, студент ГБПОУ «Псковский политехнический колледж».
43. **Туркина Галина Геннадьевна (с. Заречный, Заволжский р-н Ивановской обл.)**, учитель истории МКОУ «Заречная средняя общеобразовательная школа».

44. **Узенёва Юлия Николаевна (Пушкинские Горы)**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея-усадьбы «Михайловское».
45. **Фёдоров Алексей Иванович (С.-Петербург)**, руководитель группы МТС, член Совета ПРО СКР.
46. **Филимонов Анатолий Васильевич (Псков)**, кандидат исторических наук, профессор Кафедры отечественной истории Исторического факультета ПсковГУ.
47. **Хашковский Алексей Васильевич (С.-Петербург)**, доцент Кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии РГПУ им. А. И. Герцена.
48. **Цветков Николай Анатольевич (Пыталово)**, председатель регионального отделения Всероссийского общества «Энциклопедия российских деревень».
49. **Цуканова Анна Валерьевна (С.-Петербург)**, студентка 4 курса бакалавриата Института истории СПбГУ.
50. **Чернов Роман Геннадьевич (Псков)**, краевед, член ПРО СКР.
51. **Шелаева Алла Александровна (С.-Петербург)**, кандидат филологических наук, доцент Кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ.
52. **Юринова Елена Дмитриевна (Пустошка)**, краевед, член ПРО СКР.
53. **Яковлева Марина Станиславовна (Опочка)**, президент Краеведческого клуба «Отчий дом», член Союза журналистов России.
54. **Яковлева Тамара Ивановна (Пустошка)**, главный библиограф Центральной районной библиотеки, член Совета ПРО СКР.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Костючук Л. Ю.)	3
ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ	5
Костючук Л. Я. К памяти о тех, кто был предан псковскому «родиноведению»	5
Нестеров А. Е. Дворяне Неклюдовы, владельцы сельца Ступино Терebenской губы	12
Аверина Э. Ю. Псковские дворяне Бибиковы	21
Касаткина С. В. Кинешемские Философовы и Алексей Илларионович Философов (неизвестная переписка XIX века)	27
Шелаева А. А., Цуканова А. В. «Моё любезно-скупное училище»: Владимир Дмитриевич Философов о годах обучения в Императорском Училище правоведения	39
Вересова Т. В. Династия священников-просветителей Бежаницких на службе православной Прибалтики	47
Алексеев Ю. Н. О генерале Николае Чагине	62
Васильев А. М. К истории рода Затеplinских, владельцев сельца Савкино Опочецкого уезда	70
Кондратенко А. И. Выпускник Псковской Духовной семинарии Яков Горожанский — филолог, педагог, краевед	78
Фёдоров А. И. Барон Модест Фредерикс	85
Яковлева Т. И. Полковой священник, депутат Государственной Думы, Георгиевский кавалер Митрофан Блажевич	92
Кондратенко Г. И. Пскович Владимир Сахаров — ректор Орловской Духовной семинарии, богослов	102
Соколова И. Г. Наша землячка Евгения Синская — выдающийся отечественный биолог	113
Новиков И. А. Анатолий Карманов — ректор педагогических институтов России	119
Тимофеев А. С. К вопросу об увековечивании памяти партизана Лёни Голикова	137

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ	141
Чернов Р. Г. Бакунинский период в истории имения «Аннинское» Себежского уезда	141
Узенёва Ю. Н. Участие дворянства Псковской губернии в общественной жизни губернии и уездов в 1-й половине XIX века	151
Ефимов А. Н. Латышские поселения на Стругокрасненской земле	161
Васильева П. И. Крестьянские мятежи 1919 года в Новоржевском уезде	180
Аксельрод В. И. Псковская улица в Петербурге. Страницы истории	187
Иванов И. В. Судьбы крестьянские в период коллективизации на Псковщине (по воспоминаниям Василия Анисимовича Иванова)	203
Цветков Н. А. Торговля в Яунлатгальском (Абренском) уезде в 1921–1940-х годах	210
Беляева Л. А. Лишённые избирательных прав в Кудеверской волости в 1930-х годах	216
Туркина Г. Г. Псковский Детский дом «Снятная гора» на Заволжской земле	225
Терентьев В. О. Зарецко-русаковская операция 3-й Ленинградской партизанской бригады в июле 1943 года	232
Терентьева Е. А. Французская пресса об освобождении Острова и Пскова в 1944 году	241
УЧАСТНИКИ IX ПСКОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ	250

Научное издание

ДЕВЯТЫЕ
ПСКОВСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том II

*Материалы научно-практической конференции,
пос. Бежаницы Псковской области,
11–13 октября 2019 года*

На 1-й странице обложки — дом Д. А. Философова в с. Усадище, что ныне входит в пос. Бежаницы. В доме располагается Историко-культурный центр Философовых (фото из фонда ИКЦ).

На 3-й странице обложки — экскурсию по усадьбе ведёт
М. М. Пахоменкова. Фото Т. В. Вересовой.

На 4-й странице обложки — один из объектов восстановленной усадьбы Алтун дворян Львовых (Новоржевский р-н).
Фото Т. В. Вересовой.

Научный редактор: Л. Я. Костючук

Корректор: С. Н. Емельянова

Компьютерная вёрстка, дизайн: Е. Н. Богданова

Подписано в печать: 12.11.2019. Формат 60х90/16.

Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 16,0.

Тираж 200 экз. Заказ № 5795.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:

Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.

Псковский государственный университет